

Константин Свиржецкий

Языки в Украине:

**возродить украинский –
защитить русский**

*Вторая редакция,
переработанная и дополненная*

**Запорожье
Дикое Поле
2008**

ББК 81.21(4Укр)
УДК 81`272(477)
С 24

Содержание

Предисловие	4
1. В поисках упрямой истины	5
2. Защитим русский язык!	91
3. Возродим украинский язык!	102
3. R-фактор	128
4. Народ-феникс	131

Свиржецкий К.

С 24 Языки в Украине: возродить украинский – защитить русский. –
Запорожье: Дикое Поле, 2008. – 136 с.

ISBN 978-966-2994-25-4

Документально-публицистическая работа Константина Свиржецкого «Языки в Украине: возродить – украинский, защитить – русский» предлагает комплексный подход к пониманию и решению языковой проблемы в Украине.

В первой редакции книга была размещена в ряде электронных библиотек. Настоящее издание представляет собой ее вторую редакцию – переработанную и дополненную.

ББК 81.21(4Укр)
УДК 81`272(477)

ISBN 978-966-2994-25-4

© Свиржецкий К., 2008
© Дикое Поле, 2008

Предисловие

Вопросы, связанные с состоянием и развитием языковой ситуации в Украине, тесно переплетены с историей нашей страны, с реальной историей украинского народа, с теми демографическими и социальными процессами, которые то кипели, то затухали на нашей территории в течение многих десятков и сотен лет. Сегодня эти вопросы фактически сводятся к одному: можно ли возродить украинский язык, не нанося ущерба русскому языку и даже защищая его, и как это сделать?

Разрешение этой проблемы, а вернее сказать дилеммы, уже почти полтора десятка лет так или иначе волнует большинство граждан нашей страны. Именно эта дилемма лежит в основе столкновения всех мнений в области реализации языковой политики в Украине. Потому что одна часть общества хотела бы «возродить украинский язык», а другая – «защитить русский».

Для абсолютного большинства наших соотечественников эти две задачи, рецепты решения которых периодически предлагают разные политики и общественные деятели, сегодня представляются взаимоисключающими. Однако в действительности они не противостоят друг другу. При правильном подходе обе эти задачи могут эффективно дополнять друг друга, создавая чувство социального комфорта для всех украинцев и русских, живущих в Украине. Независимо от того, на каком языке они говорят.

Что же мешает нам выработать эти «правильные подходы», воспользоваться ими и забыть о взаимных подозрениях? Можно ли все-таки возродить украинский язык, не нанося ущерба русскому и даже защищая его?

В этой книге я постараюсь без лукавства и хитрости, опираясь на известную историческую фактографию и статистику, рассказать и четко показать, что это абсолютно в наших силах. И мы можем, решая эти две, на первый взгляд, взаимоисключающие задачи, добиться и восстановления исторической справедливости в плане возрождения украинского языка, и соблюдения прав конкретных отдельных граждан нашей страны, которые хотели бы избежать навязывания им того или иного языка как средства общения или воспитания и образования своих детей и внуков.

Я адресую эту книгу в первую очередь русскоязычным украинцам, к которым отношусь я сам, и от позиции и мнения которых в большинстве своем зависит решение этой проблемы. Я хочу, чтобы, читая эту книгу, они помнили, что ее автор – человек, родившийся, выросший и продолжающий жить на Юге Украины. Человек, кото-

рый имеет достаточно типичную для наших т. н. «русскоязычных» регионов биографию, набор анкетных данных и родственных связей.

Возможно, для многих читателей целый ряд изложенных в книге фактов и статистической информации будет противоречить тому, что нам преподавали в советской школе. Ведь большинство из нас и по сей день остается ее выпускниками, а она так или иначе формировала наше мировоззрение под углом зрения, который был выгоден политической системе того времени.

Возможно, на определенном этапе чтения написанное даже вызовет у вас возмущение. Но хочу предупредить, что здесь всего лишь излагаются документально и называются своими именами подтвержденные исторические факты, которые ранее утаивались или искажались системой. И поэтому я заранее прошу уважаемых читателей помнить, что эта книга написана с наилучшими намерениями и от чистого сердца, с желанием помочь своим соотечественникам и отстоять попорченную историческую справедливость, и защитить свои права на свободу выбора.

1. В поисках упрямой истины

Подмена понятий в политических целях

Возрождение украинского языка и защита русского языка в Украине кажутся несовместимыми и взаимоисключающими только на первый взгляд. Такими, как правило, их преподносят недобросовестные политики и разного рода PR-технологи, которые в интересах своих хозяев распространяют информационную «лапшу» для запугивания т. н. «русскоязычного» населения жупелом насильственной украинизации. Как правило, такие деятели в своих выступлениях принципиально «кроят» современное украинское общество на исключительно т. н. украиноязычных и русскоязычных и берутся защищать «права» русскоязычных на использование ими русского языка.

На самом деле все становится на свои места, если вместо этих двух не совсем корректно выделенных категорий граждан Украины – украиноязычных и русскоязычных – рассматривать три крупные многомиллионные этно-языковые группы населения, которые реально существуют в нашей стране. А именно: (1) украинцы, говорящие на украинском языке, (2) украинцы, говорящие на русском языке, и (3) русские, которые почти все в повседневной жизни говорят на русском языке.

Первые две группы составляют собственно то, что мы привыкли называть украинским народом¹, или украинским этносом. И те политики и пиарщики, о которых мы уже упоминали, с помощью словесных и психологических манипуляций довольно ловко «отрывают» русскоязычных украинцев от основной части украинского народа и, плюсуя их с этническими русскими гражданами Украины, говорят о некоем «русскоязычном населении».

Для чего же они это делают? Исключительно для того, чтобы на очередных выборах расширить число избирателей, которые могут или должны проголосовать за них (за их партию, избирательный блок), т. е. – в интересах максимального выжимания голосов из потенциального электората. На языке политтехнологов это сухо называется «расширение электорального поля» или «электоральной базы». Подобные манипуляции довольно успешно были применены командами кандидатов в президенты Украины на выборах 1994 и 2004 годов. Каких кандидатов, вы сами знаете.

Политики и политтехнологи, использующие такие подходы, занимаются на деле элементарной подменой понятий. Вместо того, чтобы в соответствии с законодательством и Конституцией говорить о защите прав национальных меньшинств (в данном случае – этнических русских граждан Украины) на использование русского языка для общения, получения образования, воспитания своих детей, они говорят об абстрактной «защите русского языка» как такового. Они говорят о некоем «русскоязычном населении» как отдельной общности или о неких «русскоязычных гражданах», как бы вычеркивая из сознания русскоязычных украинцев тот факт, что они не относятся к национальным меньшинствам, а являются неотрывной частью государствообразующего украинского народа (этноса, нации).

С помощью подобного приема **эти политики и политтехнологи искусственно противопоставляют интересы нас, русскоязычных украинцев, интересам нашего народа как такового.** И поступают они так потому, что выжать из электората более-менее проходное количество голосов только за счет размахивания лозунгом защиты прав этнических русских для них просто нереально. Так, например, на парламентских выборах 2000 года т. н. «Русский блок», который

¹ Здесь и далее под словами «украинский народ» я буду использовать только его изначальное и всем привычное понятие – **украинцы, украинский этнос, украинская нация**, а не политически корректное «украинский народ – это граждане Украины всех национальностей». Ибо иначе пришлось бы согласиться, например, с тем, что украинские *народные* песни, сказки, костюмы и т. д. – это «народные песни, сказки, костюмы и т. д. всех национальностей Украины». Или пришлось бы также согласиться и с тем, что, мол, украинцы у нас, конечно, есть, но украинский народ – это нечто совершенно другое (и, может быть, украинцы к нему и вовсе не имеют никакого отношения).

провозглашал именно эту цель, собрал в целом по Украине менее 1% голосов. А ведь это количество не дотягивает даже до пятой части избирателей-русских, проживающих хотя бы только в Крыму или хотя бы только в Донецкой области.

Тем не менее, решение проблем защиты прав на свободное использование того или иного языка остается относительно важным фактором для значительной части населения Украины. По опросам общественного мнения, так считают до 7–8% ее жителей. Но как оказывается, подмена юридического понятия «защита прав национального меньшинства» на пиаровское понятие «защита прав русскоязычных граждан» негативно отражается не только на решении самой этой проблемы, но и на ситуации в нашей стране в целом.

Этнические русские и русскоязычные украинцы

На самом деле этнические русские в Украине и мы, русскоязычные украинцы, в данном вопросе – это принципиально различные категории населения нашей страны. Так, этнические русские *получили русский язык в законное и естественное наследство от своих предков.* И в том, что касается языкового вопроса, то они просто хотят обеспечить свое законное право на использование русского языка для общения, получения информации, образования и воспитания своих детей. Но вот если рассматривать эту проблему в отношении русскоязычных украинцев, то здесь случай совершенно иной.

Сегодня в Украине разговаривают *в основном* на русском языке приблизительно 45% граждан нашей страны. Последняя перепись населения показала, что количество этнических русских в Украине составляет 17% от общей численности населения. Таким образом, если отминусовать от 45% «русскоязычных» граждан Украины эти 17% русских, то оставшимися будут в основном те самые русскоязычные украинцы – в количестве приблизительно 28% от общей численности населения нашей страны.

При этом украинцы в целом составляют 78% населения Украины, из которого в ходе последней переписи своим родным языком украинский назвали 68%. Это означает, что из всех русскоязычных украинцев, составляющих 28% от общего населения, только чуть более трети (эти самые $78 - 68 = 10\%$) являются в чистом виде русскоязычными – они и разговаривают на русском языке, и называют этот язык родным.

Остальные две трети т. н. русскоязычных украинцев отличаются тем, что вообще их родным языком является украинский, но в повседневной жизни они разговаривают в основном на русском

языке – на языке пусть родственного, но другого народа. Как ни парадоксально, но это означает, что две трети т.н. русскоязычных украинцев являются русскоязычными только потому, что они просто не имеют возможности (!) говорить на своем родном языке в силу «давления» языковой среды, в которой они живут, учатся и работают и которая сложилась в предыдущий, враждебный по отношению к украинскому языку, исторический период.

Что же касается той трети русскоязычных украинцев, которые, по переписи, называют своим родным языком русский, то они, как правило, могут точно назвать своих родителей или дедов (прадедов), которые раньше разговаривали именно на украинском языке. Для их родителей-дедов-прадедов этот язык был родным и естественным, но в силу многих причин он не перешел в законное и естественное наследство к ним, их потомкам.

То есть, за редким исключением, *безусловным фактом является то, что для предков всех русскоязычных украинцев родным языком был украинский*. Во всяком случае, до вхождения левобережной Украины в состав Московского царства (и даже достаточно долгое время после этого) такого явления, как «русскоязычные украинцы», в природе не существовало, а весь украинский народ (этнос) разговаривал исключительно на своем собственном украинском языке.

Миф о т. н. «добровольном переходе украинцев на русский язык»

Логично в этом случае задаться вопросом: почему же те украинцы, которые говорят сегодня на русском языке (языке другого народа, другого этноса), не говорят на украинском языке или не возвращаются к его использованию? А ведь это же язык их родителей или, во всяком случае, их дедов, прадедов. Это язык, на котором постоянно говорит и общается почти две трети всех украинцев в Украине – две трети своего родного украинского народа!

Если мы ответим на этот вопрос, то автоматически получим ответ и на другой: насколько же совпадают интересы этнических русских и русскоязычных украинцев в т. н. деле «защиты русского языка»? Ведь из вышеизложенного вытекает, что это разные группы населения и общими их интересы в данном вопросе могут быть лишь в некоторых моментах, да и то достаточно условно.

Отвечая на эти вопросы, мы все должны прийти к общему пониманию того, почему вдруг огромные людские массивы большого, по европейским меркам, народа стали говорить на языке другого

народа. А на пути к пониманию этого феномена нам придется разрушить те мифы, ложь, искажения и пропагандистские недомолвки, которые сформировались в предыдущую политическую эпоху.

Эти мифы, ложь, искажения и недомолвки, к глубокому сожалению, и до сих пор формируют взгляды и мнение части украинского общества по данной проблеме. Они в течение десятков, а то и сотен лет верно служили уже канувшим в историю политическим режимам. Но они и сегодня продолжают эффективно работать против украинского народа, против его единства и неоспоримой силы.

Главным, в этом смысле, является миф о т. н. «добровольном переходе части украинцев на русский язык». Эта довольно лукавая байка внушает всем нам мысль, что-де так, мол, «исторически», «само собой» сложилось, что мы, часть украинцев, украинского народа, сделали некий «добровольный выбор» в пользу русского языка. Это наглая и циничная ложь, не выдерживающая никакой критики, если оценивать ее на основе реальных исторических фактов. Но, к величайшему сожалению, то, что это есть бесцеремонная и беззастенчивая ложь, знают далеко не все граждане Украины, которые в основном получили образование в советское время, когда многие «деликатные» вопросы межнациональных отношений замалчивались, игнорировались или просто не подлежали обсуждению.

Но сегодня, когда мы, украинцы, наконец-то живем в своей собственной стране, в которой мы являемся государствообразующим этносом (нацией), мы вправе открыто и недвусмысленно, опираясь на неопровержимые исторические факты, заявить, что **язык наших предков, наших дедов-прадедов, на протяжении более чем двухсот лет подвергался методическому, системному официальному искоренению, преследованию и уничтожению.** Конечной целью этого процесса была полная ассимиляция и русификация украинского этноса. *В течение достаточно долгого периода украинский язык вообще находился под официальным запретом, а сам факт существования украинского народа официально напрочь отрицался.*

Этот процесс был документально оформлен в качестве официальной государственной политики Российской империи и полуофициальной государственной политики СССР. В разные периоды сходные процессы также шли и в тех государствах, в состав которых входили территории этнической Украины, т. е. территории, на которых украинцы были автохтонным, коренным большинством населения в течение многих веков. Это касается таких наших исторических земель, как Северная Буковина, Закарпатье, Галичина и др.

Эти процессы привели к полной *принудительной* русификации и утрате украинской национальной самоидентификации у украин-

цев Кубани и восточного Приазовья, к полонизации и утрате украинской национальной самоидентификации у украинцев Холмщины (Польша), к румынизации части украинцев в Румынии, мадьяризации части закарпатских украинцев, потомки которых живут в Венгрии как венгры-греко-католики. *И как раз он-то и привел к переходу на русский язык и к утрате родного языка у нас – у значительной части украинцев, проживающих на самой территории современной Украины.* Итогом этого процесса явилось **непропорционально широкое** (относительно численности этнических русских) **распространение русского языка на территории Украины.**

Истоки и схемы официальной политики русификации

Многие из читателей, воспитанные в духе идеалов т. н. «незыблемой дружбы народов СССР», могут возмутиться: какая, мол, такая русификация, да еще и принудительная? Какая такая *официальная* политика русификации? Ну что ж, тогда давайте процитируем Большую Советскую Энциклопедию. В 26-м томе в разделе «Украинский язык» можно прочитать следующую фразу: «Украинский язык при царизме подвергался ограничениям и официальному запрещению».² В СССР практически нигде в открытых источниках, предназначенных для широкого чтения, подобной фразы найти было невозможно. Ибо советский человек не должен был сомневаться в благотворных для украинского народа последствиях «воссоединения» с Россией.

Именно поэтому для широкого употребления предназначались фразы типа «Украинский народ благодаря России сохранил себя как нацию...»³ из «Иллюстрированной истории СССР», которая предназначалась для промывки мозгов подрастающему поколению украинцев и других народов Союза. И только в БСЭ каким-то чудом вышеупомянутая сентенция о запрете украинского языка таки проскочила, хотя рука автора не поднялась дописать в нее только одно слово – «в России». Потому что, несмотря на то, что это именно так и было, написать «украинский язык подвергался ограничениям и официальному запрещению *в России*» выглядело бы просто «кощунственным» на фоне «дружбо-народных» фанфар.

А теперь подумайте, как бы шизофренически звучали эти две фразы, если их объединить. Например: «Украинский народ благодаря России сохранил себя как нацию, потому что украинский язык

подвергался в России ограничениям и официальному запрещению». Супер! Не правда ли?!

Но давайте все же расскажем о том, как и почему в «братской» России, куда входила в свое время Украина, запрещался и преследовался украинский язык. Давайте изложим все вопиющие факты в их исторической последовательности. В качестве основных источников возьмем труды Наталии Полонской-Василенко «История Украины», митрополита Илариона (Огиенко) «Украинская Церковь. Очерки из истории Украинской Православной Церкви», Ивана Дзюбы «Интернационализм или русификация», Федора Турченко и Валерия Мороко «История Украины. Конец XVIII – начало XX столетия», исследования профессора Станислава Кульчицкого, научно-публицистические труды Васыля Лызанчука. И вы, мои уважаемые читатели, увидите, что **практически вся советская интерпретация взаимоотношений между Россией и Украиной, отношений между русским и украинским народами является насквозь извращенной и фальшивой по своей сути.**

Как известно (даже из советских источников), самодержавная Россия была колониальной империей. Но в Украине российский колониализм развивался при своеобразных обстоятельствах и имел свои нестандартные черты и свою специфику. Это объяснялось тем, что по сравнению с «классическим» колониализмом больших европейских государств, российская экспансия, как правило, была направлена не на заморские территории, а на сопредельные земли. Поэтому российская колониальная политика не ограничивалась лишь насаждением колониальной администрации и экономическим изъятием, а в конечном итоге принимала форму полной ассимиляции и национального перерождения приобретенных земель и народов.⁴

Как заметил Иван Дзюба, приступая к колонизации соседних земель, российская метрополия, как правило, официально не трактовала их народы в качестве «неполноценных» или «низшей расы». Наоборот, их «равноправие» сначала «великодушно» признавалось, им дарилась всякие «права», а уже потом на них направлялась вся мощь имперской политики ассимиляции, а при необходимости – и военная сила.

Еще одной особенностью было то, что сколь жестокие и бесчеловечные формы ни принимала бы колонизаторская политика Российской империи в Украине, она всегда обязательно осуществлялась под лозунгами «любви великороссов к Малороссии» (позже в СССР – под лозунгами «братской дружбы русских и украинцев»). Таких методов не применяла ни одна другая колониальная империя, где процессы принудительной ассимиляции подвластных народов мог-

⁴ И. Дзюба. Інтернаціоналізм чи русифікація? (ІД.ІР) Мюнхен, 1968, с.109-110.

² Большая Советская Энциклопедия. М., 1977, т. 26, с. 596.

³ Иллюстрированная история СССР. М., 1980, с. 61.

ли быть даже намного менее жестокими и интенсивными, но где никогда колонизатор (ассимилятор) не распинался в любви к своей жертве этнического поглощения.

Украина попала в мясорубку этого исключительного исторического явления, и дооктябрьская, добольшевистская колонизация Украины имела конечной целью полную и безвозвратную инкорпорацию Украины в Россию. Процессы ассимиляции и русификации украинцев имели следующую историческую схему:

– В период с середины XVII до середины XVIII веков Россия, как страна с гораздо большим военно-политическим потенциалом и ресурсами, но с *гораздо более низким уровнем развития культуры и образования*, постепенно установила полный контроль над политикой, экономикой, внешними связями, культурным обменом Украины и свела ее права в этой области до нулевой отметки. Параллельно Россия выжала все, что было можно, из культурного, образовательного и людского ресурса Украины для целей собственного развития, но при этом максимально ограничила возможности восстановления и развития уже имевшейся украинской культурно-образовательной базы.

– Затем, в период с конца XVIII до середины XIX веков, путем прямой ассимиляции украинской элиты, закрепощения и маргинализации широких национальных масс украинцы были низведены до этноса со второсортной культурой и языком, что в конечном итоге привело к русификации некоторой части украинцев, и прежде всего украинской элиты, к их отказу от собственного языка и даже утрате украинской национальной самоидентификации.

– В конечном итоге, со второй половины XIX века вплоть до революций 1917 г. Российская империя вообще отказалась признавать сам факт существования украинского народа, его языка и культуры как чего-то отдельного, отличного от «великорусского» («общерусского»), поставив их под официальный запрет.

Такова была дооктябрьская схема колонизации и русификации Украины. Именно она положила начало **непропорционально широкому** (относительно численности этнических русских) **распространению русского языка в Украине**. И чтобы не быть голословным, приступим к описанию фактов.

Встреча двух культур

Процесс встречи и взаимодействия двух культур – украинской и русской – был прекрасно описан митрополитом Илларионом (Огиенко) в «Очерках из истории Украинской Православной Церкви» и

Наталией Полонской-Василенко в ее двухтомной «Истории Украины». Мы воспользуемся эти кратким, но емким описанием, составленным на основе глубоко проработанной обширной фактографической базы.

Итак, в 1654 г. встретились два народа, два государства, которые на тот момент по сути не имели ничего общего, кроме православного вероисповедания и претензий на историю Киевской Руси. Украина, несмотря на польский гнет, сохраняла старые культурные связи с Западной Европой, которые брали свое начало еще в княжескую эпоху. В Литовско-Польский период она находилась под влиянием европейской культуры в области права, науки, искусства, религии. И это во многом проявилось при формировании таких известных научных центров Украины, как Острожская академия, Львовская братская школа, киевский кружок Елисея Плетенецкого, Киево-Могилянская академия, кружок Петра Могилы.

Что касается Московского государства, то в начале XVII ст. оно пережило сложный период «смуты», но вышло из него обновленным – мощной монархией с идеологией «третьего Рима». Здесь считалось, что два Рима пали (Рим и Византия), а третий Рим – Москва – будет стоять вечно, Москва – наследница Киева, и потому вся территория бывшего Киевского государства должна ей подчиняться. Такова была схема, разработанная московскими идеологами в XVI-XVII ст.⁵

В то же время Московия в ходе упорной борьбы за создание крепкого абсолютного государства была отделена от Западной Европы и ее культуры. Русский историк Е. Шмурло так характеризовал культурное состояние Московского царства в XV веке: «Лишенная культурных связей с Западной Европой, отделенная от нее Польско-Литовским государством, Московия не переживала поры Возрождения, не слыша о Савонароле, Гусе... Как новую Америку пришлось открывать ее европейским исследователям».⁶ В середине XVI ст., в 1551 г., Стоглавый Собор в Москве констатировал, что учиться кандидатам в священники было не у кого.

Даже в XVII ст. в Московии на науку смотрели как на «порождение исконного врага человеческого рода – дьявола», – так характеризовал культурное состояние Московии русский исследователь П. Морозов.⁷ Если научиться читать и писать у себя на родине

⁵ Н. Полонська-Василенко. Історія України (НПВ.ІУ). К., 1995, т. 2, с. 233-234.

⁶ Е. Шмурло. Курс истории России. Прага, 1911, с. 220. Цит. по НПВ.ІУ. т. 2, с. 234.

⁷ П. Морозов. Феофан Прокопович. СПб, 1880, с. 49. Цит. по НПВ.ІУ. т. 2, с. 234.

зажиточному московскому подданному при желании и наличии материальных условий еще было возможно, то получить хоть сколько-нибудь системное образование было нельзя. И когда боярин Федор Ртищев отправлял первых россиян на учебу за границу – в Киево-Могилянскую академию, то на этих «спудеев» (студентов) смотрели как на смельчаков, от которых ввиду их будущей образованности «предвидели худое».⁸

Таковы были два партнера – Украина и Московское царство, когда в 1654 г. они заключили военный союз, превратившийся затем в тяжелую неволю для Украины. Трагедия украинского народа была не только в самом договоре, который был подписан в крайне неблагоприятных внешнеполитических условиях. В большей степени она заключалась в том, что с первых же лет Москва начала вероломно нарушать договор и не выполняла обязанностей, которые взяла на себя. Для Украины основной целью Переяславского соглашения было окончательное освобождение от польского господства и объединение всех украинских земель в одно целое – в союзе с Московией, которая взяла на себя обязательство поддерживать эту программу. Но на самом деле Москва не выполнила своих обязательств, она предала украинцев: Москва и Польша, вдвоем, *по сепаратному от Украины Андрусовскому договору 1667 г.*, «Вечному миру» 1686 г. и Прутскому договору 1712 г., разорвали территорию Украины и поделили ее между собой. Путем постепенного нарушения Москвой Переяславского договора и интриг Украинская Церковь утратила свою фактическую самостоятельность и стала одной из епархий Московского патриархата.

В то же время **Украина сыграла огромную роль в истории Московского царства: она стала мостом, который долгое время соединял Москву с Западной Европой.** Она стала посредницей между двумя культурами – европейской и московской. Большую роль при этом сыграло то, что Украина была православной страной, ведь, несмотря на «тягу к культуре», Москву отпугивал западный католицизм.⁹

Из Москвы стали обращаться за помощью к киевским ученым в XVII ст. – еще до Переяславского договора. Культурные влияния Украины на Московию в искусстве и литературе проявились уже при царе Алексее. После Переяслава он, а с ним и его двор постепенно начали более широко принимать украинскую культуру. К украинским ученым обращались за помощью для исправления священных книг, их высоко ценил Патриарх Никон, и приток украинцев в Москву возрос. В 1664 г. сюда в качестве учителя царских детей пригласили питомца Киевской академии ученого белоруса Си-

меона Полоцкого. Он оказал большое влияние на московскую культуру как выдающийся педагог, писатель, поэт и проповедник.

Еще большими стали украинские влияния при Федоре Алексеевиче. Они были общей «модой» при царском дворе: сам царь носил украинский кунтуш, брил бороду, при нем, как писал современник, «начался политес с маниру польского» (польским тогда в Московии называли украинское).

Русский исследователь А. Архангельский так характеризовал влияние Украины XVII ст. на Москву: «Киевляне, не считаясь с предубеждением против них в Москве, со второй половины XVII ст. были хозяевами положения в Московской Руси, наилучшие, наивыдающиеся его деятели».¹⁰ В Москве работали украинские художники, при Алексее украинцы расписывали в Кремле церкви. В Московию выписывали из Украины сапожников, портных, садовников, овощеводов и т. п. Переезжали туда из Украины печатники, граверы, архитекторы, художники, но главным образом – ученые, писатели, монахи и педагоги.

В этот период украинское влияние властвовало в московских школах, а украинцы имели большой авторитет как преподаватели. Основывая в Москве школу в первой половине XVII ст., боярин Федор Ртищев пригласил учителей из Киева, через двадцать лет прихожане церкви Иоанна Богослова в челобитной просили власти открыть при церкви школу наподобие братских училищ в Украине. И даже намного позже при учреждении в 1721 г. новых школ в России учителями назначали украинцев, для новосозданных славяно-латинских школ Синод приказывал отрядить учителей из Киева, так как «в Киево-Печерском монастыре живут мужья, способные к изучению философии, риторики и пиитики». Студентов, которые закончили Киевскую академию, в 1738 г. приглашали в Петербург для обучения катехизису и произнесения проповедей.

Епископы-украинцы оказывали содействие распространению образования, основывали семинарии и прочие школы. Гаврила Бужанский был префектом Славяно-греко-латинской академии, Сильвестр Гловацкий – ректором Казанской коллегии, Варлаам Иеницкий основал семинарии в Суздале, Пскове, Коломне, Астрахани, Велиамин Пуцек-Григорович и Илларион Рогалевский заложили устои Казанской духовной академии, Амвросий Юшкевич, будущий президент Синода, основал Новгородскую семинарию, Гедеон Вишневецкий основал Славяно-латинскую школу в Смоленске и школы в Дорогобуже, Рыльске, Белой, Вязьме, Лаврентий Горка основал семинарию в Вятке, Герман Копцевич – Славяно-латинскую школу

⁸ В. Буганов. Мир истории. М., 1989, с. 286.

⁹ Н. Полонська-Василенко. Історія України (НПВ.ІУ). К., 1995, т. 2, с. 235.

¹⁰ А. Архангельский. Из лекций. с.118. Цит. По НПВ.ІУ. т. 2, с. 236.

в Холмогорах (позднее ее перестроили в Архангельскую семинарию), Арсений Моцевич основал семинарию в Ярославле, Серапион Латушевич – семинарию во Владимире на Клязьме, Кирилл Флоринский – семинарию в Троице-Сергиевском Посаде.

Украинские учителя приносили свои методы обучения и учебники: грамматика Мелетия Смотрицкого, история Иннокентия Гизеля стали пособиями в российских школах. Из Украины приходили в Московию книги – «Требник» и «Лифос» Петра Могилы, произведения Кирилла Транквилиона, Иоанникия Толятовского, Иннокентия Гизеля, Мелетия Смотрицкого и т. д. Выдающийся ученый, митрополит Ростовский, Дмитрий Туптало написал «Руно орошенное», которое выдержало 8 изданий. Содействуя просвещению Москвы, архимандрит Киево-Печерского монастыря Иннокентий Гизель и черниговский архиепископ Лазарь Барановский переслали туда несколько тысяч книг нескольких десятков названий.

Украинские писатели познакомили Россию с силлабической поэзией и тоническим размером. Украинцы широко принесли сюда драматическую литературу. Театр долгое время было делом украинцев, они познакомили россиян с драмами С. Полоцкого, Д. Туптала, Ф. Прокоповича, Л. Горки, С. Ляскоронского. В XVIII ст. украинцы разнесли драмы и «вертеп» по всей России и образовали театры в Котле, Тобольске, Новгороде и других городах.

Украинская церковь также оказала сильное воздействие на московскую, хотя там постоянно сохранялось недоверие к украинскому православию, в котором московские специалисты находили католическое влияние. Несмотря на это, в Московии одно время строили церкви в украинском стиле, распространялось украинское барокко, украинские партесные пения, которые привозили с собой украинские певцы.

Украина дала большое количество иерархов, которые находились на высоких постах: епископ Стефан Яворский стал митрополитом Рязанским, «местоблюстителем» патриаршего престола, президентом Святейшего Синода, ректор Киевской академии Феофан Прокопович стал заместителем президента Святейшего Синода и автором «Духовного Регламента» – трактата, который узаконил власть царя над Церковью. Он был автором и другого выдающегося трактата: «Правда воли монаршей», который стал основой русского самодержавия.

Много украинцев было на руководящих должностях в Синоде. Было даже время, когда в силу своего более высокого культурного и образовательного уровня украинцы занимали все епископские кафедры в России. Отдельно надо упомянуть иерархов-украинцев, которые работали как миссионеры: епископ Иркутский Иннокентий

Кульчицкий основал школы для монголов, епископ Иркутский Иннокентий Нерунович обращал в православие тунгусов, Филофей Лещинский был миссионером среди камчадалов, калмыков, тунгусов. В 1742 г. Синод даже обратился к Киевской академии с просьбой разработать более эффективные методы проповедывания христианства среди калмыков.

Украинцы работали переводчиками в разных учреждениях России, так как среди них было много знатоков греческого, латинского, немецкого, французского, польского, итальянского, турецкого языков. Украинцы служили в российских посольствах в Лондоне, Вене, Варшаве, Дрездене, Константинополе, Париже, Лейпциге, Стокгольме, Пекине. Когда Елизавета решила переиздать Острожскую Библию, она призвала именно украинцев – профессоров Варлаама Лещинского и Гедеона Сломинского, чтобы исправить в ней язык.

В Россию переехали украинские ученые: один из первых экономистов, глуховчанин А. Рубановский, учившийся в Лейпцигском университете, агроном Е. Десницкий, издавший ботанический словарь Г. Бужанский, ориенталист С. Тодорский и многие другие. В России восхищались философией Григория Сковороды.

Вот как описал украинское влияние на Москву русский ученый дооктябрьского периода профессор П. Бессонов: «Пришельцы (малороссы) заняли здесь (в Великороссии) самые видные и влиятельные места, от иерархов до управлений консисторий, ими устроенных, от воспитателей семьи царской до настоятелей монастырских, до ректоров, префектов и учителей ими же проектированных школ, до кабинетных и типографских ученых, делопроизводителей, дьяков и секретарей. Все почти подверглось их реформе, по крайности неотразимому влиянию: богословское учение, исправление священного и богослужебного текста, печатание, дела раскола, церковная администрация, проповедь, храмовое, общественное и домашнее пение, ноты, внешность архиерейских домов, образ их жизни, экипажи и упряжь, одежда служителей, напр, певчих, вид и состав школ, предметы и способы учения, содержание библиотек, правописание, выговор речи устной и в чтении (церковное мягкое *з* вместо твердо-го), общественные игры и зрелища и т. д., и т. д.»¹¹

Таким образом, в плане культурных влияний целое столетие по праву можно назвать «веком Украины в России». И сегодня только весьма упрежденные российские ученые-историки могли бы не признавать, что **вклад украинцев (и белорусов) в российскую культуру в XVII и в начале XVIII ст. был большим, чем вклад самих великороссов.**

¹¹ П. Бессонов. Белорусские песни (предисловие). 1871, с. IV. Цит по I. Огієнко. Українська церква. Нариси з історії Української Православної Церкви (Ю.УЦ.НІУПЦ). К., 1993, т. 2, с. 264.

Блокирование самостоятельного развития украинской культуры

Петр I также признавал превосходство украинской культуры, и при нем и его наследниках культурные влияния Украины в России еще сравнительно долгое время оставались очень сильными. Сетую на малограмотность великорусского клира, он высоко оценивал киевское образование. В 1698 г. Петр I жаловался патриарху: «Священники у нас грамоте мало умеют... Ежели бы их... в обучение послать в Киев в школы...».¹² Он направлял московских печатников в украинские типографии на стажировку, при нем большое количество украинских ученых и деятелей культуры были вызваны служить и работать в России, и даже строительство Москвы возглавил украинский архитектор И.Зарудный.

Выдающийся русский ученый-языковед князь Николай Трубецкой (1890-1938) писал: «На рубеже XVII и XVIII веков произошла украинизация великорусской духовной культуры»¹³, «...та культура, которая со времен Петра живет и развивается в России, является органическим и непосредственным продолжением не московской, а киевской, украинской культуры. Это можно проследить по всем отраслям культуры».¹⁴

И это действительно было так, ибо переодевание в европейское платье и сбривание бород не гарантировало механического приобщения россиян к европейской культуре. Для ее восприятия нужна была сформировавшаяся традиция, которую в тот период давала Украина. Поэтому Николай Трубецкой уверенно утверждал, что для великорусской культуры «украинизация оказалась мостом к европеизации».¹⁵

В качестве иллюстрации возьмем такую область, как музыка и пение. Так, украинские музыканты и певчие начали активно проникать в Москву с середины XVII века. При Петре I и после него выходцы из Украины считались лучшими альтами и дискантами в России. К середине XVIII века ежегодно в Петербург набиралось более десятка певчих только по заказу императорского двора. Украинские певчие составляли подавляющее большинство в императорском хоре и в большом числе содержались в частных хорах российских вельмож.¹⁶

¹² П. Морозов. *Op. cit.* с. 61. Цит. по Ю.УЦ,НІУПЦ, т. 2, с. 236.

¹³ Н. С. Трубецкой. *История. Культура. Язык.* М., 1995, с. 367.

¹⁴ Н. С. Трубецкой. *История. Культура. Язык.* М., 1995, с. 365.

¹⁵ Н. С. Трубецкой. *История. Культура. Язык.* М., 1995, с. 368.

¹⁶ К. Ковалев. *Бортнянский.* М., 1989, с. 17, 34.

Поэтому первую в империи музыкально-хоровую школу царица Елизавета повелела организовать в Глухове, прославленном украинском центре музыкальной и певческой культуры того времени. На более высоком уровне музыкально-хоровую подготовку продолжали в императорском хоре, который по этническому составу также был украинским. И именно поэтому первыми серьезными «российскими» композиторами стали выдающиеся питомцы Глуховской школы и императорского хора – украинцы Дмитрий Бортнянский и Максим Березовский.

Великороссы практически до середины XVIII века не могли самостоятельно создать у себя питательной среды и традиций, необходимых для организации высококлассного партесного пения и усвоения европейских достижений, которые стали напрямую доступны россиянам с проникновением в Петербург итальянцев.

Украинцы же в силу музыкальной традиции обеспечивали в том числе и широкое общественное восприятие европейской (итальянской) музыки в России. Вот как характеризовал исполнение итальянских произведений российский современник тех лет: «Если же когда поют, хотя вышеупомянутыми скоропорывистыми сочинениями, да имеют искусство, и к тому – натурально хорошие голоса малороссиянцы, то не столь противно. Но уже и наши великороссиянцы, не только из купечества купцы, из господских домов слуги, да и фабричники и суконщики, а разных мастеров художники, многие, научившись пению по партесу, но тем же многоздорным сочинениям, поют на скороговорных паузах, и столь же иногда неприятно, что слушать их прескаредно, ибо оной русской дристант басистый, растворя свою широкую пасть, кричит скороговорно, как в набатный колокол бьет; есть ли же случится чрез паузы с верхней ноты ему взять, то так неискусно возьмет, как жеребец заржет, или на отрывах так безчинно оторвет, точно как бык рыкает».¹⁷

Таким образом, в XVIII ст. украинцы по-прежнему продолжали не только лидировать в ряде отраслей русской культуры, но и адаптировали ее к восприятию европейских культурных достижений, которые русская культура не могла усвоить непосредственно ввиду отсутствия соответствующего уровня русских культурных традиций и культурных «технологий». Выдающийся русский историк и географ Лев Гумилев, оценивая роль украинцев в Российской империи, признавал, что в XVIII ст. украинский этнос занимал в России ведущее место.¹⁸ Даже украинское произношение отчасти властвовало в Москве, и в середине XVIII ст. известный писатель Сумароков жаловался, что украинцы-педагоги испортили русский язык, так как все школы были переполнены ими.

¹⁷ К. Ковалев. *Бортнянский.* М., 1989, с. 40-41.

¹⁸ Л. Гумилев. *Древняя Русь и Великая степь.* М., 2002, с. 718.

Катастрофа под Полтавой помогла восхождению Московского царства до уровня Российской империи и в то же время стала трагедией для украинской государственности. После неудачной попытки гетмана Мазепы освободиться от власти Москвы Петр I, используя сложившуюся ситуацию, усилил борьбу с суверенитетом Украины и поставил целью полностью политически и экономически подчинить ее (по его собственному выражению, «прибрать Украину к своим рукам»). Он нанес ряд смертельных ударов по культурным ресурсам Украины и начал политику ограничения ее возможности самостоятельно развивать свой образовательный, научный и культурный потенциал. Этой же политики в отношении Украины в дальнейшем придерживались и его наследники, и их правительства.

В принципе, блокирование самостоятельного развития украинской культуры было неизбежным делом, так как сама природа Московского царства, а затем Российской империи, его безмерная централизация и азиатский абсолютизм настоятельно требовали поддержания однополюсного силового пространства во всех сферах жизни. И как только Московский (Петербургский) центр ощущал себя достаточно сильным, чтобы отказаться от «услуг» более развитой автономии, он безжалостно и неумолимо душил любой автономный полюс силы (неважно, культурный или административный), который выбивался выше его центральной «планки».

Блокирование украинской культуры началось с попыток Москвы наложить лапу на свободу печати украинских типографий – Черниговской и Киево-Печерской (последней та была дарована еще Патриархом Константинопольским). У истоков этих попыток лежало крайне негативное отношение РПЦ к неподчиненной ей в то время Украинской православной церкви и к ее деятелям, оказывавшим сопротивление экспансии РПЦ вплоть до 1686 г., когда Москва путем нелегитимных с церковной т. з. действий перевела Украинскую церковь к себе в подчинение.¹⁹

С этого самого 1686 г. Московская патриархия начала постоянно декларировать запреты на самостоятельное издание в Украине духовных книг, и прежде всего расходящихся по содержанию с московскими. Украинские книгоиздатели успешно отбивали эти московские атаки, но в 1720 г. в процесс вмешался Петр I и издал указ, который самым суровым образом ограничил украинскую печать (даже по сравнению с предыдущими требованиями московских церковников). Указ гласил: «В Киево-Печерской и Черниговской типографиях вновь книг никаких, кроме церковных прежних изданий, не печатать, да и оныя церковныя старыя книги для со-

¹⁹ І. Огієнко. Українська церква. Нариси з історії Української Православної Церкви (Ю.УЦ.НІУПЦ). К., 1993, т. 2, с. 182-194.

вершенного согласия с великороссийскими такими ж церковными книгами справлять прежде печати, дабы никакой розни и осбливаго наречия в оных не было...».²⁰ А ведь раньше тот же Петр I направлял русских печатников в украинские типографии для повышения квалификации.

Для надзора за выполнением указа к украинским книгоиздателям были присланы из Москвы цензоры, которых украинцы должны были еще и содержать за свой счет. Последовали астрономические по тем временам штрафы за нарушение московской цензуры (1724), а потом и просто вульгарный разгром непокорной русским цензорам Черниговской типографии и вывоз ее оборудования в Россию.

В этот же период появились и первые требования перевести издаваемую литературу «на великороссийское наречие» (1726 г.). Закончилась эта омерзительная история тем, что с 9 сентября 1766 г. украинскую печать низвели до ранга обычного копировальщика московских изданий, когда Лаврской типографии было предписано: «Чтобы впредь в типографии тоя Лавры печатать и на продажу употреблять одни те книги, которая в московской типографии с апробации св. Синода печатаются».²¹

Таким образом, в XVIII ст. Россия последовательно разгромила украинскую национальную печать, которая в тот исторический период была первоосновой для развития украинской культуры, образования и науки (так же, как и у любого другого европейского народа). Потому неудивительно, что в этом веке было издано немного украинских печатных произведений, хотя трудов рукописных было достаточно, но лишь некоторые из них увидели свет уже в следующем XIX ст.

Также одним самых серьезных ударов Петра I по украинской культуре и образованию были репрессии против Киево-Могилянской академии, которая в тот период находилась на взлете и была основным «плавильщиком» украинской национальной элиты, генератором национально-культурной и духовной идеологии украинского народа. После петровских репрессий, которые проводились под предлогом борьбы с гетманом Иваном Мазепой, академия более чем в двенадцать раз (!) сократила количество обучаемых, а затем так и не смогла окончательно восстановить свое былое значение центра формирования национальной элиты и национального духа.²²

При этом Москва, а затем Петербург, несмотря на многократные просьбы, отвергали или встречали молчанием любые попытки создать в Украине университеты, идею основания которых вынашивал

²⁰ Н. Петров. Акты... Т. V, с. 164. Цит. по Ю.УЦ.НІУПЦ. т. 2, с. 231.

²¹ Н. Петров. Акты... Т. V, с. 165. Цит. по Ю.УЦ.НІУПЦ. т. 2, с. 233.

²² Н. Полонська-Василенко. Історія України (НПВ.ІУ). К., 1995, т. 2, с. 213.

еще гетман Иван Мазепа (первый университет был создан в Харькове лишь в 1804 г., когда процессы деморализации и русификации тогдашней украинской элиты приобрели необратимый характер). А после того, как на Украину распространились принятые в России ограничения на контакты с иностранцами и поездки за рубеж, украинская культурно-образовательная сфера в плане контактов с Европой и остальным миром оказалась в крайне неблагоприятном положении по сравнению с имперским центром.

Начиная с Петра I складывается практика «культурных оргнаборов» из Украины. Так, Петр I вызывал в Москву из Киева известного ученого, воспитанника Киево-Могилянской академии Стефана Яворского и приказал ему взяться за реорганизацию Московской Славяно-греко-латинской академии. Затем туда же был вызван и ряд других украинских ученых, в том числе таких известных в XVIII ст. светил, как Феофан Прокопович и Дмитрий Туптало. Они, используя опыт Киево-Могилянской академии, реорганизовали Московскую академию, активно поддержали Петра I в осуществлении начатых им реформ, организовывали в Москве типографию, писали учебники, пособия. Московская академия состояла тогда в основном из киевских ученых. С 1701 по 1772 гг. из Киево-Могилянской академии переехало в Москву 195 ученых. Ректоры Московской академии менялись 21 раз, из них 18 были выпускниками Киевской академии.²³

«Оргнаборы» зачастую носили варварский характер. Так, гетман Данила Апостол писал царице Елизавете: «...посылаючиеся в Малую Россию для выбирания певчих многие чинят обывателям тамошним обиды, и яких не надобно, и таких, токмо для взятков, насильно отымают хлопцов».²⁴ Но даже самый сильный отток кадров в Россию не ослабил бы культурного потенциала Украины, если бы Москва просто не блокировала его развитие в тот период, когда Украина интенсивно отдавала кадры России.

К последней трети XVIII ст. Россия окончательно «выгрела» национальный культурный ресурс Украины и приступила к прямой русификации заблокированной в культурном и духовном отношении украинской нации.

Начало трагедии русификаторства в Украине

Екатерина II стала первой российской царицей, которая теоретически обосновала, официально объявила и реально начала про-

²³ Д. Мищенко. Українознавство в ХХІ ст. «Українознавство», 2000, ч. 4(5).

²⁴ К. Ковалев. Бортнянский. М., 1989, с. 17.

водить в жизнь политику русификации и ассимиляции украинцев. Она презрительно называла украинцев «черкасишками», «республиканские мысли» украинцев она квалифицировала как «фальшивые и им несвойственные», а их «мнение, по коему они почитают себя народом от российского отличным», объявила «развратным».²⁵

В тайной инструкции генерал-прокурору сената князю Вяземскому Екатерина II четко и однозначно поставила задачу русификации Украины (а также Прибалтики и Финляндии): «Эти провинции так же, как и Смоленщину, необходимо удобными способами привести к тому, чтобы они обрусели...». Но при этом для Украины российская императрица поставила еще и особую задачу – уничтожение исторической памяти украинского народа («чтобы эпоха и название гетманов исчезли»)²⁶. Естественно, все оценки и указания императрицы в отношении Украины стали законом для действий ее верных подданных.

Подобная установка в корне противоречила ранее принятой модели отношений между украинским и русским этносами, которые во всех документах, фиксировавших и разграничивавших полномочия украинской автономии и русской метрополии, признавали существование двух разных народов²⁷, двух разных государственных образований и даже отдавали ведение украинских дел Посольскому приказу (Коллегии иностранных дел), т. е. аналогу нынешнего Министрства иностранных дел.

Именно при Екатерине II началось системное наступление на украинское слово, как устное, так и печатное. Когда в 1769 г. Лавра по заведенной Петром I традиции попросила, чтобы ей разрешили напечатать украинские буквари (так как московских люди не понимали и не хотели покупать), российский Синод не только не разрешил украинские буквари печатать, но и приказал отобрать назад те, которые уже были у людей на руках. Потом было приказано собирать по церквам старые украинские книги и менять их на московские.²⁸

Затем пошла атака на образование. Для эффективной русификации и ассимиляции украинцев Екатерина II решила использовать так называемые «народные школы», проект которых она составила со специальной целью – заменить ими традиционные националь-

²⁵ І. Дзюба. Інтернаціоналізм чи русифікація? (ІД.ІР) Мюнхен, 1968, с.129.

²⁶ В. А. Смолій, В. С. Степанков. Українська державна ідея XVII-XVIII століть: проблеми формування, еволюції, реалізації. К., 1997, с.294.

²⁷ Н. Полонська-Василенко. Історія України (НПВ.ІУ). К., 1995, т. 2, с. 54.

²⁸ І. Огієнко. Українська церква. Нариси з історії Української Православної Церкви (Ю.УЦ.НІУПЦ). К., 1993, т. 2, с. 232.

ные школы, которые еще существовали в ряде земель, и в первую очередь в Украине. «Народные школы» по планам царицы должны были стать полностью русскоязычными. 20 октября 1782 г. личный секретарь О. В. Храповицкий записал ее слова: «Заведением в России народных школ разнообразные в России обычаи приведутся в согласие, и исправятся нравы». ²⁹

Введение русскоязычных «народных школ» вместо украиноязычных Екатерина II обставила не иначе, как благодеянием по просьбе родителей, по просьбе самих украинцев (совсем как «по просьбам трудящихся» в советское время). Технология имперского «пиара» (обработки массового сознания) и получения «просьб» со стороны родителей хорошо видна из ее письма своему соратнику и наместнику в Украине графу Петру Румянцеву: «Желаю, чтобы вы тамошних нескольких называемых панов склонили к подаче челобитной, в которой бы они просили об лучшем у них учреждении школ и семинарий; и если можно, о положении духовенства в штатское состояние от духовных или светских такую же челобитную иметь, то б мы уже знали, как начинать». ³⁰

Русификацию Киево-Могилянской академии проводили выпестованные имперской властью национальные отступники – киевские митрополиты Г. Креминаецкий и сменивший его С. Миславский, который действовал «в исполнение Ея Императорскаго Величества указа». Новые дисциплины, которые заводились в академии, было предписано вести «на чистом российском языке». Затем в 1784 г. последовал общий приказ о введении в академии русского правописания и произношения. Русификаторы начали пристально следить, чтобы у студентов было чистое великорусское произношение – как в обычной жизни, так и в церкви. Также начали выписывать из Москвы учебники на русском языке, посылать студентов в Московский университет, чтобы они учились там московскому произношению.

Чтобы сломить всякое сопротивление, приказ о русификации КМА предусматривал также и карательную меру: «внушить всем учащимся, что если они и за сим подтверждением не будут наблюдать всего того, что выше предписано, то имеют быть исключены из духовнаго ведомства».

Чуть позже по всем церквам было приказано, чтобы дьяки и священники молитвы читали и правили службу Божью «голосом (произношением – Авт.), свойственным российскому наречию». То же именно было заведено и по всем школам в Украине. Предоставляя, например, материальную помощь духовным школам, Екатери-

²⁹ А. Храповицкий. Памятные записки. т. 2 (апр.-июн. 1862), р. 2. с. 4. Цит. по ИД.ІР, с. 113.

³⁰ С. Соловьев, кн. 6. с. 122. Цит. по ИД.ІР, с. 114.

на II требовала, чтобы в них «для преподавания учений присвоен был образ, для всех училищ в Империи нашей узаконенный». ³¹

Наконец, в 1804 г., после образовательной реформы Александра I, распространился прямой и безоговорочный запрет преподавать и учиться на украинском языке. С этой поры украинский язык преследовали в учебных заведениях самым жестоким образом. Так, в начале XIX века учитель Харьковской гимназии Т. Селиванов, который впоследствии стал директором школ Области Войска Донского, в восторженном упоении сообщал: «Мы застали в училищах самого Харькова учителей, что так и резали по-украински с учениками; да мы, то есть новоприбывшие из семинарии учителя, по распоряжению начальства сломили их и приучили говорить по-русски». ³²

Русификаторская политика империи в сфере образования привела к самым трагическим последствиям для нашего украинского народа. *Закрывание украинских школ обернулось даже не заменой их на русские, а просто ликвидацией самих школ вообще.* Так, если во времена Богдана Хмельницкого и первых десятилетий Гетманщины школы были почти в каждом сравнительно крупном украинском селе, то к началу XIX ст., по данным официальных переписей, их стало вдесятеро (!) меньше.

В 1652 г. некто архидьякон Павел Алепский, сирийский путешественник, свидетельствовал о грамотности в Украине, что почти все домашние, и не только мужчины, но и женщины и девушки, умеют читать. Переписи 1740 и 1748 гг. зафиксировали, что в семи полках Гетманщины – Полтавской и Черниговской губерний – на 1904 села приходилось 866 школ с преподаванием на украинском языке, одна школа приходилась на 746 душ. Но уже перепись 1897 г. показала, что украинцы из наиболее грамотного народа России были превращены «братской» метрополией в наиболее малограмотный: в 1897 г. на 100 душ населения среди них приходилось только 13 грамотных. ³³

Так российская метрополия не просто убила украиноязычные школы, благодаря которым украинцы имели гораздо более высокий уровень образования, чем население самой метрополии, и могли гордиться своей собственной культурой, а также «почитать себя народом от российского отличным», но она вообще убила массовое образование в Украине как таковое. Этим она загнала украинцев

³¹ Н. Петров. Акты... Т. V. С. 114. Цит. по Ю.УЦ.НІУПЦ. т. 2, с. 219.

³² С. Рождественский. Вопрос о народном образовании и социальная проблема в эпоху Александра I. «Русское прошлое». 1923, №5, с. 37. Цит. по В.Лизанчук. Кайдани ще кують. (ВЛ.КЩК). Л., 2004. с. 187.

³³ В. Ленин. Статті і промови про Україну. К., 1936, с. 307. Цит. по ИД.ІР, с. 102.

в ранг сравнительно менее культурного народа и заложила базу для воспитания у украинцев – у наших предков, у наших дедов-прадедов, у нас – комплекса неполноценности и подражательства по отношению к русскому этносу и русской культуре, планка которых в этих условиях автоматически возрастала.

Через сто лет после этой варварской акции академик Багалий в подтверждение тому высказал в Государственной думе общеизвестную для тех времен вещь: «Для всех более или менее бесспорен тот факт, что малороссийское население в XIX в. является отсталым в культурном отношении по сравнению с великорусским и инородческим, и одной из главных причин этой отсталости являются именно вышеуказанные затруднения (обучения неродным языком – Авт.)... между тем как в XVII в. малороссы прославлялись своею образованностью и, как известно, переносили ее даже в Московскую Русь».³⁴

Это было закономерным продолжением политики Петра I, направленной на ослабление украинского культурного и образовательного потенциала, а также было той поистине «царской платой» за сто лет просвещения и окультуривания Московии, которым занимались тысячи украинских педагогов, ученых, церковников, художников и деятелей искусства.

Факт разгрома массового украинского национального образования признавался и советской академической наукой, но весьма своеобразно и очень «тихо», можно сказать, «беззвучным шепотом». Вот что писала все та же Большая Советская Энциклопедия по этому поводу об Украине: «во 2-й половине 18 в. усиление социального гнета привело к *упадку просвещения* (жирный курсив – Авт.)», «украинцы не имели возможности обучаться на родном языке», «не было ни одной школы с преподаванием на родном языке»³⁵. Ну, и дали советские академики! Они позволили себе написать такое в то время, когда все остальные источники «знаний» трубно вещали о «благотворном влиянии» России. И как Вы думаете, почему? Да просто они предварили все это стандартной фразой, которая настраивала читателя на «братский» позитив, а именно: «воссоединение Украины с Россией (1654) имело прогрессивное значение для украинской культуры и просвещения». Возможно, этот финт был сделан авторами намеренно, чтобы показать всю маразматичность официальных совдеповских оценок, когда «упадок просвещения» оказывался следствием «прогрессивного значения» т. н. «воссоединения Украины с Россией». Хотя, безусловно, как мы уже убедились, «воссоединение» действительно имело прогрессивное значение для

³⁴ «Украинская жизнь». 1912 г., ч. 5, с. 38. Цит. по ИД.ІР, с. 102.

³⁵ Большая Советская Энциклопедия. М., 1977, т. 26, с. 596.

культуры и просвещения, но не для украинских, которые в итоге оказались в упадке,³⁶ а как раз для российских.

Эта трагедия для нашего народа и его будущего многократно усиливалась тем, что в этот же период он лишился своей элиты – казацкой старшины, украинской шляхты и национального духовенства, которые под давлением обстоятельств в своем большинстве покинули украинский этнос, слившись с русским дворянством и духовенством. Говоря о «давлении обстоятельств», мы имеем в виду, что в этот период конца XVIII – XIX веков русификация в Украине плотно вошла не только в образование, но и в сферу государственного управления и церковных дел, где активно применяла себя бывшая украинская элита.

Этой трагедии предшествовало *несколько десятилетий политики изощренной деморализации украинской старшины, шляхты и духовенства*, которую после Полтавы инициировал Петр I и успешно продолжили его наследники. Репрессии против Киево-Могилянской академии, против Украинской церкви, взятие детей украинской старшины в заложники (!), подавление любых проявлений традиционной для Украины общественно-политической активности, батуринская резня, массовые безразборные пытки, казни и ссылки, массовая отправка казаков на рытье каналов, на земляные работы, строительство крепостей, на болота Петербурга, в «гиблые», заранее обреченные на неудачу походы, где они умирали десятками тысяч от эпидемий и болезней, реквизиции и экономические изъятия стали в XVIII веке нормой в жизни Украины. Они подорвали моральный дух украинской элиты и высокий боевой дух украинского казачества, *сломили волю руководящей прослойки украинской автономии к сопротивлению централизаторским и русификаторским усилиям имперской власти*.

Эти методы сопровождались самыми омерзительными российскими интригами, направленными на подрыв власти гетмана, как главы украинской автономии, и на дезорганизацию системы традиционного государственного управления Украины. Именно такую политическую программу в период правления гетмана Ивана Скоропадского при Петре I сформулировал князь Голицын в своем письме российскому канцлеру Головкину: «Для нашей безопасности на Украине надобно прежде всего посеять несогласие между полковниками и гетманом... Когда народ узнает, что гетман такой власти не

³⁶ Отмечу также, что в этой статье БСЭ пишет, что в первые десятилетия после «воссоединения» сфера просвещения в Украине развивалась, и лишь со 2-й половины 18 в. она оказалась в упадке. Но абсолютно очевидно, что в упадке она оказалась как раз с того самого момента, когда Россия установила контроль над этой сферой в Украине.

будет иметь, как Мазепа, то надеюсь, что будут приходиться с доносчиками. При этом доносчикам не надобно показывать суровости: если двое придут с ложью, а суровости им не будет показано, то третий и с правдой придет, а гетман и старшина будут опасаться... Необходимо, чтоб во всех порубежных городах были полковники, несогласные с гетманом...». ³⁷ Вам это ничего не напоминает?

Государственный аппарат и церковь стали одним из самых главных и действенных рычагов русификации. В последней трети XVIII века государственные структуры украинской автономии были окончательно ликвидированы. В новых имперских госорганах, где «начальство», в массовом порядке присылавшееся из России, говорило по-русски, в скором времени были вынуждены перейти на русский язык и все остальные. И русский язык «начальства» постепенно воцарился над всей языковой средой в Украине как «панська мова».

Этот процесс был усилен русификацией элиты через поголовное воспитание детей в русскоязычных школах, гимназиях, семинариях и университетах. Он поддерживался и мощным миграционным потоком русской военной и гражданской бюрократии, помещиков и православного клира в Украину, который взял свое начало при Петре I и Петре II. ³⁸

Русификация украинской элиты успешно шла не только через образование и формирование русскоязычного госаппарата и дворянства, но и через браки. Не случайно политика межнациональных браков в Украине со стороны Москвы постепенно приобрела дискриминационный характер. Так, если по «Коломацким статьям» 1687 г. украинский гетман и старшина были обязаны всего лишь содействовать бракам между украинцами и москвитами, то в дальнейшем имперской властью была принята линия на воспрепятствование бракам украинской старшины и шляхты с представителями Речи Посполитой (Правобережной Украины) и Литвы (Белоруссии), кроме московских земель. ³⁹

Политика русификации в этот период была направлена прежде всего на то, чтобы зерна национального самосознания не прорастали в среде тех слоев населения, из которых формировалась государственная администрация, научная, творческая и техническая элита, предприниматели и промышленники. Эти сферы стали доступны в основном лишь тем, кто порвал связь со своим народом и отрекся от своего языка. Ведь, по образному выражению Дж. Неру, каждый

³⁷ С. Соловьев. История России с древних времен. СПб, 1864, кн. 4, с. 32. Цит. по ИД.РУ, с. 111.

³⁸ Н. Полонська-Василенко. Історія України (НПВ.ІУ). К., 1995, т. 2, с. 82, 87.

³⁹ Н. Полонська-Василенко. Історія України (НПВ.ІУ). К., 1995, т. 2, с. 92.

колонизатор заботился о том, чтобы воспитанная им интеллигенция стала врагом своего народа. ⁴⁰

В течение трех столетий российская метрополия активно прививала национальное отступничество в Украине как норму морали. Оно всячески поощрялось, высоко ценилось и хорошо оплачивалось. И не случайно именно Украина оказалась наиболее плодотворным и щедрым донором, питавшим не только царскую администрацию, высшее чиновничество, военную и промышленную элиту, но и русскую культуру в целом. Типичное мировоззрение национальных отступников сформулировал потомок старинного казацкого рода П. Кочубей, ставший председателем Государственного совета при Николае I: «Хотя рождением я украинец, но я больше русский, чем кто-либо другой».

Имперская миграционная политика также стала мощным средством ассимиляции и русификации украинцев. Именно такой характер она проявляла уже начиная с последней трети XVIII века. Например, так было на вновь осваиваемых землях Юга Украины по т. н. Украинской линии и в т. н. Новой Сербии и Славяно-Сербии, которую империя пыталась создать на землях запорожских казаков. В частности, при поселении в т. н. Новороссийской губернии поселенцам-иностранцам безвозвратно предоставлялось по 30 рублей, украинцам, которые приходили с Правобережной Украины и Запорожья, по 12 рублей. В т. н. Новой Сербии и Славяно-Сербии украинцев заставляли «добровольно» продавать свои дома прибывшим сербам или строить для них дома, обслуживать их, поставлять им все необходимое помимо того, что имперское правительство выделяло весьма солидные суммы на их обустройство. ⁴¹

В целом, к концу XVIII ст. в Украине проживало свыше 10 млн человек. На входящих в состав России украинских территориях было 7,8 млн жителей, на украинских территориях Австрии – 2,2 млн. По численности и занимаемой территории украинцы принадлежали к наиболее крупным народам Европы. Численность населения на украинских землях на протяжении XIX ст. быстро росла и составляла в середине века 20 млн, а в конце века – 36 млн.

Но при этом рост населения Украины сопровождался изменениями его этнического состава. Если в конце XVIII ст. на входящих в состав России землях Украины 89,0% населения составляли украинцы, то через сто лет доля украинцев снизилась до 72,6%. Причиной этого была антиукраинская миграционная политика Российской

⁴⁰ П. Вольвач. Род Симиренко. «Зеркало недели», № 8 (73), 24 февр. – 1 март. 1996 г.

⁴¹ Н. Полонська-Василенко. Історія України (НПВ.ІУ). К., 1995, т. 2, с. 113, 117.

ской империи, направленная на усиление контроля над Украиной. Вследствие этой политики процент русских, евреев и представителей других национальностей в Украине увеличился до 27,4% .⁴²

Из этих же побуждений, например, Николай I в начале 30-х годов XIX ст. для поддержки политики русификации принял решение укрепить в Украине влияние великорусского капитала и предоставил льготы крупнейшим представителям российского купечества для привлечения их и закрепления в Киеве.

Русские расселялись по всем регионам Украины, но, главным образом, в городах. Для евреев царское правительство ввело так называемую черту оседлости, запретив им переселяться восточнее территории бывшей Речи Посполитой (соответственно, Левобережье попало в зону полосы, а Слобожанщина была вне ее). Большинство еврейского населения сосредотачивалось в городах и городках Правобережья. К середине XIX ст. оно составляло уже свыше 10% население края и количеством превосходило поляков и русских, уступая лишь украинцам.

Так, в конечном итоге, за счет тотальной русификации образования, госаппарата и церкви, за счет деморализации и русификации национальной элиты, за счет усиленной миграции русских в города Украины **украинский язык, естественно доминировавший в городском быту практически до конца XVIII века, был маргинализован и представлен обществу как язык в основном «низших» прослоек населения** (крестьяне, прислуга, чернорабочие, наемная рабсила) в отличие от русского языка как языка «высших», «культурных» слоев общества (помещики, разночинская интеллигенция, священнослужители, генералы, офицеры и т. д.).

Именно в этот период нашей истории появились первые «русскоязычные украинцы», которых, напомним, ранее – до вхождения левобережной Украины в состав Московского царства (и даже достаточно долгое время после этого) – в природе не существовало, ибо весь наш украинский народ пользовался своим собственным украинским языком и разговаривал исключительно на нем.

На гребне русского шовинизма⁴³

Русификация украинской элиты в конечном счете привела к тому, что **на некоторый период исчез сам носитель высших форм украинской национальной культуры. Он сам и его предыдущие до-**

⁴² Ф. Турченко, В. Мороко. Історія України. Кінець XVIII – початок XX ст. (ТМ.ІУ). К., 2001, с. 12.

⁴³ Изложено в основном по Ф. Турченко, В. Мороко. Історія України. Кінець XVIII – початок XX ст. (ТМ.ІУ). К., 2001.

стижения в области культуры и образования стали частью русской нации и русской культуры. И именно в этом смысле следует понимать процитированные в предыдущей главе слова князя Николая Трубецкого об «украинизации» послепетровской русской культуры.

«Украинизация по Н. Трубецкому» означала полный переток украинских культурных достижений в русскую культуру, но не смену ее великорусской языковой формы. С завершением этого процесса русская национальная культура начала презентовать себя в качестве т. н. «общерусской». Но при этом *обязательным условием «общерусскости» было использование исключительно великорусского языка – «канцелярского языка московских приказных», как назвал его Николай Трубецкой.* И его использованию имперская национальная политика уделяла самое пристальное внимание, не смотря на все заявления об этой некой «общерусскости».

Удавив русификаторской петлей национальную элиту Украины и лишив широкие массы украинцев системы образования на украинском языке, **российская имперская власть к середине XIX ст. перешла к следующему этапу русификации – к отрицанию самого факта существования украинского народа и украинского языка.** И это почти на сто лет стало стержнем ее национальной политики на украинских землях. С точки зрения официальной власти украинцы теперь рассматривались как часть большого «русского (общерусского) народа». В реальной жизни уничтожалось и убивалось все, что указывало на отличие украинцев от русских. Украинский язык постепенно был объявлен всего лишь местным говором, диалектом русского языка.

Термин «общерусское» стал удачной идеологической находкой, которую русификаторы периода Российской империи использовали для того, чтобы бороться с национальным самосознанием украинцев и дезориентировать потенциальных воссоздателей украинской национальной элиты. На самом деле «общерусское» было не чем иным, как опять же ловкой подменой понятий. В советский период идеологическое место этого термина займут понятия «интернациональное» или «наднациональное», которые будут на деле означать то же самое, что и в имперский период, а именно – «великорусское», или «русское».

Тем не менее, в первой половине XIX века практически лишенный элиты украинский этнос, несмотря на методичную и омертвляющую русификацию, смог генерировать новых духовных и политических лидеров. Ярчайшим событием стало *появление поэзии Тараса Шевченко, которая произвела культурный и идейный шок на современников и в Украине, и в России.* Читая шевченковские

стихи, украинцы, деморализованные доктриной «общерусскости», восприняли, потому что «Кобзарь» силой художественного слова доказывал и «окремішність», и совершенство украинского языка, и его способность создавать высшие формы культуры.

Значительная часть русских, среди которых выделялся известный критик Виссарион Белинский, естественно, в штыки восприняли творчество Великого Тараса, так как видели в нем «литературный сепаратизм».⁴⁴ Они отчетливо понимали, что поэзия Шевченко разрушает миф об «общерусскости», реабилитирует украинский язык и в конечном итоге реанимирует мечты «про непідлеглу Україну». Именно с этого периода началась жесточайшая идейная борьба между украинскими патриотами и великорусскими централистами-русификаторами. В дальнейшем в отдельные периоды истории эта борьба принимала насильственные формы откровенного геноцида и этноцида, которые стоили нашему народу уже не десятки тысяч, как в петровское время, а миллионы человеческих жизней.

Первой жертвой этой борьбы стал сам Тарас Шевченко. Вопреки утверждениям совдеповской литературно-исторической мифологии, что, мол, его репрессировали за революционные взгляды и революционную деятельность, документы российской охраны свидетельствуют о том, что главным мотивом расправы с Великим Украинцем было то, что он воспринимался именно как Украинский Поэт и своими произведениями будил украинское национальное самосознание.

Из сделанных жандармским отделением записей решения по делу Шевченко хорошо видно, что в перечне обвинений в его адрес к революционной деятельности с большой натяжкой можно отнести только т. н. «клевету и желчь на особ императорского дома». Но основное «преступление» великого поэта, по вердикту русской полиции, состояло в том, что «Шевченко приобрел между друзьями своими славу знаменитого малороссийского писателя, а потому стихи его вдвойне вредны и опасны. С любимыми стихами в Малороссии могли посеяться и впоследствии укорениться мысли о мнимом блаженстве времен гетманщины, о счастье возвратить эти времена и о возможности Украине существовать в виде отдельного государства».⁴⁵ Именно за это поэт на многие годы был сослан с запретом вообще что-либо писать.

В 1856 г. известный русский историк Михаил Погодин в одной из своих статей провозгласил, что украинского народа, украинского языка никогда не существовало. Русские литераторы и публицисты

⁴⁴ Р. Шпорлюк. Україна: від периферії імперії до суверенної держави. М., 1997, с. 58. Цит. за ТМ.IV. с. 116.

⁴⁵ Кирило-Мефодіївське товариство. т. 2, с. 329-332. Цит. за ТМ.IV. с. 72.

с величайшим энтузиазмом подхватили этот тезис. Редактор газеты «Московские ведомости» Катков идею Погодина обобщил формулировкой, которая стала девизом и убеждением для многих поколений русских шовинистов: «Никакого отдельного украинского языка не было, нет и не может быть».⁴⁶

Абсурдность теории Погодина была доказана в 1857 г. украинским историком, первым ректором Киевского университета Михаилом Максимовичем и в 1861 г. историком и этнографом Николаем Костомаровым, а еще раньше творчеством Ивана Котляревского, Тараса Шевченко и других писателей первой половины XIX ст. Но, вопреки очевидному, лжетеория Погодина стала официальным приговором украинскому народу со стороны тогдашней России.

С конца 50-х гг. XIX ст. организационной формой возрождающегося украинского национального движения стали полулегальные непартийные объединения, которые получили название громад. Первая громада в 1859 г. возникла в Петербурге, где проживало немало украинцев, на которых оказывали большое влияние патристически настроенные украинские писатели и общественные деятели.

На одной из тайных встреч группа громадцев утвердила свои программные положения: украинский народ есть отдельной нацией, каждый сознательный украинец должен отдавать все свои силы для развития самосознания народа, ко всем братьям-славянам украинец должен относиться по-дружески и помогать им в борьбе со своими собственными угнетателями.

Громады организовались в Киеве, Чернигове, Виннице, Екатеринославе, Одессе, Полтаве, Харькове, а также в Москве и Екатеринодаре, на Кубани. Одним из главных направлений их деятельности была организация воскресных школ на родном языке для взрослого населения. Громадовцы собирали средства для печатания учебной литературы, писали украинские учебники, открывали и ежедневные школы, организовывали публичные лекции и библиотеки, инициировали создания гимназий для подготовки народных учителей и т.п. Они распространяли среди населения произведения украинских писателей, организовывали подготовку и издание популярных книжек. Черниговская община даже начала выпуск еженедельника «Черниговский листок» с литературной частью на украинском языке.

Попытки украинских громад вести культурно-просветительскую деятельность вызвали крайнее негодование русских шовинистов и имперского правительства. Официальной российской печатью была организована травля украинского движения, разгромлены Полтавская и Черниговская громады, прекращены издания «Черниговско-

⁴⁶ Ф. Турченко, В. Мороко. Історія України. Кінець XVIII – початок XX ст. (ТМ.IV). К., 2001, с. 196.

го листка», закрыты все воскресные школы. Под предлогом борьбы с революционной деятельностью проведены аресты в Киеве и Харькове. Ряд украинских интеллигентов из числа арестованных, например, Павел Чубинский и Александр Кониский, после суда и следствия были сосланы в северные губернии России.

Репрессии со стороны российских имперских сил были незамедлительными и широкими. Их формы потом повторялись из десятилетия в десятилетие, из поколения в поколение. Они стали «доброй российской традицией» и копировались в следующем веке вплоть до последних лет существования СССР. Местная верноподданная публика, воспитанная на официальной идеологии неприятия украинства и ненависти к украинскому языку, сыпала свои доносы царю и правительству, как потом это делали ее наследники во времена Советского Союза.

Эти доносы, которые были истинным проявлением русского великодержавного психоза, одобрительно воспринимались российскими официальными кругами, рупором которых стал министр внутренних дел Петр Валуев. Его тогда в особенности обеспокоило распространение громадовцами популярных книжек на украинском языке среди украинских крестьян и простонародья.⁴⁷

Как следствие – 20 июня 1863 г. своим циркуляром Валуев также провозгласил, что отдельного украинского языка «не было, нет и быть не может». И таким образом катковская формулировка стала выражением официальной позиции России по украинскому вопросу. Этим же циркуляром было запрещено печатание на украинском языке школьных и религиозных изданий.

Валуевский запрет не распространялся только на произведения «изящной словесности». И это было не случайно, ведь русское правительство в принципе не беспокоило то, что некий узкий круг украинских интеллигентов писал и издавал как бы для себя произведения на украинском языке. Но Российская империя не могла допустить распространения украинских книг среди украинской массы, для украиноязычного образования которой и предназначались школьные и религиозные книги громадовцев. Валуевский циркуляр был направлен на то, чтобы ни под каким предлогом не дать украинскому культурно-просветительскому движению превратиться из занятия небольшого числа интеллектуалов в массовое явление.

Как написал Валуев в своем письме министру образования России по поводу своего циркуляра, «это распоряжение было передано на высочайшее государя императора рассмотрение и Его величеству

⁴⁷ Ф. Турченко, В. Мороко. Історія України. Кінець XVIII – початок XX ст. (ТМ.IV). К., 2001, с. 206.

желательно было удостоить оное монаршего одобрения».⁴⁸ Русские чиновники взялись за внедрение Валуевского циркуляра с особым энтузиазмом и рвением. Их стараниями украинская литература в границах Российской империи практически перестала существовать.

Вот отзыв современника об угнетающей атмосфере тех лет, когда т. н. украинофильство жестоко преследовалось: «... всякий Немец в десять раз лучше Суздальского славянина, Турок никогда так подло не душил Сербов, Монгол столько зла не делал нашей народности, сколько теперь делает Петербургское правительство и Великорусское общество...

Как только кто приметил, что вы Украинец, вас сразу же берут под надзор полиции, а приметить очень легко: как по почте перехватят письмо, писанное по-украински, как вы поете украинскую песню, или как заговорите со знакомым или с семьей на улице по-украински. После того каждый год выбирают человек 10 или же больше, и без всякой вины и суда высылают в Сибирь. Так в этом году выслали: учитель Стромин, инженер Лобода, адвокат Кониский, учитель Шевич, кандидат Чубинский и много других.

Делается сие без суда, и вины не объявляют... 18-летний парень Владимир Синегуб сидит уже полгода в тюрьме за то, что учил на селе парней петь старые казацкие песни. Большая часть журналов Московских то и делает, что топчет в грязь Украинцев за то только, что они Украинцы..., пьяная перекупка не выдумает того, что московские редакторы выдумают и напишут, а отвечать им нельзя, так как цензура ничего не пустит... За украинскую одежду посадят вас в полицию или побьют на улице. За украинский язык не дадут вам никогда службы... Скажите, есть ли где земля от Китая до Патагонии, от новой Голландии до Канады, где было бы преступлением говорить на своем языке, где было бы запрещено писать книжки и учить детей тем языком, которой в семье говорит 14 млн. народа?».⁴⁹

После пресловутого валуевского циркуляра и соответствующих репрессий в развитии национального возрождения образовался серьезный перерыв, и русское правительство сочло, что украинскому национальному движению нанесен сокрушительный удар. Контроль за внутренней жизнью украинского общества несколько ослаб. Но дух украинской интеллигенции, новой элиты нашего народа, все же не был сломлен, и с конца 60-х гг. многие громады постепенно восстановились. Вступление в них не афишировалось, заседания проис-

⁴⁸ М. Лемке. Эпоха цензурных реформ 1859-1865 годов. СПб, 1904, с. 302-304. Цит. по ТМ.IV. с. 209.

⁴⁹ «Слово», 1863, 4.85. Цит. по В. Лизанчук. Навічно кайдани кували. Л., 1995. с. 95-97.

ходили тайно, хотя громадовцы, как правило, занимались научной и издательской деятельностью: собирали, обрабатывали и печатали материалы по истории, этнографии Украины, ее фольклору. Обсуждались также политические вопросы, проблемы национального возрождения, велась работа в рамках местного отделения Российского географического общества.

Печатным органом Киевской громады была постоянная газета «Киевский телеграф». Через нее велась неравная, с т. з. зрения размеров информационного поля, борьба с шовинистическими изданиями.

Но и эта деятельность вызвала возмущение русских шовинистов, они опять засыпали Петербург доносами о возрастании «украинского сепаратизма». Тогда российский царь Александр II создал в августе 1875 г. специальную комиссию «для создания средств борьбы с украинофильской деятельностью». На основании предложений этой комиссии Александр II, который тогда отдыхал в немецком городе Эмс, подписал закон о полном запрете украинского языка. Закон получил название «Эмский указ» 1876 г., он сопровождался дальнейшими, более масштабными действиями российской власти по официальному удушению украинского языка.

Эмским указом запрещалось печатать на украинском языке не только книги, но и даже тексты к музыкальным нотам. Для полной эффективности указ строжайшим образом воспрещал ввозить в пределы империи без специального разрешения любые книги и брошюры, изданные на украинском языке за границей.⁵⁰ Также запрещалось ставить украинские театральные спектакли, устраивать концерты с украинскими песнями. Если кто-то, например, хотел организовать концерт, то все украинские песни надо было переводить на русский язык. Хотелось бы знать, **в каких еще странах и империях угнетаемым и поработанным народам запрещалось публично исполнять песни на своем языке? Даже немецкие фашисты в годы оккупации до такого не додумались!** Воистину было написано современником тех лет: «турок никогда так подло не душил сербов, монгол столько зла не делал нашей народности, сколько теперь делает Петербургское правительство и великорусское общество...».

Жестоким ударом для украинской науки и культуры стало закрытие Юго-Западного отделения Российского географического общества. Его руководителя Павла Чубинского выгнали с работы. Это было дополнительное распоряжение к Эмскому указу, которое Александр II подписал собственноручно. По предложению комиссии был уволен ряд профессоров Киевского университета, было запрещено также издавать «Киевский телеграф».

⁵⁰ Ф. Турченко, В. Мороко. Історія України. Кінець XVIII – початок XX ст. (ТМ.ІУ). К., 2001, с. 211.

Министерство образования по «Высочайшему повелению» начало проводить *политику «ослабления в учебных заведениях Юго-Западного края малороссийского элемента даже чуждого сепаратистских стремлений»*. Так, в письме к князю О. Ширинскому-Шихматову Киевский куратор учебных заведений писал: «Я признаю усиления в них по возможности элемента Русского в лице преподавателей, а в особенности преподавателей Русского языка и словесности и Русской истории. В недалеком будущем представится возможность вознаградить в этом отношении потерянное: с первым выпуском воспитанников открываемого в Нежине Историко-филологического Института – они могут быть назначаемы в средние учебные заведения внутренних губерний, – а в учебные заведения южных губерний, могут быть назначаемы преподавателями по преимуществу воспитанники С.-Петербургского Института из коренных русских уроженцев, для которых будет чужда самая идея всякого рода украинофильства...».⁵¹

В конечном итоге эта изуверская по отношению к украинскому языку и культуре политика привела к тому, что в начале XX века Императорская Академия наук России в записке «Об отмене стеснения малорусского печатного слова» вынуждена была заявить: «Нельзя не признать, что пренебрежительное отношение к родной речи влечет за собой отрицательное отношение и к семье, и к родной среде, а это не может не отразиться самым печальным образом на нравственном состоянии... населения Малороссии».

Столыпинский маразм⁵²

Такое положение продлилось вплоть до революции 1905–1907 гг., которая дала украинцам надежду на изменение национальной жизни к лучшему. Требования украинского движения в те годы прежде всего заключались в отмене всех запретов и культурно-языковых ограничений. Съезд полтавской группы Всероссийского союза учителей единодушно постановил: «Для украинского населения на территории Украины школа должна быть украинской, то есть преподавание вестись на украинском языке».

Накануне революции, в конце 1904 г., украинцы Российской империи получили редкую и нехарактерную для того времени поддержку со стороны авторитетных российских академиком-языковедов Федора Корша и Алексея Шахматова. На запрос Совета

⁵¹ Ф. Савченко. Заборона українства 1876 р. с.197. Цит. за В. Лизанчук. Кайдани ще кують (ВЛ.КЩК). Л., 2004, с. 216.

⁵² Изложено в основном по Ф. Турченко, В. Мороко. Історія України. Кінець XVIII – початок XX ст. (ТМ.ІУ). К., 2001.

министров относительно целесообразности сохранения ограничений против украинского языка они дали отрицательный ответ, заявив, что он является целиком самостоятельным языком, а не местным говором русского языка.⁵³

Под давлением национально-освободительного движения Российской империя вынуждена была идти на уступки. В конце ноября 1905 г. был принят закон, который разрешал издание литературы на национальных языках, создание культурно-образовательных национальных обществ и открытие национальных театров.

С этого момента началось быстрое, взрывоподобное развитие украинской национальной жизни. В частности, большим достижением украинства стало появление в Надднепрянщине украинской печати. Через год после Октябрьского манифеста действовало 15 украинских издательств и выходило около 20 периодических изданий – от научных и политических до юмористических и детских.

Но что касается обучения на родном украинском языке, то добиться принятия соответствующего закона не удалось. Были лишь отдельные случаи, когда учителя с разрешения властей на свой страх и риск вводили украинский язык в учебный процесс. Система образования в Украине, от начальной школы до высшей, оставалась русифицированной. Даже в селе, где в те времена ребенок до прихода в школу ни одного слова не слышал на русском языке, обучение осуществлялось именно на нем. А учителя на правобережной Украине до самой революции 1917 года получали специальную надбавку «за обрусение», т. е. за проведение ими в жизнь политики русификации.

Украинская студенческая молодежь Киева начала кампанию за открытие кафедр украиноведения в университетах. В самом Киеве это не принесло успеха, где жесткое сопротивление оказывала университетская администрация, но в Одессе и Харькове такие украиноязычные отделения все же были открыты.

После поражения революции русское правительство, возглавляемое Столыпиным, возобновило откровенно антиукраинскую внутреннюю национальную политику. Одной из определяющих черт эпохи Столыпина стало нарастание волны агрессивного русского шовинизма. Столыпин четко олицетворял официальный курс – путем массовой русификации ликвидировать все национальные отличия, превратить многонациональную Российскую империю в централизованное русское национальное государство.

В этот период русские великодержавные идеологи изображали украинское движение абсолютно искусственным, лишенным любых

⁵³ Ф. Турченко, В. Мороко. Історія України. Кінець XVIII – початок XX ст. (ТМ.IV). К., 2001, с. 346-347.

оснований для существования в XX столетии. Киевский цензор Сергей Щоголев в 1912 г. опубликовал книгу «Украинское движение как современный этап южно-русского сепаратизма», в которой повторялись насквозь фальшивые «аргументы» предыдущих русификаторов Украины. Книга содержала даже перечень имен тех лиц («мазепинцев»), которые заслуживали особого внимания полиции. Полтавский губернатор Багговут в тайном письме царю со всей серьезностью заявил, что «никогда никакого особого украинского народа не было», но призвал назначать только великороссов на должности учителей, служащих, священников.

В 1908 г. в Киеве был создан «Клуб русских националистов», который благодаря государственной поддержке и личному покровительству Столыпина стал одной из самых влиятельных политических организаций в империи. Клуб считал своей задачей «вести общественную и культурную войну против украинского движения в защиту основ Российского государства на Украине».

После революции 1905–1907 гг. под угрозой оказались все без исключения проявления украинской национальной жизни, но одним из самых главных объектов преследований вновь стало устное и печатное украинское слово. Российское правительство, его платные и добровольные помощники, понимая, что украинский язык – душа нашего народа, поставили целью максимально сузить сферу его функционирования. В 1909 г. «Союз русских националистов» добился решения думского подкомитета в делах образования о недопущении преподавания украинского языка в школах.⁵⁴

Правительство запретило преподавание на украинском языке в тех школах, где в период революции оно таки было введено. Был также отменен циркуляр министра образования от 1906 г., который разрешал учителям на уроках употреблять украинский язык для разъяснения того, чего ученики не понимают. Учителям запрещалось разговаривать с учениками на украинском языке вне школы. На уроках не разрешалось петь украинские песни, декламировать стихи и даже исполнять украинские мелодии.

Известный еврейский публицист и мыслитель конца XIX ст. Владимир Жаботинский, который долгое время жил в Украине и глубоко изучал украинско-русские культурные связи, писал: «Всюду на периферии государства русская культура появляется лишь после того, как земский ярыга (полицейский – Авт.) прокладывает ей дорогу, вытоптав сапожищем всех ее конкурентов».

И это была сущая правда. Вот что говорил депутат госдумы Петровский о событиях этого периода: «Например, такое невинное

⁵⁴ Ф. Турченко, В. Мороко. Історія України. Кінець XVIII – початок XX ст. (ТМ.IV). К., 2001, с. 361-362.

явление, как музыкальное общество в Полтаве, там полицеймейстер запретил говорить по-украински. Директор Миргородской гимназии, пересматривая программу одного концерта, сказал, что когда будет сказано хотя одно слово на дурацком украинском диалекте, то не будет ни одного ученика на этом концерте. В Лебединской мужской гимназии директор тоже запрещает говорить по-украински, и, во время доказательства какой-то алгебраической теоремы на этом языке, ученику была поставлена двойка».⁵⁵

Подобная политика проводилась и в высших учебных заведениях Украины. Те слабые ростки украинской национальной жизни, которые проросли в университетах и других вузах Украины в 1905–1907 гг., были грубо и безжалостно удушены и истреблены. По приказу царя закрывались украинские клубы, научные общества и т. п. В частности, были закрыты киевская, одесская, нежинская, черниговская, полтавская и другие «Просвіти».

В 1907 г. из 18 периодических украинских изданий осталось только 9. На протяжении следующих лет их количество еще уменьшилось, при чем в реальности прессу на украинском языке не разрешали подписывать. Черносотенцы выявляли непослушных подписчиков, докладывали о них администрации, которая увольняла их с работы, а иногда и подвергала арестам. Почти ко всем украинским пьесам цензура применяла одну стереотипную резолюцию «К спектаклю не разрешен!». Власть запрещала даже печатать театральные афиши на украинском языке.

Не разрешалось отмечать память Тараса Шевченко, организовывать посвященные ему вечера, был запрещен сбор средств на сооружение ему памятника. В 1910 г. временный комитет по делам печати просмотрел брошюру «Народный календарь», где были помещены портреты Тараса Шевченко, казацкого гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного, гетмана Богдана Хмельницкого, рисунок памятника Шевченко и карту Украины, и нашел, что они антиправительственны по смыслу, так как содержат «...идеи так называемого «украинского сепаратизма». Члены этого комитета выступили против названий «Украина», «украинский народ».

В 1910 г. запретительная политика русских чиновников по отношению к угнетенным народам получила прямую поддержку самого Столыпина. 20 января 1910 г. им был подписан циркуляр с запретом регистрировать любые «иностранческие» общества и издательства. В отдельной инструкции он разъяснял губернаторам, что запрет распространяется и на украинские и еврейские

⁵⁵ Г. Петровский. Из революционного прошлого. К., 1958, с. 76-78. Цит. по ТМ.ІУ. с. 373-374.

организации.⁵⁶ Зачислив украинские организации к «иностранческим», правительство попало в довольно своеобразную маршматическую ситуацию: с одной стороны, оно не признавало украинцев отдельным от русских народом, а с другой – явным образом отнесло их к иностранцам. В сущности, это было нечаянное признание очевидного факта: украинцы и русские принадлежали к разным нациям.

В 1914 г. отмечалось столетие со дня рождения Тараса Шевченко. На западноукраинских землях австрийская власть не чинила этому никаких преград. Но на украинских землях в составе России черносотенные организации повели бурную кампанию против юбилея Шевченко и против «мазепинского» движения вообще. Министр внутренних дел запретил печатание памятного издания и рекомендовал губернаторам не разрешать публично оказывать почести Шевченко, называть его именем улицы и школы. Русская православная церковь получила запрет своего Святейшего Синода на служение панихид в честь поэта, а Министерство образования запретило ученикам средних школ ходить на соответствующие мероприятия и концерты.

В этот период курс на русификацию и деэтнизацию украинцев совпал с неблагоприятным для украинского этноса демографическим движением. Чтобы уменьшить численность бедняков и ослабить социальные разногласия в украинском селе, правительство поощряло переселение крестьян на малообжитые земли Дальнего Востока и Сибири.

Более всего крестьян выехало в 1907–1909 гг. Эмиграция из украинских губерний составляла почти половину эмиграции из европейской части империи, а в последние предвоенные годы – даже 60%. Особенно много ехало с Полтавщины и Черниговщины – 40% от общего количества переселенцев из Украины.

Поток переселенцев из Украины был таким мощным, что в отдельных районах Российской империи украинцы даже составили большинство населения. Так, в частности, было на юге Дальнего Востока, в районе, который получил название «Зеленый Клин». Среди поселенцев почти не заселенного к тому времени Приморского края украинцы составляли 75-80%, Амурской области – 60-50%.⁵⁷

Привыкнув работать на земле, будучи земледельцами в десятках и сотнях поколений, украинские крестьяне ехали за десять тысяч километров на Дальний Восток, лишь бы заниматься только

⁵⁶ Ф. Турченко, В. Мороко. Історія України. Кінець XVIII – початок XX ст. (ТМ.ІУ). К., 2001, с. 364.

⁵⁷ Ф. Турченко, В. Мороко. Історія України. Кінець XVIII – початок XX ст. (ТМ.ІУ). К., 2001, с. 356-357.

тем, к чему они привыкли и от чего не хотели отказываться – земледелием. Выезд за границы украинских губерний миллионов их жителей имел для Украины существенные негативные последствия длительного действия, так как на Юг же и Восток Украины, где в это время ощущалась потребность в рабочих руках на заводах, фабриках и шахтах, массово переселялись крестьяне из Центральной России.

Более суровый климат и бедные земли делали малоперспективными сельскохозяйственные занятия в их родных русских селах. Как правило, эти крестьяне издавна в свободное от сельскохозяйственных занятий время занимались разными промыслами, ходили на заработки в соседние города. Они были меньше привязаны к земле, чем украинцы, и быстрее переходили к новому социальному статусу – рабочим.

Массовое переселение русских крестьян в южные и восточные губернии Украины в годы земельной реформы Столыпина усилило русскоязычный характер городских поселений этих губерний и усложнило борьбу за возрождение украинской национальной жизни и Украинского государства. Правительство и русские шовинисты стремились сделать этих людей орудием политики русификации и достигли в этом направлении довольно многого.

Великорусская шовинистическая истерия, разогревшаяся с новой силой после поражения революции 1905–1907 гг., не вызвала особого удивления в Украине. Не было даже удивительным то, что справедливые требования украинцев не встречали поддержки со стороны русских либералов и социалистов. Как и раньше в подобных случаях, украинцы наталкивались на стену полного непонимания, холодного равнодушия, а то и откровенной враждебности с их стороны. В русском демократическом лагере также заметно усиливался великорусский национализм. Основная сила русских либералов – партия кадетов – выступала против признания отдельных национальных прав украинцев.

Большинство русских либералов разделяло официальное мнение, что, мол, отличия между «великороссами» и «малороссами» незначительны, что украинцы – это всего лишь южная ветвь русского народа. В 1912 г. большую огласку в Украине и России приобрела статья Петра Струве «Общерусская культура и украинский партикуляризм». Автор, один из лидеров кадетского движения, в этой статье выступал за беспощадную борьбу против украинского освободительного движения.

Недалеко от этого ушли и русские социалисты. Некоторые из них, в частности большевики, время от времени публично требо-

вали отмены национальных ограничений в Украине. Но они всего лишь использовали дело антиукраинских преследований как повод для критики царского правительства. Революция 1905–1907 гг. и следующий период показали, что русское оппозиционное движение было таким же централизаторским и русификаторским, как и имперское правительство. И после того, как большевики в 1917 г. захватили власть на большей территории бывшей Российской империи, они убедительно это продемонстрировали.

В целом русское общество в оценках украинского вопроса в тот период недалеко ушло от взглядов известного русского литературного критика XIX века Виссариона Белинского. А его отношение к украинцам хорошо видно из письма Павлу Анненкову: «...Одна скотина из хохлацких либералов, некто Кулиш⁵⁸ (экая свиная фамилия!) в «Звездочке», ...журнале, который издает Ишимова для детей, написал историю Малороссии, где сказал, что Малороссия или должна отторгнуться от России или погибнуть... Вот, что делают эти скоты, безмозглые либералишки. Ох, эти мне хохлы! Ведь бараны – а либеральничают во имя галушек и вареников со свиным салом...».

Благосклонная к украинцам позиция Герцена, Добролюбова, Бунина была в этом плане исключением.

Таким образом, если резюмировать дооктябрьский период русско-украинских отношений, то отчетливо видно, что начиная с периода установления активных русско-украинских контактов и последующего «воссоединения», Россия последовательно проводила в отношении украинского народа политику всесторонних ограничений, интенсивной ассимиляции и принудительной русификации. Сначала Россия переняла все культурные достижения Украины, затем блокировала развитие украинской культуры, разгромила украинскую национальную печать и систему украинского массового образования, деморализовала и русифицировала украинскую элиту, низвела этим украинцев в ранг сравнительно менее культурного народа и в конце концов отказалась признавать сам факт существования украинского народа и его языка, подвергая гонениям и преследованию всех, кто утверждал обратное.

И я хочу спросить: неужели все это, вышеперечисленное (вкуче с превращением миллионов свободных украинцев Левобережья в бесправных крепостных «богоносцев»), и есть то самое «благотворное влияние России» на украинский народ? Неужели, отрицая само существование украинского народа и уничтожая украинский язык, Россия тем самым помогала нам, украинцам, «сохранить себя как

⁵⁸ Пантелеймон Кулиш (1819-1897) – выдающийся украинский общественный деятель, писатель, ученый, педагог.

нацию»? Позитивный ответ был бы смешон, абсурден и психопатичен. Поэтому любые заявления о том, что «украинский народ благодаря России сохранил себя как нацию» или о том, что дореволюционная Россия сыграла «цивилизаторскую роль» в отношении Украины, являются прямой и безапелляционной ложью.

Если украинцы и сохранили себя как нацию, то не благодаря, а вопреки усилиям России! Если Россия когда-либо что-либо и давала Украине в культурном плане, то это было только после того, как она забирала и запрещала во много раз больше!

«Дедушка» Ленин и украинский вопрос

Февральская революция в России и ряд последующих событий принесли Украине долгожданное освобождение и возрождение национальной жизни. Они привели к созданию на большей части этнической территории Украины ряда последовательно сменявших друг друга украинских государственных образований.

То, что советские историки называли гражданской войной 1918–1920 гг., завершилось в Украине созданием формально независимой, но реально полностью подчиненной Москве советской республики, которая затем вошла в т.н. Союз Советских Социалистических Республик. Национальную политику и отношение к украинскому вопросу в СССР определяло руководство правящей Коммунистической партии большевиков.

По сравнению с временами Российской империи украинцы получили (а вернее сказать, выбороли в вооруженной борьбе) право называться украинцами, а также формальное право на использование украинского языка в общении, образовании, культуре и т.д.

Лидер российских коммунистов Владимир Ленин уделял достаточно серьезное внимание национальному вопросу. Ленин довольно часто поднимал проблематику Украины и *теоретически* шел на любую степень свободы для «националов»-украинцев в том, что касается использования украинского языка, культурной жизни, книгопечатания и образования. Этому его научил опыт и анализ большевистских поражений 1919 года в Украине.

В реальной политике, в вопросах разделения реальной компетенции партийных и государственных органов, управления вооруженными силами, контроля за распределением производимого советскими республиками материального продукта Ленин, не сбрасывая маски душки-интернационалиста, демонстрировал известную жесткость, цинизм и оставался принципиальным централистом. Потому что именно эти вопросы он считал самыми важными для

сохранения власти, которая была нужна ему для построения коммунизма. Это было целью жизни «кремлевского мечтателя», и украинский язык ему в этом не только не мешал, но даже помогал еще лучше обрабатывать сознание украинцев для пользы «дела мирового пролетариата».

Однако предоставление Лениным де-юре полной свободы коммунистам-украинцам в использовании своего языка в культурной жизни, книгопечатании и образовании вызывало многочисленные сетования русских и еврейских большевиков-централистов, которые по «доброй старой» традиции считали украинский вопрос австро-германской выдумкой. «Автора этих строк, – писал Ленин, – некоторые товарищи на последних совещаниях в украинском вопросе обвиняли в чрезмерном «выпячивании» национального вопроса на Украине». Своим упорствующим партайгеноссе Ленин разъяснял, что за их упреками стоит «зубодробительный» комплекс шовинистов-великодержавников.⁵⁹

«...Игнорировать значение национального вопроса на Украине, – писал Ленин, – чем очень часто грешат великороссы (и, наоборот, не намного менее часто, чем великороссы, грешат этим евреи), – значит, делать глубокую и опасную ошибку». «Кремлевский мечтатель» отмечал, что в РКП(б) «много партийных руководителей пропитаны бессознательно великорусским национализмом и великодержавностью, не понимают национальных потребностей других народов (в нашем случае – украинского – Авт.) и дают повод быть заподозренными в том, что собираются нести им свой великорусский шовинизм, прикрытый названием коммунизма»⁶⁰ (выдел. – Авт.).

Стоит отметить, что численность украинцев в «украинской» компартии в этот период составляла всего несколько жалких процентов (1918 г. – 3,2 %, 1922 г. – 23,3 % при 80 % в составе населения). Поэтому в реальности в Украине правили российские коммунисты, которые считали возрождение украинской национальной жизни «уступками» украинцам. И в телеграмме, отправленной Лениным Сталину в Харьков, он неслучайно так и писал: «...относительно языка все уступки и максимум равноправия» (курсив – Авт.).⁶¹ В целом же в российской компартии эти уступки считались «стратегической дипломатической игрой». Именно этот термин встречается у Х. Раковского⁶², которого Кремль на некоторое время прислал на должность главы правительства Советской Украины.

⁵⁹ І. Дзюба. Інтернаціоналізм чи русифікація? (ІД.ІР) Мюнхен, 1968, с. 50.

⁶⁰ І. Дзюба. Інтернаціоналізм чи русифікація? (ІД.ІР) Мюнхен, 1968, с. 43-44.

⁶¹ В. Ленін. Повне зібрання творів. т. 51, с. 141. Цит. по ВЛ.КЩК. с. 317.

⁶² XII съезд РКП(б)... с. 529-530. Цит. по ІД.ІР, с. 60.

Но как бы мы ни относились к историческому феномену «дедушки» Ленина, мы должны признать, что из всех лидеров иностранных военно-политических сил, которые претендовали на власть над Украиной (поляки, российское белое движение, различные течения в российской компартии), на тот момент он *хотя бы теоретически* занимал относительно справедливую и экологичную позицию по отношению к украинской национальной жизни.

И если исходить из оценки ситуации с т. з. «лучшее из худшего», в которой тогда оказались Украина и украинский народ, то мы можем сказать, что «дедушка» Ленин сделал два полезных дела. Первое – он отверг сталинскую идею «автономизации» при создании СССР как ликвидирующую государственный суверенитет, пусть даже формальный, советских республик. Второе – Ленин поддержал курс «украинизации», и благодаря его позиции в украинском вопросе в 20-х гг. РКП(б) *хотя бы теоретически* осуждала русский шовинизм и политику «нейтралитета» партии в т. н. «борьбе двух культур» – русской и украинской.

«Украинизация» для украинцев

Политика «украинизации» проводилась в Украине после Гражданской войны на протяжении двадцатых годов XX ст. **На деле ее правильно было бы называть политикой «дерусификации» украинской национальной жизни**, или «коренизации», как ее величали отдельные партийные и государственные документы. Эта политика была зафиксирована в постановлениях Коминтерна и ряда съездов российской (советской) компартии, которые рассматривали ее как национально-воспитательную работу в целях использования мощной тяги украинского народа к национальному возрождению для укрепления советской власти и построения социализма.

Советскую «украинизацию» поддержали значительные общественно-политические силы, которые возлагали на нее большие надежды. Тогдашний нарком образования Украины Мыкола Скрыпник включал в понятие «украинизации» укрепление государственности Украины в советской форме, но в решениях партийных и советских форумов она сводилась только к культурно-общественной деятельности.⁶³

Таким образом, в двадцатые годы советская власть, идя на уступки украинскому движению, предоставила возможности для сравнительно широкого развития украинской культуры, но оставля-

ла этот процесс под постоянным контролем, ограничивая его желательными для коммунистического режима рамками. Однако и в такой урезанной форме «украинизация» стимулировала общественно-культурное развитие и положительно влияла на остальные стороны национальной жизни украинского общества.

В отличие от русификации в Российской империи и в СССР «украинизация» 20-х годов предназначалась *исключительно для самих украинцев, для возрождения их национальной жизни, а не для деэтнизации других национальностей*. В реальной жизни эта политика предполагала возвращение украинского языка во все сферы жизни, осознание украинцами национальной принадлежности и национальных особенностей, изучение украинской истории и культуры. В этот короткий период украинскому языку был официально предоставлен национально-государственный статус, созданы научные основы национального языкознания. Создавались благоприятные условия для распространения и развития украинской науки, образования и культуры.

Велась даже подготовительная работа для «украинизации пролетариата», «украинизации» украинских крупных городов и промышленных центров. При этом подчеркивалась необходимость отличать русифицированных рабочих-украинцев, которые употребляют суржик на основе украинского языка, от этнических русских рабочих. Относительно последних, как национального меньшинства в Украине, рекомендовалось «внимательное отношение... и обеспечение их интересов», а относительно первых – разъяснение их национальной принадлежности и их национальных обязанностей.

«Украинизация» способствовала определенному приближению партийно-государственного аппарата к украинскому народу, привлечению украинцев к советским формам общественной жизни, подготовке и выдвижению, хотя и весьма ограниченному, руководящих работников украинской национальности.

В начале 20-х гг. правившее в Украине прозиновьевско-каменевское коммунистическое руководство искусно саботировало «украинизацию». Разделавшись с Зиновьевым и Каменевым, Сталин сменил и партийных руководителей в Украине, прислав сюда Кагановича. Чтобы продемонстрировать сторонникам зиновьевцев, что их эпоха кончилась, а заодно и привлечь на свою сторону растущую украинскую массу в КП(б)У, Сталин и Каганович на сравнительно продолжительный период сделали «украинизацию» безоговорочным курсом.

Но и в этих условиях она *встречала глухое сопротивление русских и еврейских большевиков-централистов и шовинистиче-*

⁶³ В. Шевченко. Неизвестная украинизация. «Зеркало недели», № 8 (483), 28 февр. – 5 март. 2004 г.

ски настроенного советского мещанства, сформировавшегося из потомков тех, кого принесли в Украину имперские миграционные потоки в течение полутора предшествующих столетий и кого даже «дедушка» Ленин называл «великорусской швалью».⁶⁴

В 1927 г. Исполком Коминтерна даже рассматривал вопрос о русском шовинистическом отклонении в партии, которое препятствовало «украинизации». В обращении ЦК КП(б)У к Коминтерну утверждалось, что это отклонение состоит в игнорировании и недооценке значения национального вопроса в Украине, которое часто прикрывается интернационалистическими фразами. В частности, по мнению авторов обращения, русский шовинизм проявлялся в следующих формах:

1) в унижении значения Украины как части СССР, в старании трактовать образование СССР как фактическую ликвидацию национальных республик;

2) в проповеди нейтрального отношения партии к развитию украинской культуры, в трактовке ее как отсталой, «крестьянской» в противовес русской, «пролетарской»;

3) в попытках любой ценой сохранить преимущество русского языка во внутренней государственной, общественной и культурной жизни Украины;

4) в формальном отношении к проведению украинизации, которая признается часто только на словах;

5) в повторении шовинистических великодержавных взглядов о т. н. искусственности украинизации, о непонятном народу «галицийском» языке и т. д., в культивировании этих взглядов внутри партии;

6) в старании не переводить политику украинизации в города и среди пролетариата, ограничившись только селом;

7) в весьма тенденциозном раздувании отдельных перегибов во время переведения украинизации и в попытках выставить их как целую систему нарушения прав национальных меньшинств (русских, евреев).⁶⁵

Интересно, Вам это что-то напоминает?

Тогда, в 1927 г., русский шовинистический уклон, как ни странно, был осужден. Но и тогда же ЦК КП(б)У в постановлении от 19 апреля 1927 г. вменил в обязанность ввести обучение русскому языку во всех школах в Украине, из которых, как тогда предполагалось, должно было стать в будущем украинскими не менее 95%. Одновременно ЦК сделал принципиальное предостережение,

⁶⁴ І. Дзюба. Інтернаціоналізм чи русифікація? (ІД.ІР) Мюнхен, 1968, с.132.

⁶⁵ Два роки роботи. Звіт Центрального комітету. Х., 1927, с. 57-58. Цит. по ІД.ІР, с. 163-164.

что «это ни в коем случае не может быть прикрытием для попыток образовать для русской культуры на Украине господствующее положение, которое она имела при царизме».

Однако уже через пять лет, в 1932 г., Сталин круто изменил курс национальной политики СССР, и короткий период украинского национального возрождения в Украине закончился. Начался период новой, еще более жестокой русификации на советский манер.

Попіл Кубані б'є в наші груди...⁶⁶

После февральской революции 1917 г., строя национальное государство, Украинская Центральная Рада во главе с Михаилом Грушевским поначалу не претендовала на *Кубанскую область, где больше половины жителей были украинцами*. В те времена кубанские черноморские казаки, будучи прямыми потомками запорожцев, в более или менее достаточной степени сохраняли украинскую обрядовую и материальную культуру, стереотипы поведения, национальную кухню, фольклор и язык. В 1917 г. они образовали собственное правительство, и переговоры о вхождении этого края в Украину должны были проводиться непосредственно с ним, а не с Временным правительством.

В феврале 1918 г. Законодательная Рада Кубани провозгласила Самостоятельную Кубанскую Народную республику, и немногим позже сессия совещания членов Рады приняла резолюцию о присоединении Кубани к Украине на федеративных условиях. Гетман Скоропадский, добившийся согласия крымского правительства генерала Сулькевича о присоединении полуострова к Украинскому государству на правах автономии, начал переговоры и о присоединении Кубани. Но этот процесс был прерван после захвата Украины большевиками.

В октябре 1925 г. Центральный исполнительный комитет СССР передал в подчинение Северо-Кавказского края Российской Федерации два украинских округа – Шахтинский и Таганрогский. После проведения Всесоюзной переписи населения 1926 года ЦК КП(б)У решил обратиться в Москву с просьбой вернуть эти округа Украине, а также передать ей южные районы Курской и Воронежской губерний, где компактно проживало украинское население. Количество украинцев в западных районах Российской Федерации, непосредственно прилегавших к Украине, превышало, как свидетельствовала перепись, два миллиона человек.

⁶⁶ Частично по С. Кульчицкий. К 350-летию Переяславской рады геополитические уроки Тузлы. «Зеркало недели», № 2(477), 17-23 янв. 2004 г.

В этот период на одном из Пленумов ЦК КП(б)У было принято такое решение: «Поручить Политбюро ... вести дальнейшую работу в деле объединения в границах УССР всех сопредельных с нею территорий с украинским большинством населения, которые входят в Советский Союз».⁶⁷ В докладе на X съезде КП(б)У говорилось: «Мы ставим своей задачей и ставим вопрос перед ВКП(б) о государственном объединении Украины, – в Курщине, в западной части Воронежчины и т. д. Это украинское население... не имеет достаточного обслуживания своих национальных потребностей».⁶⁸ *Все это абсолютно отвечало принципам политики в области национальных отношений, которые при Ленине были задекларированы российскими большевиками.* Однако ЦК ВКП(б) отреагировал молчанием на эту просьбу.

Позднее нарком образования Украины Мыкола Скрыпник при содействии местной власти начал «украинизацию» 37 районов Северо-Кавказского края, в том числе 19 районов Кубанского округа. Успехи в этом деле позволили ему снова поставить вопрос о переводе Кубанского, Шахтинского и Таганрогского округов под юрисдикцию Украины.

Требования рассмотреть отложенный в свое время вопрос о передаче Кубани в состав Украины крайне обеспокоили российских централистов в ВКП(б) и самого «отца народов». Они заставили их по-новому взглянуть на успехи «украинизации»: Сталин и его окружение поняли, что национальное возрождение в такой крупной республике, как Украина, может в дальнейшем создать серьезный национальный центр силы в Киеве, который гипотетически при случае будет способен противостоять московскому центру в лице Иосифа Виссарионовича и его подручных. Для решения «украинского вопроса» они воспользовались представившимся случаем – проблемой невыполнения Украиной и Кубанью плана хлебозаготовок после массовой коллективизации. Причем этот «случай» Сталин и его кремлевское окружение предоставили себе сами – **они его искусственно создали и спровоцировали**, установив для Украины и Кубани непосильные, непомерно завышенные (по сравнению с другими регионами СССР) планы сдачи хлеба государству.

Таким образом, настойчивые территориальные просьбы Украины и начавшиеся потом проблемы со сдачей хлеба украинскими и кубанскими колхозами, которые возникли немного погодя, подвигли московского Зверя на проведение в 1932–1933 гг. кампании против «украинской националистической контрреволюции» и на

⁶⁷ Шляхи розвитку української пролетарської літератури. с. 350. Цит. за ІД.ІР, с. 245.

⁶⁸ X з'їзд КП(б)У... с. 444. Цит. по ІД.ІР, с. 245.

организацию ее неотъемлемой и наиболее мощной части – «борьбы за хлебозаготовки», которая вылилась в голодомор и стала ее синонимом. Символом этой кампании и голодомора было постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и Западной области» от 14 декабря 1932 г. за подписями Молотова и Сталина. Содержание и территория действия этого постановления позволяет с абсолютной уверенностью говорить о том, что **изъятие хлеба в форме, которая привела к голодомору, – это намеренная варварская акция, имевшая своей целью нанести сокрушительный деморализующий и деэтнизирующий удар по украинскому народу.**

Территориальные рамки действия постановления «О хлебозаготовках...» практически совпадали с границами основной массы этнического расселения украинцев европейской части СССР. Западная (Смоленская) область была указана в нем в качестве «фигового листка», который был призван «прикрыть» его откровенно антиукраинскую направленность. Само постановление, которое, судя по названию, должно было преследовать исключительно экономические цели, на самом деле включало в себя серьезный блок этнонациональных и языковых задач.

В частности, в указанном документе «украинизация» Северо-Кавказского края характеризовалась как «небольшевистская». Делопроизводство местных органов власти, а также газеты и журналы здесь требовалось немедленно перевести с украинского языка на русский как «более понятный» для кубанцев. Преподавание в школах также переводилось на русский язык.⁶⁹

Кроме того, постановление «предлагало» ЦК КП(б)У и СНК Украины вообще «обратить серьезное внимание на правильное проведение украинизации, устранить ее механическое проведение, изгнать «петлюровские» и другие буржуазно-националистические элементы из партийных и советских организаций, тщательно подбирать и воспитывать украинские большевистские кадры, обеспечить систематическое партийное руководство и контроль за проведением украинизации».⁷⁰

Таким образом, с 1933 г. украинские школы и культурно-образовательные ячейки на Кубани, Северном Кавказе и в приграничных с Украиной районах России, где компактно, практически «сплошняком», проживали украинцы, были разогнаны. Физически

⁶⁹ Голод 1932-1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. К., 1990, с. 292-293. Цит. по ВЛ.КЩК. с. 368.

⁷⁰ Центральный государственный архив общественных объединений Украины. Ф. 39, оп. 4, д. 1, л. 8-10. Цит. по В. Солдатенко. Голодный тридцать третий. «Зеркало недели», № 24 (449), 28 июня-4 июля 2003 г.

были уничтожены или деморализованы все, кто отстаивал украинскую принадлежность тамошнего населения.⁷¹ Так, были высланы в Сибирь или казнены полторы тысячи учителей станичных украинских школ Кубани.⁷²

Мероприятия по деукраинизации подкреплялись самыми бесчеловечными репрессивными методами – конфискацией *любых запасов продовольствия*, отложенных до нового урожая у крестьян и казаков Кубани и ряда других украинских районов России. Это был террор голодом, который погубил сотни тысяч местных жителей. В ходе проведения последующих переписей **украинцы в принудительном порядке были в основном записаны русскими**, многих даже заставили сменить фамилии на великорусские варианты.

Вы спросите: «Каким образом можно было одновременно записать сотни тысяч украинцев русскими?». Технология была простой, она описана свидетелями и участниками тех событий: в ходе проведения переписи вооруженные «переписчики», демонстративно расстегнув кобуру, задавали кубанцам простой вопрос: «Вы кто будете: петлюровцы или русские?»⁷³

Спустя почти десять лет, в 1942 г., знаменитый украинский кинорежиссер Александр Довженко, отступая в составе советских войск из Украины по маршруту Россось – Хопер – Калач, оставил нам в своих дневниках свидетельства этнической агонии той части украинского народа, которая подверглась принудительной русификации в «братской» России по самому широкому территориальному шлейфу – от Стародуба до Ставрополя.

Довженко писал: «Вот и Россось, истинно русский город, где население почему-то разговаривает по-украински. Несколько сот лет никак не успевает причаститься, ну да уже, кажется, хватит, уже все дети говорят по-русски». «Поселился у деда Ягора Швеца (под Калачом – Авт.), или Шевцова, как пишется уже этот этнографический полтавский раритет. Неграмотный, темный дед украинский с бабой... Баба чем-то напоминает мою мать. Вот такие-то «Шевцовы»».⁷⁴

Под прессом принудительной русификации украинцев, проводимой в этот период на Кубани, устояли лишь очень немногие и, в частности, всемирно известный борец великий Иван Поддубный. Этот урожденный полтавчанин, поселившийся на склоне лет в

⁷¹ І. Дзюба. Інтернаціоналізм чи русифікація? (ІД.ІР) Мюнхен, 1968, с. 230.

⁷² Я. Савка. Російщення Кубані – південно-східного бастиону України // Російщення України. К., 1992, с. 24. Цит. за М. Вівчарик. Україна: від етносу до нації. К., 2004, с. 203.

⁷³ М. Вівчарик. Україна: від етносу до нації. К., 2004, с. 159.

⁷⁴ О. Довженко. Україна в огні. Щоденник. К., 1990, с. 190, 202.

Ейске, при выдаче ему паспорта упорно отказывался записываться русским, он зачеркивал слово «русский» в графе национальности и писал «украинец», за что и угодил в застенки местного НКВД. Его судьба была решена на самом высоком уровне в Кремле, откуда поступило добро на то, чтобы он остался украинцем и был освобожден из-за решетки.

Так погибла украинская Кубань, а те потомки запорожских казаков, которые выжили в атмосфере этнического террора, сохранили многие казачьи традиции, но под антиукраинским прессом советской империи деэтнизировались. Несколько позже московские демографы описали этот процесс так: «Повышенный прирост общей численности русских частично может быть объяснен слиянием с ними отдельных групп вторых народов, в частности довольно многочисленных групп украинского населения на Кубани и Северном Кавказе».⁷⁵

Звучит более чем цинично, потому что так же цинично за семьдесят лет до того русские шовинисты писали в Петербург о «добровольной» русификации поляков после восстания 60-х гг. XIX ст. Вот отрывок из доклада Александру II от специальной комиссии «по крестьянскому делу в Царстве Польском»: «Важнейший факт по крестьянскому делу в Царстве Польском заключается в успехах русского языка в том крае. В отделе Кельцкой комиссии по крестьянским делам (около 1/13 всего царства) преподавание русского языка введено в 159 мужских и 3 женских сельских училищах. Крестьяне с заметной охотой учатся русскому языку там, где сношение правительственных лиц и учреждений с гминными (волостными) управлениями производится на русском языке... В крестьянах вообще не замечается национального предубеждения против русского языка, напротив, поступающие от разных административных властей в волостные (гминные) управления бумаги на польском языке возбуждают недоумение...» (!).⁷⁶

Господь Бог в дальнейшем помиловал Польшу, которая, несмотря на все расстояния, разделяющие ее и Россию, до сих пор содрогается при мысли, что «братские» объятия русификаторов могут вновь стиснуть ее! К сожалению, украинскую Кубань и другие украинские районы России постигла иная, страшная, участь.

⁷⁵ Народы европейской части СССР. М., 1964, т. 1, с. 22. Цит. по ІД.ІР, с. 230.

⁷⁶ И. Аксаков. О преподавании русского языка в школах Царства Польского. Полное собрание сочинений. т. 3, с. 454-456. Цит. по ІД.ІР, с. 230.

Голодомор как орудие в борьбе с «украинским национализмом»

В 1926 г. в письме Кагановичу Сталин уже высказывал «опасения», что «украинизация» может приобрести характер «борьбы против «Москвы» вообще, против русских вообще, против русской культуры и ее наивысшего достижения (!) – ленинизма».⁷⁷ После «успехов» коллективизации, во второй половине 1932 г. рапорты ГПУ из Украины, которые изучал Сталин, рисовали такую картину: город голодал, голодало село, местный компартийно-советский аппарат пребывал в растерянности или открыто фрондировал, среди рядовых членов партии нарастало недовольство действиями властей. Сталин небезосновательно предполагал, что если положение его команды в Кремле пошатнется, а в Украине будет социальный взрыв, компартийно-советское руководство УССР может воспользоваться конституционными правами и стать из красного сине-желтым⁷⁸, т.е. поднять вопрос о выходе из СССР. Беспокойство красного тирана усиливали официальные территориальные просьбы ЦК КП(б)У и активная «украинизация» в местах компактного проживания украинцев в РСФСР, которая создавала для них законную основу.

И в августе 1932 г. Сталин написал письмо Кагановичу, в котором констатировал: «Самое главное сейчас Украина. Дела на Украине из рук вон плохи», «Если не возьмемся теперь же за выправление положения на Украине, **Украину можем потерять**» (выдел. – Авт.), «...в Украинской компартии ... обретается не мало (да, не мало!) гнилых элементов, сознательных и бессознательных петлюровцев, наконец – прямых агентов Пилсудского. Как только дела станут хуже, эти элементы не замедлят открыть фронт внутри (и вне) партии, *против* партии».⁷⁹

Более широкую, но полностью адекватную сталинским высказываниям, оценку ситуации и всего того, что происходило в Украине в 1932–1933 гг., дают выступления Павла Постышева – неформального сталинского заместителя в Украине, присланного сюда Кремлем на этот период. Этот «кремлевский Альба»,⁸⁰ основной за-

⁷⁷ И. Сталин. Статті і промови про Україну. 1936, с.197-198. Цит. по ВЛ.КЩК. с.333.

⁷⁸ С. Кульчицкий. Голодомор-33: почему и как? «Зеркало недели», № 45 (6 24), 25 нояб. – 1 дек. 2006 г.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Испанский герцог Альба Альварес де Толедо Фернандо (1507–1582), назначенный королем Испании в 1567–1573 гг. правителем Нидерландов, пытался с крайней жестокостью подавить нидерландское освободительное движение и буржуазную революцию в этой стране.

дачей которого было приведение «бродящей» республики к полной покорности, выпустил в 1935 г. в Партиздате ЦК КП(б)У сборник своих речей под названием «В борьбе за ленинско-сталинскую национальную политику партии». Безусловно, что основой всех постулатов и его оценок, обнародованных в этом сборнике, явились сталинские мысли и взгляды. Читая их, можно четко понять, чего хотел Кремль в Украине в 1932–1933 гг. и какими методами он этого добивался. Естественно, что слово «голодомор» в речах Постышева не используется – оно спрятано за такими терминами, как «борьба за хлебозаготовки», «ликвидация прорыва в сельском хозяйстве Украины», «ликвидация отставания сельского хозяйства Украины». В тот период эти термины в Украине даже произвольно ассоциировались с жестокой голодной смертью нескольких миллионов украинцев.

В целом же обязательные к принятию и исполнению постулаты и оценки Постышева ясно демонстрируют тогдашнюю *абсолютно официальную позицию Кремля*: «борьба за хлебозаготовки», «ликвидация прорыва в сельском хозяйстве Украины», «ликвидация отставания сельского хозяйства Украины» (т.е. голодомор) напрямую связаны с борьбой прежде всего против украинского национализма и с коррекцией курса Москвы в решении украинского национального вопроса – с пересмотром Кремлем этно-национальной политики в Украине. В частности, Постышев, т.е. Сталин, Москва, Кремль, российская компартия, официально объявили, что:

1. К 1931–1932 гг. «вредительские, контрреволюционные элементы получили наиболее широкое поле деятельности именно на Украине»⁸¹; «партийные организации Украины оказались засоренными петлюровскими, махновскими, белогвардейскими, шпионскими и другими антисоветскими элементами»; проводилась «организация прямого саботажа хлебозаготовок петлюровскими, махновскими, белогвардейскими элементами, проникшими в партийные организации Украины»⁸².

2. «На Украине классовый враг ведет свою борьбу против социалистического строительства под националистическим флагом, под лозунгом борьбы за «освобождение» Украины»;⁸³ «именно на борьбе за хлеб мы особенно ощущаем маневры и деятельность классового врага и его агентуры (т.е. украинских националистов – Авт.)».⁸⁴

⁸¹ П. П. Постышев. В боротьбі за лєнінсько-сталінську національну політику партії. К., 1935, с. 17.

⁸² Там же, с. 21-22.

⁸³ Там же, с. 9.

⁸⁴ Там же, с. 21.

3. «Именно ошибки и промахи, допущенные КП(б)У в осуществлении национальной политики партии, были одной из главных причин прорыва 1931–1932 годов в сельском хозяйстве Украины (т. е. причин сопротивления коллективизации и невыполнения невыполненного плана хлебозаготовок – Авт.)».⁸⁵

4. «Вопросы, которые имеют (!) наиболее прямое и непосредственное отношение к причинам провала хлебозаготовок на Украине в прошлом (1932-м – Авт.) году»:

– «в культурном строительстве засело ж немало петлюровцев, махновцев, агентов иностранных контрразведок, которые ... играли руководящую роль на отдельных участках»;

– наркомат просвещения и «вся система органов просвещения Украины оказалась наиболее засоренной вредительскими, контрреволюционными, националистическими элементами», «в этих органах вредительские элементы распоясались докрая, расставив своих людей на самых ответственных руководящих участках идеологического фронта»;

– «дело украинизации в ряде случаев оказывалось в руках разной сволочи петлюровской»⁸⁶.

5. «Успехи КП(б)У в области сельского хозяйства (т. е. выполнение плана хлебозаготовок ценой гибели нескольких миллионов украинцев – Авт.) неотделимы от ее борьбы за ликвидацию прорыва в осуществлении ленинской национальной политики на Украине (т. е. развертывания тотальной борьбы против украинского национализма – Авт.)»; «без ликвидации прорыва в осуществлении национальной политики партии, без разгрома националистических элементов, которые засели на разных участках социалистического строительства на Украине, невозможно было ликвидировать отставание ее сельского хозяйства».⁸⁷

6. «Хлебозаготовки – это не просто заготовки хлеба, а это, кроме всего прочего, огромное орудие, метод перевоспитания колхозников, этих вчерашних единоличников, в настоящих тружеников социалистического хозяйства» (личная идея Сталина).⁸⁸

С завершением голодомора, в ноябре 1933 г., на объединенном пленуме ЦК и ЦКК КП(б)У Постышев объявил, что «под непосредственным руководством и по прямым указаниям ЦК ВКП(б) и лично тов. Сталина мы разгромили украинскую националистическую контрреволюцию».⁸⁹

⁸⁵ Там же, с. 37.

⁸⁶ Там же, с. 19-20.

⁸⁷ Там же, с. 37-38.

⁸⁸ Там же, с. 25.

⁸⁹ Там же, с. 65.

Все это, и особенно «пункт 2», дает полные основания утверждать, что любого украинца, который оказывал сопротивление коллективизации и непомерным хлебозаготовкам (в Украине и на Кубани) кремлевское руководство считало прежде всего украинским националистом, петлюровцем. Под это определение автоматически попадали украинские крестьяне, которые физически были неспособны выполнить планы хлебосдачи, провокационно установленные Кремлем. А вот что делать с националистами, Сталин своей позиции не скрывал: «каждый, кто стремится разрушить это единство социалистического государства, кто жаждет отделения от нее ее части и национальности, он враг, заклятый враг государства, народов Союза ССР. И мы будем уничтожать каждого такого врага, мы будем *уничтожать весь его род, его семью* (курсив – Авт.)».⁹⁰ Ненависть Сталина и его окружения к Украине была огромной! Как известно из материалов XX съезда советской компартии, «отец народов» сильно сокрушался о том, что физически не мог выслать всех украинцев в Сибирь из-за их большой численности.

В целом же логика во всех этих словах и оценках московского Зверя (или Зверей), дополненных постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О хлебозаготовках...» от 14 декабря 1932 г., более чем очевидна:

– в 1932–1933 гг. главной опасностью для Москвы был именно «украинский национализм» в Украине («украинская националистическая контрреволюция»), из-за которого Москва «могла потерять Украину»;

– причина сопротивления «хлебозаготовкам» и коллективизации, по определению Кремля, лежала не в социально-экономической или классовой плоскости, а в этно-национальной; она заключалась в «ошибках и промахах, допущенных КП(б)У в осуществлении национальной политики партии»;

– буржуазные националисты в союзных республиках подлежали тотальному и безжалостному уничтожению (вместе с семьями и родственниками) как заклятые враги единства СССР;

– в Украине классовый враг – это, прежде всего и как правило, украинский националист, и т. о. украинские крестьяне, массово не выполнявшие план по сдаче хлеба государству и тем самым активно выступавшие против «социалистического строительства» – это прежде всего украинские националисты, «петлюровцы», и они, соответственно, подлежат безжалостному уничтожению вместе с семьями (и если они будут гибнуть в процессе перевоспитания «хлебозаготовками», то – ничего страшного, ведь националисты – это заклятые враги единства СССР).

⁹⁰ В. Лизанчук. Кайдани ще кують. Л., 2004, с. 413.

Дотошный исследователь может возразить, что, мол, Сталин, Постышев и другие «светлые умы» российской компартии не причисляли публично *всех* украинских крестьян к украинским националистам, а говорили и писали прежде всего о националистах в КП(б)У, в госаппарате и вообще в целом. Но ведь надо понимать, что эти «светлые умы» просто не могли заявить это публично и прямым текстом, поскольку тогда пришлось бы признать, что Кремлем ведется борьба против большинства украинского народа, против Украины как государственного образования. А доказательства того, что Постышев-Сталин-Кремль-Москва именно таким образом оценивали украинских крестьян и принимали по отношению к ним соответствующие меры, заключаются в следующем:

1. Любой украинский крестьянин, который не выполнял нормы хлебосдачи, де-факто причислялся к противникам «социалистического строительства», т. е. к классовым врагам, а любой классовый враг в Украине в этот период априори получал клеймо украинского националиста (смотри пресловутый «пункт 2» в постулатах Постышева-Сталина-Кремля).

2. Одной из основных причин пересмотра Кремлем этно-национальной политики в Украине (и, прежде всего, провозглашения борьбы против украинского национализма как высшего приоритета) Постышев объявил то, что кулачество в Украине, *остатки* которого оказывают сопротивление действиям компартии и правительства, является «украинским по национальности преимущественно».⁹¹ Таким образом, Постышев-Сталин-Кремль-Москва четко высказались, что *одной из основных причин* изменения их этно-национальной политики в Украине (развертывания непримиримой борьбы против украинского национализма) является просто украинская этническая принадлежность определенного слоя населения. Кто-то может удивиться: может ли сопротивление *остатков* кулачества, даже «украинского по национальности преимущественно», быть одной из *основных причин* пересмотра этно-национальной политики? Безусловно, может, если под сопротивлением *остатков* украинского кулачества подразумевать сопротивление украинского крестьянства как такового. А именно это Постышев-Сталин-Кремль-Москва и подразумевали.

Это был старый и верный идейно-практический трюк Кремля: обвиняя меньшинство неугодных, объявить против этого меньшинства войну и под этим предлогом расправиться с большинством неугодных. Например, по окончании Второй мировой войны, после очередного пересмотра этно-национальных приоритетов, такой же

⁹¹ П. П. Постышев. В боротьбі за ленінсько-сталінську національну політику партії. К., 1935, с. 69.

самый трюк был применен Кремлем по отношению к кучке евреев «космополитов», что в итоге вылилось в политику ограничений ко всему советскому еврейству. В начале же 30-х гг. Кремль явно навешивал на украинского кулака (даже на его *остатки*) «всех собак», которых не мог себе позволить публично навешать на все украинское крестьянство. Как пример, приведу еще один пассаж Постышева из этих же речей (об особенностях классовой борьбы в Украине): «украинский кулак прошел большую школу борьбы против Советской власти, ибо тут, на Украине, гражданская война была особенно упорной, ибо тут политический бандитизм орудовал особенно долго».⁹² Действительно, украинские антибольшевистские повстанцы (которых Постышев называет «политическим бандитизмом») действовали против кремлевских сил достаточно долго и активно, но это было сопротивление не кулака, а украинского крестьянства как такового. И Постышев-Сталин-Кремль-Москва это прекрасно знали. И если бы это было не так, то в тот период большевикам в Украине не пришлось бы выжигать целые села, брать массово крестьян в заложники и устраивать публичные казни и публичные пытки.

3. У Вас, уважаемый читатель, не должно быть сомнений, что «на местах» и «в нижних звеньях» волю Кремля понимали именно так, как этого хотели Сталин, Каганович, Молотов, Постышев и К°. Яркий пример – расправа со станицей Полтавской на Кубани, которая была в то время вторым по значению после Краснодарского украинским культурным центром на Кубани (там работал Всероссийский украинский педтехникум, действовал крепкий литературный кружок, издавалась украинская газета). Всех 30 тыс. жителей станицы, невзирая на пол и возраст, с минимумом пожитков экстренно депортировали в Сибирь, а на их место привезли «колхозников-красноармейцев» из России. Так вот эту акцию Краснодарская областная газета сопроводила следующим комментарием: «Украинское националистически-петлюровское гнездо на Кубани ликвидировано».⁹³ И если уж кубанские казаки с полпинка получали клеймо «петлюровцев», то что же тогда было говорить об украинских крестьянах, которые еще 15 лет назад активно и с оружием в руках поддерживали Симона Петлюру и Нестора Махно?

Кстати, одновременно со станицей Полтавской с Кубани были полностью депортированы жители еще полутора десятков станиц.⁹⁴ По сравнительной оценке, было депортировано от 100 до 200 тыс.

⁹² Там же, с. 9.

⁹³ І. В. Коляска. Освіта в Радянській Україні. Торонто, 1970, с.17. Цит. по ВЛ.КЩК. с. 369-370.

⁹⁴ Третьи кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2001, с. 256.

кубанских украинцев, и т. о. наш народ стал первым в СССР, кто подвергся массовым депортациям по национальному признаку.

Если чисто официально, то кампания 1932–1933 гг. против «украинской националистической контрреволюции» прежде всего включала в себя изгнание «петлюровских элементов» (т. е. национально сознательных украинцев) из компартии Украины, украинского комсомола и госаппарата. И таких, например, из КП(б)У было изгнано в количестве почти половины численности при том, что в этот период украинцы в украинской компартии все еще были в относительном численном меньшинстве. То есть фактически Москва просто очистила КП(б)У от украинцев. Особенно жестокие меры применялись к тем, кто, будучи мобилизованным в новые продотряды, не желал забирать последнее продовольствие у украинских крестьян и проявлял мягкосердечие. Также была проведена зачистка украинской интеллигенции. В итоге, количество лиц, арестованных в Украине органами государственной безопасности, составило 74 849 в 1932 г. и 124 463 – в 1933-м.

Но, как мы видим, успешный «разгром украинской националистической контрреволюции» реально означал не только очистку КП(б)У, ЛКСМУ и госаппарата Украины и Кубани от «петлюровских элементов» (т.е. национально сознательных украинцев), но и успешное перевоспитание «националистически настроенных» украинцев методом «борьбы за хлебозаготовки» (т. е. голодомора). И Кремль, сразу же по завершению голодомора, громкогласно объявил это устами своего верного «Альбы» (цитирую еще раз): «Успехи КП(б)У в области сельского хозяйства неотделимы от ее борьбы за ликвидацию прорыва в осуществлении ленинской национальной политики на Украине». В переводе на общечеловеческий язык это означало: выполнение плана хлебозаготовок в 1932–1933 гг. ценою гибели нескольких миллионов украинцев неотделимо от развертывания непримиримой борьбы против украинского национализма. То есть постулаты Постышева-Сталина-Кремля убедительно показывают, что на самом деле наиболее мощной частью кампании против «украинской националистической контрреволюции», объявленной Кремлем в 1932–1933 гг., был именно голодомор.⁹⁵ И какие же слова из уст московского Зверя еще нужны для признания украинского голодомора геноцидом? Неужели, кто-то всерьез может думать, что Сталин-Постышев-Кремль-Москва оставили бы потомкам документ

⁹⁵ Отмечу, что слово «неотделимы» в выступлении П. Постышева не означает признания им самим того, что голодомор был составной частью борьбы против украинского национализма. По контексту, Постышев лишь утверждает, что голодомор был успешно организован именно *благодаря* успешной борьбе против украинского национализма.

под названием «План геноцида украинцев СССР на 1932–1933 гг.» и в случае своей смерти просили бы передать его в Международный суд?

Подчеркну, что само такое определение, как «разгром украинской националистической контрреволюции», является чистой воды *большевистской терминологией, относящейся к категории гражданской войны, боевых действий*, в которых красная Москва привыкла, как говорится, «людей не жалеть и пленных не брать». Таким образом, на территории Центральной, Восточной и Южной Украины голодомор 1932–1933 гг. стал продолжением того, что в Советском Союзе было принято называть «гражданской войной 1918–1920 гг.» (позднее на Западной Украине ее продолжением явились затяжные боевые действия против Украинской повстанческой армии, массовые репрессии и депортации в отношении сочувствующих УПА).

Однако вернемся к языковым проблемам в контексте организации Кремлем голодомора. Чтобы не на словах, а на деле утвердить официальную коррекцию курса Москвы в решении украинского национального вопроса и утвердить пересмотр Кремлем этнонациональной политики в Украине, одновременно с репрессиями, с изъятием хлеба и всех продуктов питания у украинских крестьян в этот период были также приняты следующие меры по возобновлению политики русификации украинцев:

– полностью запрещено использование украинского языка в учебных заведениях, государственных учреждениях и средствах массовой информации в местах компактного проживания украинцев во всех республиках СССР за пределами территории Украины (согласно телеграммы Сталина и Молотова ЦК республиканских компартий, крайкомам и обкомам, председателям СНК, край- и облисполкомов от 15 декабря 1932 г.);⁹⁶

– сокращено количество украинских школ в Украине – с 17 573 до 17 303 – и, соответственно, увеличено количество русских школ – с 974 до 1172 ⁹⁷ (к 1937–1938 гг. количество русских школ было увеличено еще почти в 1,5 раза – до 1501 – при 494 смешанных школах и незначительном росте числа украинских – до 18 101⁹⁸, а к 1941 р. количество русских школ увеличена уже до 2362);⁹⁹

– уменьшен почти в 2 раза выпуск книг на украинском языке;¹⁰⁰

⁹⁶ Ю. Шаповал. Сталінізм і Україна. «Український історичний журнал», 1991, №8, с.33. Цит. по ВЛ.КЩК. с. 369.

⁹⁷ С. Сірополко. Народня освіта на Советській Україні, с. 222. Цит. по ВЛ.КЩК. с. 375.

⁹⁸ Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. К., 1997, т. 2, с. 254.

⁹⁹ М. Вівчарик. Україна: від етносу до нації. К., 2004, с. 207.

¹⁰⁰ Енциклопедія українознавства. Мюнхен, Нью-Йорк, 1949, т. 1, с. 997. Цит. по ВЛ.КЩК. с. 421.

– введено механическое приближение норм украинского правописания к нормам русского.¹⁰¹

И уже в октябре 1934 г. «кремлевский Альба», выступая на объединенном пленуме киевских обкома КП(б)У и облисполкома, констатирует «ослабление работы по украинизации», отход в вузах от преподавания на украинском языке, сопротивление проведению политики «украинизации».¹⁰² Он лицемерно призывает «усилить повседневное внимание к вопросам украинизации», а также по-отечески журит великорусских шовинистов (мол, «русотяпы») и всю поносит украинских «буржуазных» националистов. И все в Украине прекрасно понимают, что великорусским шовинистам Кремль предлагает отеческое «ну-ну» пальчиком из дальнего далека, а украинским «буржуазным» националистам – весь набор воспитательного воздействия – от увольнений с работы до тюрем, расстрелов и голодной смерти.

Централизация и русификация «от отца народов»

Сталин, в первую очередь устами того же Постышева, радикально изменил официальные партийные оценки в отношении русского шовинизма и т. н. «украинского национализма». С этого момента и до конца правления КПСС в отношении Украины никогда больше не повторялись предыдущие партийные резолюции, которые констатировали, что «главное препятствие для решения национального вопроса и устранения национального неравенства в СССР состоит в пережитках русского шовинизма». Чтобы исключить любые риски, связанные с существованием государственности Украины, Сталин покончил с поддержкой курса на «украинизацию» для украинцев – и сделал ставку на своего естественного союзника в деле централизации – на русский шовинизм, который в новых условиях, даже по оценке партийных документов предшествующего десятилетия, работал в основном под маской «интернационализма». После создания этого неформального тандема рассуждать о русском шовинизме (а также о непропорционально широком распространении русского языка в Украине) стало делом антипартийным и украинско-националистическим.

Цели и желания Сталина и русских шовинистов в Украине практически полностью совпадали – это максимальная централи-

¹⁰¹ В. Лизанчук. Кайдани ще кують. Л., 2004, с. 375-376.

¹⁰² П. П. Постышев. В боротьбі за ленінсько-сталінську національну політику партії. К., 1935, с.104.

зация всех областей жизни при условии, что центром всегда была, есть и будет Москва. Продолжение русификации украинцев было для них абсолютно необходимым, так как она стала важнейшим и неотъемлемым направлением централизации.

От российской самодержавной практики новая «советская» русификация отличалась тем, что существование украинского народа и украинского языка *на территории Украины* никто впрямую не отрицал. Здесь это было бы просто абсурдно, хотя на территории России русификаторы без обиняков переписали украинцев в русские, а многим даже и фамилии изменили – ведь, в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О хлебозаготовках...» от 14 декабря 1932 г., наличие украиноязычных школ и СМИ на территории России прямо было объявлено делом «небольшевистским».

В самой Украине русификаторы добились, чтобы украинский язык и фактически, и формально был вновь поставлен в неравное положение с русским языком. При этом **украинский язык и культура были фактически классифицированы как второсортные и, что самое страшное, как бесперспективные**. Так, в 1938 г. на XIV съезде КП(б)У Никита Хрущев, выражая волю и позицию Кремля, объявил украинским коммунистам и республиканской администрации, что «влияние русского языка» является не чем иным, как «влиянием большевизма, влиянием учения Ленина-Сталина на умы украинского народа, украинских рабочих». Любые проявления нелояльного отношения к русскому языку им фактически были заклеены как «вредительство», «буржуазный национализм» и т.п.¹⁰³ И в этих условиях любой, кто попытался бы что-то возражать против нарастающей в Украине русификации и против методичного вытеснения украинского языка русским из всех сфер жизни, сразу же получал клеймо «вредителя» и «националиста».

Вы можете сказать: «Ну то ж когда было!». И будете, к сожалению, неправы. Проблема в том, что Сталин, Постышев, Хрущев и иже с ними сформировали в советском обществе стереотип пренебрежительно-презрительного отношения к украинскому языку как к языку второго сорта и стереотип соответствующего поведения. Потом Сталин, Постышев, Хрущев и иже с ними «ушли», но эти гнусные стереотипы, сформированные ими, остались и благополучно живут в части нашего общества и до сих пор. Они стали глубинными, ведь в отличие от экономических стереотипов того времени, их выявлением никто не занимался.

¹⁰³ Комуністична партія України в резолюціях і рішеннях з'їздів, конференцій і пленумів. К., 1976, т.1, с. 207-208. Цит. по: М. Вівчарик. Україна: від етносу до нації. К., 2004, с. 207-208.

Методы реализации кремлевской политики, зачастую даже в деталях, были теми же, что и при бывшей российской самодержавной империи: русификация национальной элиты, поощрение шовинистических сил и настроений (под лозунгом «интернационализма», который сменил лозунг «общерусскости»), усиленная антиукраинская миграционная политика, усиленное продвижение русского языка и русской культуры на замену украинским, русификация лексической системы украинского литературного языка (прекращение, или «приостановка», работ по созданию украинских словарей, введение практики «калькирования» слов для украинского языка из русского¹⁰⁴).

Как можно более жесткая централизация всех сфер жизни в СССР рассматривалась Сталиным как неотъемлемая часть его режима личной власти. Даже жалкий политический суверенитет советских республик и всякие мысли о культурной и языковой «окремішності» националов, которые могли бы повлечь мечты о чем-либо большем, для Сталина были несовместимы с правом на физическое существование для тех, кто являлся их источником. Тем более, если речь шла об Украине, которая в силу своих размеров и потенциала могла чисто гипотетически представлять угрозу для безмерной личной власти красного тирана.

Поэтому в отличие от своих предшественников Сталин и его подручные в борьбе с украинцами исключительно широко применяли репрессивные средства, а именно: *физическое уничтожение национальной элиты* под предлогом борьбы с «украинским буржуазным национализмом», приведение широких масс к покорности методом создания искусственного голода, *принудительная деэтизация* широких масс украинцев в ряде регионов бывшего СССР, принудительные массовые депортации украинского населения, ограничения на поселение ранее репрессированных украинцев на территории Украины и др.

В 30-х гг. эти процессы вылились в феномен, названный впоследствии «расстрелянным возрождением». Он знаменовал собой массовые преследования и репрессии, которые постигли украинский народ в сталинские времена, когда просто «под корень» **уничтожались те слои населения, которые в будущем могли стать опасными для единства советской империи.** Физическому истреблению подвергались в первую очередь деятели литературы и искусства, создававшие украинскую культуру, способную конкурировать с русской в русифицированных городах, а также национальные партийные кадры, способные сформировать противостоящий центру слой на-

¹⁰⁴ В. Лизанчук. Кайдани ще кують. Л., 2004, с. 411-412.

циональной бюрократии. Например, в результате репрессий из 300 украинских писателей в живых осталось только 36.¹⁰⁵

Для лучшего контроля над уцелевшими украинскими творческими деятелями их объединили в ряд творческих союзов, наиболее заметным из которых стал союз писателей. Чтобы нивелировать украинскую культуру до местечкового масштаба, уцелевших творческих деятелей взяли под такую плотную опеку, когда *любое творческое новаторство, на которое в самой Москве и в России смотрели сквозь пальцы, в Украине рассматривалось как преступление.* Эта традиция распространилась на все сферы общественной жизни и в последующие годы отразилась в метком афоризме: «Когда в Москве грызут ногти, в Киеве – рубят пальцы».

Чтобы упредить создание в дальнейшем дееспособного костяка национальной бюрократии, на всех ключевых постах Москва, как и раньше, предусмотрительно расставляла выходцев из России. Практически все первые руководители республики долгое время были неукраинцами. Пока «отец народов» был жив, украинская советская бюрократия ни в какой степени не могла влиять на ход общественных процессов в Украине. При малейшей нелояльности центру ослушников отправляли в ГУЛАГ или ставили «к стенке».

Когда-то, на X съезде РКП(б), Сталин мог себе позволить такие пассажи в выступлениях с партийной трибуны: «Ясно, что если в городах Украины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы. Лет сорок тому назад Рига представляла собой немецкий город, но так как города растут за счет деревень, а деревня является хранительницей национального, то теперь Рига – чисто латышский огород. Лет пятьдесят тому назад все города Венгрии имели немецкий характер, теперь они мадьяризированы. Это же можно сказать о тех городах Украины, которые носят русский характер и которые будут украинизированы, потому что города растут за счет деревни. Деревня – это хранительница украинского языка, и он войдет во все украинские города как господствующий элемент».¹⁰⁶

В 1932–1933 гг. этот политический садист непомерными хлебозаготовками распял «хранительницу украинского языка», физически истребив искусственным голодом и массовыми репрессиями, как минимум, десятую часть украинцев. Он изуродовал украинскую душу, искалечив вечным страхом перед системой сознание миллионов украинских крестьян, которые должны бы были «украинизировать города своей Родины. **Именно голодомор и массовые репрес-**

¹⁰⁵ Олександр Палій. Чому вбивали Україну. «Українська правда», 25 лист. 2005 р.

¹⁰⁶ X съезд РКП(б)... с. 213. Цит. по ИД.ІР, с. 172.

сии, а не этнографические отличия на долгий период разделили Украину на два зования, два менталитета.

Ибо ничем иным невозможно объяснить появившуюся после этого и сохранявшуюся почти 70 лет разницу в уровне национального самосознания Волыни, с одной стороны, и, например, Житомирщины и Винниччины, с другой. Ведь до захвата Волыни поляками в 1920 г. эти земли были практически одинаковы с т.з. состава населения и истории края. Это были православные края, два века прожившие в коронных землях Речи Посполитой и полтора века в Российской империи, поддерживавшие УНР и *разделившиеся менее, чем на два десятка лет (!)*. Но после воссоединения в составе Советской Украины они явили такое разительное взаимное отличие, что невозможно было поверить, что тысячу лет они представляли собой одну этно-культурную территорию.

Это не Волынь стала похожа на Галичину, это бесчеловечные твари – сталинские изуверы-шовинисты – за два десятка лет голодом и репрессиями так исковеркали этническую суть, национальное и человеческое достоинство нашего народа, что он на какое-то время разделился в себе. Именно после голодомора миллионы советских украинцев несколько десятилетий подряд жили только с одной мыслью, передававшейся из поколения в поколение: «Лишь бы не было голода!».

Семью моего отца, которая жила в одном из хлебных сел Херсонской области, голодомор застал, когда тому было только шесть лет. Дед в это время находился на агрокурсах в Херсоне, и это спасло наш род. В разгар голодных смертей и массового вымирания дед вернулся домой и застал там опухшую от голода жену (мою бабушку) и своих детей, которых медленно покидали последние жизненные силы. Дед первым делом бросился на горящие и взял валяющуюся там коровью шкуру, которую большевистские «заготовители» чудом не реквизируют. Он тщательно осмолил шкуру на огне, нарезал узкими полосками и, вываривая из нее студень, отпаивал жену с детьми до тех пор, пока не стало ясно, что они спасены.

Мой восьмидесятилетний отец, мужественный человек, до сих пор рыдает, вспоминая, как шестилетним пацаном, обезумев от голода, в каком-то погребе он ел сырую капусту и запивал ее кисляком. Как после этого его свалили желудочные колики и опухло все тело. Долгое время отец был уверен, что голод организовали троцкисты и что Сталин – «горный орел» нашей партии. Отец был воспитан системой на советском «интернационализме», воевал с немцами, был тяжело ранен и награжден, какой-то период был членом КПСС. Он стал новой генерацией уже «советских» украинцев, женился на русской (моей маме), в семье и на работе использовал

русский язык. В нем, как и во всем его поколении, противоречиво сочетается любовь к Украине и ностальгия по Союзу, тоска по материнской мове и «теоретическое» осуждение «национализма», дать рациональное определение которому ему достаточно сложно.

В 1932–1933 гг., ликвидируя «украинизацию», Сталин и его подручные на долгое время поставили жирный крест на перспективе «украинизации» городов Украины, несмотря на то, что в конце тридцатых годов украинцы составляли уже 58% от общего городского населения своей республики. Это было достигнуто за счет поощрения русификаторских процессов и шовинистических настроений в русско-еврейской мещанской прослойке, которая доминировала в управлении и руководстве предприятий и учреждений, а также за счет деморализации прибывавших в города украинцев, которых ментально ставили на место, если употребление ими родного языка не устраивало окружающих. Русские шовинисты в Украине стали частью этой новой, советской системы русификации, которая глумилась над «братским» народом во имя дальнейшего «сближения и слияния социалистических наций».

В 1940 г. мой отец успешно закончил школу в своем родном селе, где тогда все говорили на прекрасном, мало отличающемся от литературного украинском языке. Он приехал в Херсон для поступления в ремесленное училище, что по тем временам считалось «достаточно круто». Когда он пришел сдавать экзамен по математике, естественно, на родном украинском языке, русские интеллигенты едва не отправили его восвояси за использование «не того» языка, но все же снизошли и выслушали его «доведення теорема». В ремесленное училище отца приняли, но вежливо предупредили: «Этот язык (украинский – Авт.) можете забыть. Он вам больше не понадобится». Не думаю, что эти «славянские братья» были заядлыми сталинистами, но то, что они были отъявленными русскими шовинистами, это факт, и такие господствовали в Украине на тот момент.

Этническая чистка, как она и есть

Могут закричать: «Да что вы такое говорите?! Да многострадальный русский народ сам больше всех пострадал от голода и от репрессий! Это же всем хорошо известно!» Эта ложь стала постперестроечной услугой для великорусских ушей. Ведь «всем известно», что нет в мире более «многострадального» народа, на который все «постоянно нападали» и «хотели покорить и закабалить»!

Ну, что ж тогда пришел момент истины! Давайте посмотрим на голые факты во всей красе, которые нам дают переписи населения.

За период с 1897 по 1959 гг. численность русских на территории СССР возросла в два раза!¹⁰⁷ И это несмотря на Первую мировую, Гражданскую и Великую Отечественную войны, несмотря на репрессии и т. п.! А что же произошло за этот период с украинцами? А вот что:

	Русские		Украинцы		Общее количество населения в границах СССР
	Кол-во	Рост	Кол-во	Рост	
1913 год	72 млн		33 млн ¹		159 млн
1959 год	114 млн	58%	37 млн	11%	209 млн

Для населения Украины, которое до 1914 года не превышало 40 млн человек в современных границах, потери от репрессий и войн были действительно катастрофическими. Только в 1959 году перепись населения показала, что в Украине насчитывается 41,9 млн граждан, то есть в конце концов был превышен уровень численности, что существовал до Первой мировой войны.

А темпы прироста численности русских были в пять раз больше! Я подчеркну: не темпы рождаемости, которая была примерно одинаковой у украинцев и русских, а именно темпы прироста численности! И даже если принять как аксиому, что русские очень сильно пострадали от сталинских репрессий и войн, то **упрямые цифры говорят о том, что украинцев истребляли в пять раз интенсивнее:** физически (голодом и репрессиями), а также этнически – принудительным записыванием в русские на территории России. Основной причиной того, почему нас, украинцев, так уничтожали, была этническая принадлежность к своей нации – к украинскому народу. То есть **украинцев уничтожали по национальному признаку.** Это был и геноцид, и этноцид. И никто, даже самый слюнобрызгий «поборник» т. н. идеи «дружбы народов СССР», не сможет этого отрицать, имея эту сравнительную таблицу прироста численности русских и украинцев с 1913 по 1959 г.!

Всего лишь за 45 (!) лет соотношение численности русских и украинцев изменилось кардинально (в 1,5 раза!) – оно было доведено от «2 русских на 1 украинца» до «3 русских на 1 украинца». Так кого же уничтожали в СРСР в первую очередь? И могло ли это происходить «случайно» – не по национальному признаку?

При этом за период с 1897 г. по 1959 г. удельный вес украинцев среди других восточнославянских народов снизился очень заметно с 29,90% до 20,63%, а удельный вес украинцев, которые признают родным языком украинский, снизился на 6,01%.¹⁰⁸

¹⁰⁷ Народы европейской части СССР. М., 1964, т. 1, с. 22. Цит. по ИД.ИР, с. 230.

¹⁰⁸ В. Кабузан, Г. Махнова Численность и удельный вес украинского населения на территории СССР в 1795–1959 гг. ч. I, с. 34–35. Цит. по ИД.ИР, с. 231.

Но для тех, кто, даже имея перед глазами эти убедительные цифры, снова будет упорно петь свои «мантры» с отрицанием факта геноцида украинцев в 30-е гг. в СССР, я предложу простую и вместе с тем красноречивую статистику всесоюзных переписей населения 1926, 1937 и 1939 гг. Как справедливо отмечает профессор Станислав Кульчицкий, они создают надежный фундамент для показа аномального уровня смертности населения Украины, которая была результатом голодомора. Если сопоставить результаты переписей 1926 и 1939 гг., то четко видно, что:

- в СССР в целом за этот период был рост численности населения с 147 до 170,6 млн чел. (то есть увеличение на 16%);
- в советской Украине население уменьшилось с 31,2 до 28,1 млн чел. (то есть уменьшение на 9,9%).

И если бы в Украине население росло общесоюзным темпом, его численность равнялась бы в 1939 г. 36,2 млн чел. Разница между реальной и расчетной цифрой составляет 8,1 млн чел.¹⁰⁹ Я хочу еще раз спросить: так кого же уничтожали в СРСР в первую очередь? И могло ли это происходить «случайно» – не по национальному признаку?

Некоторые исследователи, признавая сам факт голодомора, тем не менее отрицают, что он был геноцидом именно украинцев. При этом они ссылаются на тот факт, что во время голодомора в Украине и на Кубани гибли также и представители других национальностей. Такая точка зрения была бы справедливой, если бы голодомор был организован Кремлем на всей территории СССР одновременно и смертность была бы одинаковой среди всех народов красной империи. Но, напомним, территориальные рамки «борьбы за хлебозаготовки» практически точно совпали с границами основной массы этнического расселения украинцев европейской части СССР. И в масштабах СССР именно украинцы, как четко свидетельствует перепись 1937 г., стали ее основной жертвой. Что касается представителей других национальностей, то их гибель в Украине в этот период не оказала сколько-нибудь заметного влияния на общую численность этих национальностей в масштабах всего Союза. Для Сталина они были лишь «щепками», которые он без колебаний бросил на алтарь красного отечества, перед этим вдоволь нарубивши так необходимого ему украинского «леса».¹¹⁰

Интересно, что те, кто руководил проведением переписи 1937 г., были репрессированы, потому что не смогли объяснить ужасного недорака населения в Украине. Перепись провели повторно в 1939 г.,

¹⁰⁹ С. Кульчицкий. Голодомор 1932–1933 рр. як геноцид: прогалини у доказовій базі. «День», №35, 27 лют. 2007 р.

¹¹⁰ Единственным народом, который в 30-е годы в СССР понес сопоставимые потери численности, были казахи. Но их тема требует отдельного исследования.

но ее результаты, кроме итоговых цифр, не публиковались. Эта демографическая статистика была закрытой еще с начала 30-х гг. и не открывалась для исследователей до последних месяцев 1989 г.¹¹¹

Заметим также, что в 30-е гг. Москва активизировала колониальную миграционную политику, ранее проводившуюся империей. Едва лишь трупы умерших голодной смертью украинцев были убраны с улиц и зарыты в землю, как началось организованное Москвой перемещение русских крестьян в Украину. Вот как сообщают об этом документы Всесоюзного переселенческого комитета, которые шли тогда под грифом «Секретно» в оперсводке № 38 о переселении в Украину: «На 28 декабря 1933 г. отправлено 329 эшелонов, 21856 хозяйств, 117149 членов семей... План перевозок колхозников на Украину окончен и выполнен на 104,7%».¹¹²

Может, и в этом факте кто-то начнет искать «случайность» или «совпадение обстоятельств», но имеющаяся информация о ситуации с голодомором 1921–1923 гг. в Украине демонстрирует четкую тенденцию в поведении московского имперского центра. Тогда весь мир знал о голоде в Поволжье: об этом писали все газеты в России и за ее пределами. Что же касается голода в Украине, то об этом советская власть писать запрещала, вопрос ставился так: в Поволжье – голод, а в Украине будто бы – просто недород. И в то время, когда в южных украинских губерниях от голода вымерло 1,5 млн украинцев, из Украины в Россию шли эшелоны с продовольствием, а из России в Украину направлялись поезда с переселенцами – их общая численность в 1921–1922 гг. составила 440 тыс. чел.¹¹³ И это при том, что еще 10–15 лет назад, при Столыпине, переселение избыточного крестьянского населения из Украины обеспечило заселение и освоение российского Приамурья, Владивостокского региона и ряда районов Сибири.

В дальнейшем, как только Украина начала приходить в себя после голодомора 1932-1933 гг. и понемногу восстанавливать свой людской потенциал, всесоюзные переселенческие органы тут же начали «высасывать» сотни тысяч украинцев из нашей истерзанной республики и направлять их на переселение в основном в Россию, где они и их дети были обречены на русификацию в условиях запрета на украинскую школу, печать и национально-культурную жизнь.

Так, в уже в 1940 г. по требованию Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б), оформленному соответствующим постановлением, к пересе-

¹¹¹ Там же.

¹¹² ЦГАНХ СССР. – Ф. 3675, оп. 1, д. 33, л. 56. В. Лизанчук. Не лукавити словом Л., 2003. с. 56.

¹¹³ Ф. Турченко, Г. Турченко, О. Игнатуша, С. Терно. Історія України ХХ століття. Державна атестація: у запитаннях і відповідях. Запоріжжя, 2006.

лению с территории Украины в Россию и Казахстан было назначено 31 600 украинских крестьянских хозяйств¹¹⁴ (исходя из предыдущих сводок численность переселяемых украинцев можно оценить в 170 тыс. чел.). После крайне опустошительной войны и голодомора 1947 г., когда от голода вновь погибло несколько сот тысяч украинцев, только за четыре года, с 1949 по 1953 гг., в другие республики СССР было переселено почти полмиллиона украинцев – 420 799 чел.¹¹⁵ И это были переселенцы только по линии таких вполне гражданских органов, как, например, Главное переселенческое управление при Совмине СССР, которое действовало в 1942–1953 гг. А ведь следует помнить, что количество украинцев, депортированных и высланных в этот период из Украины органами ГПУ-НКВД-МГБ (члены семей кулаков, члены семей воинов УПА и т. п.), также исчислялось многими (!) сотнями тысяч человек.

Никакой объективной необходимости в подобных переселениях не было. Ведь, напомним, что численность населения Украины в составе СССР до самого 1959 г. была меньше, чем она была до Первой мировой войны. То есть это было самое натуральное выдавливание украинцев со своей Родины, которое методично осуществлялось Кремлем после голодомора.

В это же время сотни тысяч русских параллельно переселялись из России в Украину, где кремлевской администрацией для них и для русского языка во всех сферах жизни были созданы самые благоприятные условия. Именно так Кремль решал задачу расширения территории расселения русского этноса и зоны функционирования русского языка (с целью усиления однородности населения и т. о. укрепления территориальной целостности империи). Екатерина II, первый видный теоретик и практик русификации, называла подобные процессы таким термином, как «водворение русских».¹¹⁶

Уважаемый читатель! В наше время законы подготовки и передачи информации (сообщений), т. е. законы коммуникаций, изучены и описаны достаточно хорошо и точно. Все специалисты, которые профессионально работают в этой сфере, прекрасно знают, что основной способ передачи информации (сообщений) между людьми – невербальный. Т. е. основная часть информации передается нами друг другу в личном общении не словами, а интонацией, жестами и т. д. В сфере массовой коммуникации, в сфере передачи сообщений массовому сознанию целого народа, невербальные формы (реальные, сопутствующие словам действия) в определенных условиях

¹¹⁴ Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. К., 1997, т. 2, с. 287-288.

¹¹⁵ М. Вівчарик. Україна: від етносу до нації. К., 2004, с. 163.

¹¹⁶ І. Дзюба. Інтернаціоналізм чи русифікація? (ІД.ІР) Мюнхен, 1968, с. 111.

также могут играть основную роль. Именно так это и было в период голодомора 1932–1933 гг. в Украине. Ведь когда у людей многократно забирали последние крохи хлеба, когда кордоны НКВД не выпускали обезумевших от голода крестьян из Украины и Кубани в «хлебные» места, когда из хат вывозили все, что могло быть съедено голодающими, люди, естественно, задавали себе вопрос: «За что все это?». Однако на него Москва в лице своих наместников не давала прямого вербального ответа. В то же время реальным ответом украинцам со стороны Москвы были ее реальные сопутствующие действия, точно вписанные во временные рамки «великого голода»: пересмотр Москвой этнонациональной политики в Украине, т.н. «разгром украинской националистической контрреволюции», свертывание «украинизации», запрет украинского языка в России и других республиках, принудительное записывание украинцев русскими в России (осуществлено совсем немногим позже), сокращение украинских школ, уменьшение тиража украинских книг, русификация украинского правописания, завоз русских «колхозников» и «колхозников-красноармейцев» на смену умершим от голодомора или депортированным украинцам и т. д.

Так вот, законы подготовки и передачи информации (сообщений), т. е. законы коммуникаций, однозначно говорят нам, что эти реальные действия и являются ответом на вопрос «За что все это (голодомор)?». То есть, убивали наш народ голодом за то, что он другой, за то, что он говорил на другом языке, за то, что принадлежащие к нему люди называли себя и были украинцами.

Все вышеописанное можно назвать только геноцидом и этноцидом по отношению к украинскому народу. Но что самое гнусное – эту изуверскую этническую чистку, которая осуществлялась под московские камлания о «братстве народов», советские идеологи того времени цинично окрестили «периодом небывалого расцвета украинской нации»!

Камо грядеши, украинский народ советской империи?¹¹⁷

Не случайно, говоря о том, как советская идеология оценивала жизненные перспективы украинского языка, мы подчеркиваем, что украинский язык был фактически классифицирован московскими идеологами как второстепенный, второсортный и, самое главное, как бесперспективный.

¹¹⁷ Частично по І. Дзюба. Інтернаціоналізм чи русифікація? (ІД.ІР) Мюнхен, 1968.

Советская марксистско-ленинская доктрина предписывала «солов'їній мові» исчезнуть в будущем, уступив место русскому – «наиболее распространенному из национальных языков СССР», который «стал вторым родным языком для всех народов СССР». Именно так оценивались перспективы украинского языка в свете принятого московскими идеологами учения о «сближении и слиянии наций в ходе строительства коммунизма». Каждый человек в СССР был обязан верить в «неизбежную победу коммунизма», и, таким образом, он, соответственно, был обязан верить и в неизбежное «сближение и слияние наций».

Классическим образцом этой теоретической базы советской русификации явился тезис доклада Никиты Хрущева на XXII съезде КПСС, где он подчеркивал растущее стремление «нерусских народов к овладению русским языком, который стал фактически вторым родным языком для народов СССР... Это ведет к взаимообогащению культур народов СССР, к укреплению их интернациональной основы, к формированию будущей единой общечеловеческой культуры коммунистического общества. В нашей стране идет процесс сближения наций, усиливается их социальная однородность. В ходе развернутого строительства коммунизма будет достигнуто полное единство наций... Встречаются, конечно, и такие люди, которые сетуют о том, что стираются национальные различия. Мы им отвечаем: коммунисты не будут консервировать и увековечивать национальные различия. Надо со всей большевистской непримиримостью искоренять даже малейшие проявления националистических пережитков».¹¹⁸

На практике «сближение и слияние» означало поглощение русскими всех других народов СССР. Могут спросить: «Ну, почему же вы опять о русификации и о «поглощении»?!» Ведь вам же было сказано: «сли-я-ни-е!» Мои дорогие «славянские братья», никаким слиянием здесь и не пахло, потому что в СССР и в теории, и в жизни понятие «наднациональное» (или же, если хотите, «интернациональное») было тождественным понятию «русское». И, таким образом, для любого украинца переход к «наднациональному» («интернациональному») означал отказ от своего «украинского» и выбор в пользу «русского». А вот для каждого отдельного русского никаких отказов и выборов не надо было делать: «наднациональное» («интернациональное») как было для них своим, «русским», так таковым и оставалось. Но украинцы, как и другие народы СССР, должны были «сквозь зубы» свыкнуться с мыслью о будущем «сли-

¹¹⁸ XXII з'їзд Комуністичної партії Радянського Союзу. 17-31 жовт. 1961 р. К., 1962, ч. 1, с. 205-206. Цит. по М. Вівчарик. Україна: від етносу до нації. К., 2004, с. 213-214.

янии», об утрате своего языка и этнической самоидентификации. И они свыкались потихоньку, в обстановке, когда со всех сторон все было намертво «схвачено» системой.

Советская историческая наука, в свою очередь, активно способствовала выработке у украинцев комплекса национальной неполноценности, закрепляя за украинской национальной культурой статус провинциальной, второстепенной и неспособной развиваться вне «позитивного воздействия» русской культуры. Этому служили утаивание от широкой общественности реального соотношения уровней культурного развития Украины и России на момент подписания Переяславского договора, лживое приписывание России цивилизаторской (!) роли в отношении украинского народа. Венцом этой издевательской лжи было сооружение одного из памятников в честь 300-летия «воссоединения»: сытая, вся из себя «продвинутая» и уверенная в себе женщина-Россия куда-то ведет приторможенную, смурную женщину-Украину и показывает ей дальние дали, при этом женщина-Украина, как-то слегка «офигев», тупо вглядывается в предстоящие ей «перспективы».

Советские учебники и публицистика не давали возможности украинцам сформировать и поддерживать ощущение исторической национальной традиции, в школе и обществе практически отсутствовало украинское национальное воспитание. В то же время вопреки тому, что Конституция СССР запрещала пропаганду национальной исключительности, каждый украинец с детских лет, со школы и всю жизнь – в учебниках, лекциях, газетах, книжках, по радио – слышал об особой роли большого русского народа в исторической и нынешней судьбе его и всех других народов Союза ССР и бывшей Российской империи.

24 мая 1945 г., в нарушение действовавшей тогда Конституции, Сталин в своей речи на приеме в честь командующих войсками, **провозгласил русских руководящим народом СССР**.¹¹⁹ Стоит ли говорить, что по сравнению со словом Сталина советская Конституция была филькиной грамотой! Поэтому сталинская установка была в целом воспринята как программная для этнополитической сферы – направленная утверждение официального доминирования русских в Советском Союзе. Сталин высказал ее непосредственно в присутствии всех высших руководителей страны, его речь была опубликована многомиллионным тиражом в газете «Правда», и его установка, таким образом, навсегда укоренилась в сознании правящей советской верхушки. Она окончательно легализовала тот дух

¹¹⁹ В. Невежин. «За русский народ!» Прием в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года. «Наука и Жизнь», №5, 2005 г.

русского шовинизма, которым, по задокументированному признанию «дедушки» Ленина, были бессознательно пропитаны российские большевики.

Советская идеология и практика формировали такой тип отношения «националов», и прежде всего украинцев, к вопросам воспитания национального достоинства, национального чувства, национального сознания, когда любые разговоры о проблемах в данной сфере сразу метили их инициатора как «националиста». Таких «националистов» выгоняли с работы, ими полнились тюрьмы и лагеря. В то же время, насколько бы скандальными ни были публичные антиукраинские выпады и высказывания со стороны русских шовинистов, они *никогда* не получали хоть какой-либо серьезной оценки, а их авторы благополучно продолжали карьеру там, где служили или работали.

В Украине годами крутили по радио советские песни в стиле «Я люблю тебя, Россия – дорогая моя Русь...», но слова «любить Украину» были запрещены к публичному употреблению и считались проявлением национализма, как, например, были запрещены стихи украинского советского классика Владимира Сосюры с подобным названием.

Само слово «русификация», которое характеризовало основное направление *официальной* национальной политики бывшей Российской империи, было с 30-х гг. XX ст. изъято из публичного употребления как политически неблагозвучное. А тем, кто пытался поднять эту тему (даже о русификации украинцев в период самодержавия) опять же клеили ярлык «националиста». При этом ввиду отсутствия анализа и описания процессов русификации в период Российской империи неискушенному среднестатистическому гражданину СССР было сложно понять, что так называемое «сближение социалистических наций» в его стране и есть самой чистой воды русификация. И уж тем более сложно это было сделать, потому что наиболее важные решения по навязыванию русского языка союзным республикам, по проведению ассимиляторской миграционной политики принимались и контролировались руководством СССР под грифом «секретно».

Все это усиливало подсознательный комплекс национального превосходства и исключительности у многих русских и комплекс национальной неполноценности у украинцев. И, таким образом, вследствие фактического второстепенного положения украинского языка и «вбивания» официальной идеологией в подсознание жителей УССР мысли о том, что с учетом будущего «слияния наций» украинский язык не имеет жизненных перспектив (т. е. является

бесперспективным), советская пропаганда и практика фактически генерировали пренебрежительное отношение к «мове» и даже презрение к тем, кто ею разговаривал. Это закладывало мощную психологическую и эмоциональную базу для принятия решения многими украинцами об отказе от украинского языка в пользу русского при выборе, каким языком общаться в конкретной ситуации, на каком языке учить и воспитывать детей, если судьба ставила перед ними такой выбор или заставляла их его делать.

Учитывая невозможность прямого запрета украинского языка и невозможность отрицания факта существования украинского народа, советские наследники валуевских и эмских дел видели свою политику, как писал известный украинский писатель Иван Дзюба, «не в том, чтобы запрещать говорить по-украински (так как это и невозможно), а в том, чтобы сделать так, чтобы люди сами не хотели...».

Насколько успешно шла советская русификация, можно судить из того, что централизаторские и русификаторские усилия руководства СССР в конце концов получили однозначное одобрение значительной части русской белогвардейской эмиграции, для которой стало очевидно, что советская власть не только не уничтожила имперскую Россию, «но, наоборот, спасла и приумножила ее».¹²⁰

Со своей стороны то, что раньше марксизм расценивал как «колониальный разбой и захватнические походы», советская историография начала прославлять как «доблесть русского оружия», а то, что «кремлевский мечтатель» Ильич называл «прожорливостью, вероломством и бесстыдным плутовством русского царизма», стало воспеваться в Советском Союзе как «блестящие успехи русской дипломатии» и ее «великие традиции».

Реабилитация колониального наследия Российской империи, как «предка» СССР, широко вошла в русскую советскую литературу, критику и публицистику. Дело дошло до того, что в «Правде» даже были напечатаны отрывки из поэмы В. Фирсова «Россия от росы до звезд», в которой путь к коммунизму изборажался «через Полтаву» и прочие подвиги русских самодержцев.¹²¹

Таким образом, в советский период централисты-русификаторы стремились самыми изощренными методами закрепить в сознании украинцев две основные идеи – о второсортности и бесперспективности украинского языка и о том, что любое обсуждение проблемы сохранения украинского языка в СССР является проявлением «национализма».

Известный принцип: кто контролирует демографию народа, тот контролирует сам народ. В XX веке Москва контролировала демографию украинского народа самыми варварскими, самыми жестокими методами – беспрецедентным по размаху и способу уничтожения геноцидом (голодомором) и беспрецедентными по масштабам миграционными мерами.

Но со смертью Сталина возможности использования массового террора в качестве метода государственного управления исчерпались. В пост-сталинскую эпоху действия Москвы больше не выходили на уровень массовых репрессий.

Это требовало от московских идеологов-шовинистов применять более изощренные формы «национального строительства», которое, как и раньше, было направлено на жесткую русификацию всех сфер украинской национально-культурной жизни. Поэтому либерализация политического режима сопровождалась риторикой «дружбы народов», за которой скрывалось желание новых кремлевских руководителей убедить русифицируемых украинцев, что после «воссоединения» они имеют все, о чем только можно мечтать. А управляемые Кремлем миграционные меры и мероприятия постепенно достигли уровня «переселения народов».

Опираясь на постулаты учения о «сближении и слиянии наций», на одноканальную зомбирующую пропаганду, русификаторы выстраивали свою политику таким образом, чтобы украинцы просто перестали испытывать потребность в украинском языке, так как в жизни везде и всюду должен был властно требоваться русский.

В этот период советская имперская практика успешно выстроила систему безоговорочного фактического и формального преимущества русского языка в жизни Украины, которое не только ничем не ограничивалась, но и планомерно усиливалось самыми мощными за всю историю Украины миграционными потоками, организованными московской властью. С учетом активного и широкого вторжения СМИ и т. н. массовой культуры в жизнь человека воздействие русификации приобретало с каждым годом все более интенсивный характер, а русский язык получал все более непропорционально широкое распространение в Украине.

Образно говоря, в пост-сталинский и застойный период в украинском обществе была реализована та концепция русификации, ко-

¹²⁰ I. Дзюба. Інтернаціоналізм чи русифікація? (ІД.ІР) Мюнхен, 1968, с. 90-91.

¹²¹ «Правда», 9 авг. 1964 г. Цит. по ІД.ІР, с. 92.

¹²² В основном по I. Дзюба. Інтернаціоналізм чи русифікація? (ІД.ІР) Мюнхен, 1968, гл. «Русифікація і механізм русифікації», «Рівність фактична і рівність формальна».

тору еще во времена Валуева и Александра II выдвинул флигель-адъютант русского царя барон Корф как альтернативу прямому запрету украинского языка и культуры. Он предлагал подходить к русификации «творчески»: не запрещать украинские книги, а наводнить «малороссийские губернии» значительно более дешевыми книгами на «общерусском языке», не запрещать украинофильское движение, а усилить миграцию рабочей силы на украинские земли из центра России.

Механизм русификации неукоснительно действовал в разных сферах жизни, которые все больше централизовались и, соответственно, как бы естественно требовали использования русского языка. На протяжении 60 лет, вплоть до распада Союза, советская компартия, центральные, а за ними и республиканские органы власти регулярно и методично принимали решения, нормативные и законодательные акты, которые требовали бороться с «украинским национализмом» и неуклонно расширяли в союзных республиках права и привилегии русского языка в ущерб языкам народов этих республик, и в частности, украинского языка как языка украинского народа в Украине. *Наиболее важные решения в этой области и отчетность по ним шли под грифом «секретно» и «совершенно секретно».*

Так, в Украине на полный откуп русскому языку были отданы:

1. Официальная государственная, партийная, комсомольская, профсоюзная и практически вся общественная жизнь. Вопреки постановлениям и решениям времен «украинизации», в частности ВУЦИК и РНК УССР от 1 августа 1923 г., деятельность в этой сфере велась на русском языке, за некоторыми исключениями типа публично-представительских мероприятий, которые носили, как правило, вынужденный или опереточный характер (юбилеи знаменитых деятелей культуры и т. п.).

Попытки использовать украинский язык или «пристыживались», или напрямую пресекались «старшими» товарищами. Так, однажды в бытность свою генсеком Леонид Брежнев посетил одно из совещаний в ЦК КПУ, которое Владимир Щербицкий вел на украинском языке. Брежнев сделал серьезное и однозначное замечание Щербицкому, после чего русский язык в Украине окончательно занял место языка «внутрипартийного общения».

2. Экономика и хозяйственная жизнь. С учетом концентрации под прямым управлением и контролем Москвы 93% всего экономического потенциала Украины эти сферы обслуживались практически только на русском языке. Все ранние постановления и решения об обеспечении работы хозяйственных органов языком республики, в т.ч. X съезда РКП(б), остались на бумаге.

3. Пресса, книга, печать, читательский рынок. Были созданы условия для господства русской книги и печати в Украине. Книжная продукция Украины составляла жалкую долю во всесоюзной. Так, например, на протяжении 1959–1963 гг. – около 1/10 названий и тиражей, тогда как население УССР составляло 20 % от населения СССР и УССР должна была давать хотя бы 1/5 книжной продукции, то есть вдвое больше, чем давала.

С 1958 г. до середины 60-х гг. украинская печать практически не увеличивала свои объемы. В период с 1963 г. по 1973 г. количество ежегодно издаваемых в УССР книг и брошюр на украинском языке снизилось с 4041 до 2981. Но и из этой непропорционально маленькой продукции украинских издательств больше половины названий и почти половину тиража составляла русскоязычная книга. Украинская книга давала менее половины названий и немногим более половины тиража, да и то за счет художественной и массово-политической литературы. В целом, между 1958 и 1980 гг. процент книг, издаваемых на украинском языке, упал с 64% до 24%.

Еще хуже было с периодическими изданиями. Доля Украины по названиям в процентном отношении к всесоюзному количеству снижалась, например, с 11,4% в 1950 г. до 6,5% в 1963 г. Но и среди этих изданий, осуществленных в Украине, лишь около половины выходило на украинском языке. Так, украиноязычные периодические издания в СССР составили в 1963 году лишь 3,3% названий (130 из 3912) и около 4 % тиража при более чем 17% украинского населения в СССР (разница от четырех до пяти раз).

Революционное вторжение в жизнь общества массовой печати, радио и телевидения коренным образом изменило все, они стали эффективным средством русификации.

4. Высшее, средне-техническое образование, профессиональное обучение.

При поступлении в вузы действовала система жесткой языковой дискриминации для украинцев. Вот как описывал ее Иван Дзюба: «...житель г. Одессы С. Караванский по аутентичным документам установил, что в Одесский политехнический институт в 1964–1965 гг. вступило только 43% украинцев, что совсем не отвечает проценту украинцев в УССР и даже в той же самой Одессе. Проанализировав соответствующий документальный материал, С.Караванский установил, что вследствие дискриминационного порядка приема, который затрудняет вступление в вузы выпускников украинских школ (на конкурсное испытание в вузах Украины выносятся русский язык и литература, а украинская только в гуманитарных, что создает преимущества для русских и выпускников русских школ;

вступительные испытания по специальным дисциплинам ведутся в подавляющем большинстве случаев на русском языке), процент приема относительно представленных заявлений более высокий для русских и более низкий для украинцев: из 1126 украинцев, которые подали заявления о вступлении в Одесский политехнический институт в 1964 г., принято 453, то есть 40%, а из 1002 русских принято 477, то есть 46%.

На основании этих и подобных данных С. Караванский подал ходатайство прокурору УССР с просьбой привлечь к уголовной ответственности министра высшего и среднего специального образования УССР Даденкова Ю. М. по ст. 66 УК УССР, которая предусматривает наказание за нарушение национального и расового равноправия. Результат «не замедлил сказаться». С. Караванского арестовали.

В 1978 г. было принято постановление ЦК КПСС «О дальнейшем совершенствовании изучения и преподавания русского языка в союзных республиках» (как водится в таких случаях, оно шло под грифом «секретно»). ЦК КПУ и вся система образования в Украине отреагировали на него соответствующим образом. В украинских вузах, в частности, началась методичная работа по удушению украинского языка там, где он еще функционировал. Так, был определен «Перечень специальных дисциплин, которые преподаются на русском языке», куда вошли почти все не связанные с украинской филологией базовые дисциплины. И этот перечень обновлялся ежегодно. Таким образом русификацией были охвачены все вузы, техникумы, училища, в которых преподавание частично велось на украинском языке. Меры, направленные на изъятие украинского языка из учебного процесса, приобрели широкий размах и стали весьма популярными среди украинофобов и их прислужников. Из специальных кафедр они расширили процесс русификации на общетехнические, естественные, общеобразовательные кафедры.

Это постановление и вытекающие из него республиканские распорядительные документы предусматривали и массу других мер, они требовали «конкретных» дел и «конкретных» отчетов с мест. Даже та незначительная часть документов, которыми сегодня пользуются исследователи процессов советской русификации, убедительно подтверждают, что Минвуз УССР, выполняя волю ЦК КПСС, Минвуза СССР и ЦК КПУ, откровенно занимался русификацией учебного процесса. Как результат, практически всюду высшее, средне-техническое образование, профессиональное обучение велось только на русском языке. За исключением ряда гуманитарных факультетов, прежде всего связанных с украинской филологией.

«Преподавателей, которые продолжали читать на украинском языке, вызывали в учебную часть для неприятных разговоров, –

вспоминает доцент Украинского государственного лесо-технического университета В. Попович. – На них оказывали давление через деканаты и заведующих кафедр и даже прибегали к открытым угрозам увольнения с работы».¹²³ Если в 1946 г. в УРСР было 106 названий учебной литературы для вузов, из них 90 – на украинском, 16 – на русском языке, то в 1980 г. соответственно 38 – на украинском и 422 – на русском языке.¹²⁴

5. Среднее образование, средняя школа.

Вспомните, когда в постановлении от 19 апреля 1927 г. ЦК КП(б)У ввел обучение русскому языку во всех школах в Украине, из которых, как тогда предполагалось, должно было стать в будущем украинскими не менее 95%, ЦК одновременно сделал предостережение, что «это ни в коем случае не может быть прикрытием для попыток создать для русской культуры на Украине господствующее положение, которое она имела царизме».

Но уже в декабре 1958 г. Верховный Совет СССР отменил даже обязательность изучения языков союзных республик в их школах.. Вторя ему, Верховный Совет УССР 17 апреля 1959 г. принял постановление, в соответствии с которым в русских школах в Украине изучение украинского языка стало необязательным и осуществлялось «по желанию родителей и учеников при наличии соответствующих контингентов». В украинских школах изучение русского языка при этом было обязательным.

При выборе, в какую школу, русскую или украинскую, отдавать ребенка, родители, сознавая, что со временем в вузе сыну или дочери все одно придется переучиваться по-русски и что после вуза вся его дальнейшая карьера будет связана с русским языком, естественно, отдавали его в русскую школу. Как следствие, если в городах Украины в 1926 г. в украинских школах училось 97%, то к 1958 г. лишь 21% детей. В этом же 1958 г. в столице Украины Киеве только 22 000 учеников было в украинских школах и 61 000 – в русских. В целом ряде крупных городов Востока и Юга Украины украинские школы стали исчисляться буквально единицами. Украинские школы были «вытеснены» в села, что эффективно служило поддержке порочной идеи о сельском предназначении украинского языка и культуры.

В 1983 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совмина СССР «О дополнительных мерах по улучшению изучения русского языка в общеобразовательных школах и других учебных заведениях

¹²³ В. Попович. Як нас вчили російською. «Молода Галичина», 15 лист. 1990 р. Цит. по ВЛ.КЩК. с.549.

¹²⁴ Преса Української ССР. 1918-1980. Харків, 1981, с. 87. Цит. по ВЛ.КЩК. с. 549.

союзных республик». Отчеты по выполнению указанного постановления шли из Киева в Москву под грифом «секретно». Используя это постановление, русификаторы продолжили укреплять и без того незаслуженно мощные позиции русского языка в Украине в ущерб украинскому – как языку украинского народа. В частности, были расширены учебные программы по русскому языку в украинских школах, профтехучилищах и техникумах, произведено деление классов и групп на подгруппы, увеличено число школ с углубленным изучением русского языка, введены факультативные занятия для 295 тыс. учащихся, увеличены тиражи детской литературы на русском языке и наглядных пособий по русскому языку для украинских детсадов, усилена пропаганда русского языка в СМИ, повышены ставки зарплат для учителей начальных классов, русского языка и литературы 4-10 классов, увеличен фонд для повышенной стипендии студентам, занимающимся по специальности «русский язык и литература».¹²⁵ И после этого кто-то может говорить, что для господства русского языка не создавали преференций?

В итоге, в 1989 г. при том, что 64,7% граждан УССР назвали родным языком украинский, только около 48% послали детей в украинские школы (в 50-е годы этот показатель находился на уровне 70%).

6. Детские сады и детские ясли. Так же, как и школы, детские сады и ясли в городах, за некоторыми исключениями, были русскими.

7. Армия. Выступала как безусловный рычаг русификации.

Города и послевоенная мегамиграция

В этот период города превратились в гигантскую русификаторскую «мясорубку». Справедливые с исторической т. з. планы по дерусификации украинских городов так и не были осуществлены, в них еще сильнее утверждался дух превосходства русской культуры и русского языка, пренебрежение к украинским языку и культуре.

Причем за период после того, как с украинского языка был снят официальный запрет, на тот момент уже прошло столько времени, которого вполне хватило, чтобы, например, латышские, венгерские и чешские города покончили с наследием германизации и приобрели собственное национальное лицо. Украинские же города за это время были еще больше русифицированы. Это происходило по нескольким причинам, в частности:

– В крупных городах концентрировались силовые центры и механизмы русификации, они концентрировали русификаторский дух, который передался по наследству от великорусской шовини-

¹²⁵ Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. К., 1997, т. 2, с. 508-511.

стической мещанско-чиновничьей среды, сложившейся в период Российской империи.

– После Второй мировой войны украинские города и райцентры приняли удар мощнейшей миграционной волны из России, которая может сравниться с античным переселением народов. С учетом размеров территории и численности населения Украины *этот процесс следует назвать не миграцией, а мегамиграцией или гипермиграцией*. Миллионы украинцев были уничтожены голодом в ходе геноцида 1932–1933 гг., многие сотни тысяч были репрессированы и высланы, миллионы были уничтожены во время Второй мировой, миллионы затем были отправлены из Украины по всему Союзу по набору переселенческих органов, по распределению вузов и техникумов, по комсомольским путевкам и призывам, на казахстанскую целину. Но при этом **численность русских в Украине в послевоенный период увеличилась более чем в четыре раза – на 8,5 миллионов человек (!)** – и достигла 11,36 млн жителей.

Гипермиграционная политика осуществлялась не только в отношении Украины. В Эстонии часть эстонцев на протяжении послевоенных десятилетий вследствие таких же процессов сократилась от более чем 90% до чуть более 60%, а латыши вообще оказались на грани того, чтобы остаться национальным меньшинством в собственной республике. И только крупные масштабы Украины кое-как смягчали последствия политики «большого плавильного котла», но, учитывая две сотни лет прямой русификации, они стали убийственными для украинского языка и национального самосознания украинцев.

– Русскоязычные неукраинцы (в основном русские), как и во времена Российской империи, усиленно пополняли *влиятельный* городской слой управленцев и руководителей и, переезжая в Украину, привозили сюда и свои команды. В это же время украинцев с высшим образованием по распределению и «путевкам» массово направляли в обратном направлении – работать и жить в других республиках.

Напомню, что при этом переселяемые и депортируемые украинцы и их дети были обречены в России на тотальную русификацию *в условиях запрета на украинскую школу, печать и национально-культурную жизнь*. А вот русские, которые переселялись из России в Украину, получали здесь самые благоприятные условия, созданные для них и для русского языка во всех сферах.

Таким образом, в 70–80-е гг. русификация неумолимо начала наползать на малые городки и сельские районные центры. Тем самым империя начала разрушать «нервные центры» украинской

этно-языковой системы, которая за пределами крупных городов продолжала до этого достаточно успешно функционировать, несмотря на катастрофические потери, причиненные голодомором и депортациями всех видов. Но в 70–80-е гг. миллионы украинских ребят и девчат, перебивавшихся сюда на работу, уже попадали в жесткую иноязычную систему, через год–два они утрачивали свой родной язык и начинали говорить на суржике или на русском языке. Наиболее негативно по своим последствиям эта тенденция проявила себе в Донбассе и некоторых областях Юга.

В колодках застоя

В годы застоя особой силы достигла принудительная нивеляция украинской культуры до местечкового масштаба. Был установлен самый плотный контроль за любым творческим новаторством, на которое даже в России смотрели гораздо более либерально. Грубому давлению подвергались в первую очередь деятели украинской литературы, искусства и журналисты, демонстрировавшие способность создавать конкурентоспособную «продукцию» в русифицированных городах.

Яркий пример – рассказ знаменитого украинского кинорежиссера Олега Фиалко о том, почему его фильм «Возвращение Баттерфляй», поначалу нашумевший и воспринятый в этот период на ура, был в итоге объявлен Политбюро ЦК КПСС антисоветским: «В Москве меня избавили от иллюзий: «Если бы этот фильм вы сняли на «Мосфильме», сверлили бы дырочки для орденов». Разъяснили: то, что положено «Мосфильму», не положено студии Довженко. О партизанах снимать можно, а та же классика, хоть она была и общесоюзной, оставалась прерогативой России. Что-то социально острое тем более не для Украины».¹²⁶

Как уже констатировалось, в этот период русификаторы видели свою задачу «не в том, чтобы запрещать говорить по-украински, а в том, чтобы сделать так, чтобы люди сами не хотели...». Но несмотря на это, в крупных городах в среде, не относящейся к «представительской» литературно-художественной интеллигенции, они не гнушались прямыми ограничениями и локальными репрессиями для того, чтобы не позволить украинской национально-культурной жизни самостоятельно дать неконтролируемые ростки и пробить дорогу в реальную жизнь.

Вот как вспоминает об этом явлении один из выпускников философского факультета Киевского университета 70-х годов: «Со мной

¹²⁶ Л. Журавлева. Песнь о вешем Олеге. «Зеркало недели», № 24(603), 24-30 июня 2006 г.

учился студент по фамилии Сандуца. Он был примечателен тем, что во времена, когда все украинское, мягко говоря, не приветствовалось, всегда говорил только по-украински, никогда не переходя на другой язык. Казалось бы, ну, что тут странного? Украинiec говорит на своем родном языке. Точно так же вели себя русские: они всегда и везде говорили только по-русски. И никаких претензий к ним не возникало.

А вышеупомянутого Сандуцу все-таки вызвали в 1-й отдел и попросили перейти на «великий, могучий и свободный». Мягко так, ненавязчиво. Однако, учитывая авторитет ведомства, рекомендация была более чем убедительной. А потом этот человек вообще куда-то исчез. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Он демонстрировал свою «украинскость», свое национальное «я» так, как это делали русские. Но что можно Юпитеру, того нельзя «быку». Его абсолютно нормальное для всех народов национальное поведение было воспринято как знак, символ агрессии. Он повел себя так, как украинцу вести себя в СССР, в Российской империи было «не положено». Взял не по чину, не по национальному чину. Его поведение, нарушавшее национальную норму для всех «нерусских», воспринималось как оскорбление, как нарушение установленного порядка и как агрессия против носителей русского языка».

При желании из подобных воспоминаний можно написать увесистую книгу. А в целом, в этот период украинский язык, в сущности, был изгнан из внутренних сфер жизни Украины, и те немногие жители страны, которые им пользовались в городах, как правило, являлись объектом презрения, насмешки или снисходительно-высокомерного отношения. Как следствие, немало украинцев были воспитаны системой русификации в таком духе, что им надо стыдиться украинского языка, считать его второсортным и бесперспективным. Много украинцев в таких условиях перешли на использование русского языка, «чтобы не выделяться».

Любые же попытки говорить о национальных проблемах, существующих в Украине, были возведены в ранг крамолы и якобы «национализма», к которым система генерировала осуждение и применяла все виды преследования. Многие украинские диссиденты начали свою «карьеру», просто отстаивая свое право просто говорить у себя на Родине на своем родном украинском языке (как это делал вышеупомянутый студент Сандуца). В 1975 г. Василь Стус в открытом письме к Ивану Дзюбе написал: «...нас распинали на кресте не за какую-то радикальную общественную позицию, а за всего лишь наши желания иметь чувства самоуважения, человеческого и национального достоинства».

Но было в это время и два позитивных процесса в общественной жизни, которые создавали надежды и предпосылки для изменения ситуации в будущем в лучшую сторону при определенных условиях.

Первый. Определенный период в крупных городах Западной Украины в дополнение к активному миграционному заселению русскими существовали ограничения на поселение украинцев. Но после их снятия эти города полностью «украинизировались» сами собой, сохранив для Украины небольшие острова национальной городской жизни и не дав окончательно маргинализировать украинский язык путем его полного низведения до уровня «сельской балачки».

Второй. Во времена Хрущева, после прекращения репрессий объективно начался процесс создания местной украинской бюрократической элиты. Москва, конечно же, постоянно генерировала боязнь, и какой-то инструктор или заместитель заведующего отделом ЦК КПСС имел в Украине больше власти, чем всемогущий по местным меркам руководитель области. Поэтому многие местные украинцы-работники райкомов, обкомов и ЦК КПУ не допускали даже мысли о какой-то там независимости Украины, публично клеймили и Петлюру, и Бандеру. Но они с сожалением бессильно смотрели на медленное, но верное уничтожение украинского языка.

В Киеве по-прежнему продолжали «рубить пальцы» в тех случаях, когда в Москве ограничивались только «грызением ногтей». Первый украинский коммунист Петр Шелест, попытавшийся проявить самостоятельность, был быстро снят со своего поста. Сменивший его Владимир Щербицкий проводил более гибкую политику: с одной стороны, он верно служил Москве и давил любые ростки «национализма» (а вместе с ним и украинства), с другой – развивал украинскую национальную бюрократию, которая постепенно брала под ограниченный контроль некоторые сферы жизни в своей собственной республике.

А был ли мальчик «Дружба»?

Так работал конвейер медленного, но верного умерщвления украинского языка и, соответственно, умерщвления самого украинского народа. Некоторые читатели могут с негодованием спросить: «А как же дружба народов? Ведь мы же дружили!». Да, несмотря на фактически презрительное отношение к украинскому языку и прогрессирующую русификацию, мы «дружили», в смысле – вместе работали, делили застолье, считались представителями братских народов и не били друг другу морду на национальной почве. **Но это была всего лишь дружба между людьми конкретных националь-**

ностей, которая есть делом хорошим, нужным и полезным во все времена. И давайте, украинцы и русские, и дальше дружить, праздновать вместе праздники, вместе трудиться и жить.

Но в историческом разрезе, **в разрезе отношений между двумя народами это назвать «дружбой» нельзя.** Какая же это «дружба», если один народ (нация) постоянно растет, увеличиваясь количественно и укрепляясь качественно за счет другого народа, а другой – едва успевает поддержать свою численность на уровне, который был зафиксирован сотню лет назад, да еще и динамично и верно сдает свой язык в пользу языка «братского» народа?

Если в подтверждение этого нужна «кричащая» статистика за этот период в дополнении к предыдущей, то пожалуйста:

	Русские		Украинцы	
	Кол-во	Рост	Кол-во	Рост
1959 год	114,1 млн		37 млн	
1989 год	145,2 млн	27,3%	44,19 млн	18 %

Таким образом, с 1913 г. по 1989 г., т. е. за 75-летний период наиболее интенсивной «братской дружбы», прирост численности русских составил 101,7%, а украинцев всего 33,9%. В три раза меньше!

При этом все послевоенные переписи фиксировали постоянное уменьшение доли украинцев в составе населения самой Украины (76,8% – 1959, 74,9% – 1970, 72,7% – 1989) и постоянное увеличение части русских (16,9% – 1959, 19,4% – 1970, 22,1% – 1989).

Идеологические клише имперских и советских времен настолько «замутили» сознание части и украинцев, и русских, что зачастую им трудно воспринять объективную информацию о реальных результатах взаимного контакта наших народов. Наше сознание необратимо скатывается к оценке отношений между нашими народами как к оценке взаимоотношений между отдельными рядовыми людьми, в то время как **народы – это прежде всего системы, этнические системы.** И положительные или отрицательные результаты их взаимодействия, или «дружбы», оцениваются не литрами совместно выпитой водки и съеденной закуски, а тем, **какую жизненную тенденцию демонстрирует каждая из этих этнических систем в результате взаимного контакта.** В этом плане вся вышеизложенная информация абсолютно четко свидетельствует о том, что в ходе активного взаимодействия с русским народом, русской этнической системой, украинский народ (украинская этническая система) был подвержен неуклонному принудительному размыванию и этнической деградации, а именно:

– понес серьезные относительные потери численности (от соотношения «1 украинец на 2 русских» до соотношения «1 украинец на 3 русских»);

– понес серьезные абсолютные потери численности (только в 1959 г. в Украине был превышен уровень численности населения, который существовал до Первой мировой войны);

– накануне 2-ой мировой войны понес жестокие потери в результате одномоментного принудительного этноцида (русификации) украинцев в местах компактного проживания в Российской Федерации, в результате которого, естественно, укрепилась и увеличилась этническая система русских;

– под давлением нарастающей миграции из России, которая контролировалась и поощрялась Москвой, неуклонно уменьшал собственную долю в населении самой Украины в пользу русской этнической системы (русского народа), при этом небольшие украиноязычные города и райцентры, которые за пределами больших городов оставались «нервными» центрами украинской этно-языковой системы, постепенно, один за одним становились русскоязычными, что разрушало саму эту систему;

– под прессом официальной и полуофициальной русификации неуклонно утрачивал собственный язык в пользу языка русского народа (русской этнической системы).

Но даже в плане отношений и дружбы между людьми конкретных национальностей мне хотелось бы представить в одной связке две выдержки из двух разных книг. Первая – из словаря Ушакова 1938 г. выпуска о слове «хохол», которое трактуется в нем как «украинец» в устах шовинистов-великороссов».

Вторая выдержка касается биографических воспоминаний Левка Лукьяненко о периоде его учебы в Москве. Он написал следующее: «За пять лет меня семь раз в Москве обидели «хохлою». Каждый из этих семи был моим коллегой и называл меня хохлом в добром настроении так себе, между прочим, переходя от одного слова к другому. Я подбирал момент и точно в его же доброжелательном тоне называл его кацапом. И тут происходило неожиданное: мой добрый коллега резко останавливался, возвращался, вытаращивался на меня, будто на какого-то марсианина, и бросал:

– А ты националист! Я и не знал...

– Чего бы это националист?

– Ну, а как же!

– Называть хохлом можно, а кацапом нельзя?!

– Ну, так же принято...

– Принято оскорблять национальное достоинство украинцев?

– А у вас есть это национальное достоинство? А я и не слышал о таком...

Каждый раз диалоги не имели дальнейшего развития. Каждый раз мы расходились прохладно. Ни один из этих семи коллег не забыл случая и не подошел ко мне до самого окончания университета.

После первого такого случая я начал внимательнее присматриваться под этим углом зрения к будущим юристам – русским интеллигентам, потенциальным творцам национальной политики Союза ССР. И увидел, что национальное превосходство государственной многовековой имперской нации так глубоко пропитало сознание русских людей, что неравенство они воспринимают как равенство, а равенство воспринимают как неравенство.

Для всех семи моих коллег равенство состояло в том, что они меня называют хохлом, а я должен был бы пропускать оскорбление мимо ушей и продолжать разговор в том же товарищеском тоне. Когда же я на оскорбление ответил оскорблением, то есть поставил наши взаимоотношения на основу справедливости, они восприняли такой ход не за проявление справедливого равноправия, а наоборот, за проявление нарушения справедливого равноправия.

Взаимоотношения русского и украинца они представляют себе как взаимоотношения всадника и коня: с точки зрения всадника справедливо, что он на коне, с точки зрения коня справедливо, что всадник на его спине. Гармония пары «всадник – конь» состоит в том, что каждый выполняет свою естественную функцию и получает пользу от взаимодействия: всадник имеет средство передвижения, конь имеет сено от всадника. Все о'кей! И когда этот конь, то есть хохол, вдруг хочет стать человеком, это смертельно обижает великоросса, и он гневно возглашает приговор: «Националист!» – искренне не замечая, что, собственно, он и есть националист».

Выводы и комментарии, как говорится, излишни, кроме одного: в своей жизни каждый из нас слышался «хохла» не одну сотню раз, а то и больше, и каждый из нас продолжает его слышать и знает, что реакция наших русских собеседников на «кацапа» будет почти аналогичной, как в тех случаях с Левком Лукьяненко.

Напомню также, что ассимиляция русскими украинцев в отличие от ассимиляции каких-либо народов в других империях имела одну очень специфическую черту. Она всегда проходила под лозунгами «любви великороссов к Малороссии» (в Российской империи) или «братской дружбы русских и украинцев» (в СССР). Таких методов не применяла ни одна другая колониальная империя, где процессы принудительной ассимиляции подвластных народов могли быть даже существенно менее жестокими и интенсивными, но где

никогда колонизатор (он же ассимилятор) не распиался в любви к своей жертве этнического поглощения.

Возможно, эта своеобразная извращенность ассимиляции имеет глубокие корни, гнездящиеся в особом отношении власти и народа, сформировавшемся в России в эпоху Ивана Грозного и намертво закрепившемся в период правления его достойного ученика Иосифа Сталина. Ивану Грозному очень нравилось, чтобы жертвы его кровавых деяний, его в своем роде утонченного насилия распиались в любви к нему и демонстрировали ему свою благодарность и признательность за мучения. Сталин, внимательно изучавший историю правления Грозного и его злодеяний, также успешно использовал эту извращенную форму деспотизма – жертвы «отца народов» от всего сердца благодарили его за казни и репрессии.

Поэтому, если Вы, уважаемый читатель, хоть немного знакомы с понятием нейролингвистического программирования, то для Вас будет очевидным, что в условиях одноканальной имперской пропаганды в Украине фактически происходил процесс нейролингвистического программирования целой нации, целого народа. В ходе этого процесса у украинцев к глубинным понятиям «любовь», «дружба», «братство» (в данном случае по отношению к другому народу – русским) были мастерски и успешно привиты образы отказа от своего языка в пользу чужого (русского) и образы постыдности сопротивления ассимиляции.

Эти образы продолжают действовать и сегодня, ведь «братская» метрополия, всучивая украинцам колониальный ошейник, который блеснул вульгарным кованым металлом, сумела иезуитски убедить их, что этот ошейник есть бесценный «братский» подарок, «шикарное ожерелье», и большой грех – его не одеть, и еще больший грех – снять. «Братская» метрополия в конце XVIII в. в прямом смысле одела рабский ошейник украинцам, когда она превратила в бесправных крепостных миллионы тех, кто собственной саблей выбил свободу у польских панов. И этот ошейник был одет им на шею только лишь при условии и не иначе как под шарманку бессовестной гипнотической лжи о «братской любви», о защите православия и о верности слову, когда-то (под давлением обстоятельств) данному московскому православному монарху. По меткому определению Ивана Дзюбы, российский колониализм «достиг вершин фарисейства и цинизма в использовании самой благородной фразеологии для самых подлых дел».

Вы, конечно, читая эту книгу, можете подумать: «Да что же, этот автор хочет посеять неприязнь украинцев к русским, что ли?». Ничего подобного – я призываю всех украинцев любить русских

как славян и как наших этнических братьев. Но (!) любить русских – не означает замалчивать темные страницы в истории взаимоотношений России и Украины и не означает отказываться от своего языка в пользу русского. А все основанное на исторических фактах описание процесса русификации изложено мною с одной целью – чтобы после прочтения предыдущих глав для каждого читателя, для каждого русскоязычного украинца стала абсолютно очевидной та мысль, которая была провозглашена в начале этой книги. А именно: **никакого «добровольного» перехода части украинцев на русский язык никогда не было и в помине.** И все изложенные в их исторической последовательности факты подтверждают это.

Эти факты – упрямая вещь. Поэтому я также призываю всех русских по-новому взглянуть на историю взаимоотношений наших этнических систем. Это поможет русским (особенно – россиянам) понять пока «необъяснимые» для них феномены спокойной и молчаливой поддержки, которую оказывает значительная часть русскоязычных украинцев процессу возрождения украинского языка, и того почти физического ощущения боли, которое нам передалось от наших дедов и отцов, переживших голодомор 1932–1933 гг. Это поможет нам лучше понимать друг друга.

Но все же мы вплотную подошли к тому, какими путями могут и должны быть осуществлены возрождение украинского языка и защита русского языка в Украине. И, конечно же, прежде всего давайте поговорим о защите русского языка.

2. Защитим русский язык!

В сетях «полит-защиты»

Естественно, что здесь снова следует подчеркнуть: просто *вести речь о некой абстрактной защите русского языка как такового – абсурдно*, поскольку этот язык используется в Украине двумя разными этническими группами населения – этническими русскими и т. н. русскоязычными украинцами, к которым относится и сам автор этой книги. Законы Украины также предписывают не просто защищать какой-то там абстрактный язык, а защищать право конкретных народов (этносов), национальных меньшинств на использование своего национального языка. По этой причине, отделив зерна от плевел, давайте поговорим *о защите русского языка как прежде всего языка конкретного национального меньшинства в нашей стране – языка этнических русских граждан Украины.*

И в этом смысле нужно четко понимать, что те политики, которые сегодня обещают своим сторонникам добиться для русского языка статуса второго государственного, вольно или невольно выглядят как политические «кидалы». Проблема в том, что они *никогда* не смогут законными методами добиться соответствующих изменений в Конституции Украины. Ибо эта идея никогда не собирала даже простого большинства в Верховной Раде, а не то что конституционного, и этого не смог добиться в свое время даже Леонид Кучма, имевший в течение долгого времени едва ли не абсолютную власть в стране.

Поэтому внешне ситуация выглядит таким образом, будто решение реальных проблем, с которыми сталкиваются этнические русские, этих «полит-защитников» волнует меньше всего. Хотя, чтобы реально продемонстрировать обратное, им уже давно можно было воспользоваться законодательной нормой о местах компактного проживания русских как нацменьшинства, об обеспечении в них их языковых прав и реализовать ее. Уверяю, для такого подхода в рядах даже «самых националистических» из украинских националистов не было бы никаких возражений, ибо он абсолютно вписывается в действующую законодательную базу.

Однако никто из «полит-защитников» русского языка этим и не думал заниматься. И потому со стороны кажется, что эти «полит-защитники» на самом деле не заинтересованы в решении данной проблемы. Кажется, что их интересует прежде всего политический нон-стоп, при котором можно бесконечно размахивать лозунгами статуса второго государственного для русского языка. Ведь всегда можно в очередной раз включить это требование в предвыборную программу и в очередной раз получить от электората голоса.

Усугубляет ситуацию то, как в 2006 г. происходило в некоторых областях «провозглашение» русского языка региональным. Оно было осуществлено не как акт, призванный конкретизировать механизмы реализации законодательства Украины о языках, а как политическое действие, призванное продемонстрировать силу контроля «полит-защитников» над определенными регионами Украины и их способность противостоять тогдашней центральной власти. И что бы ни заявляли инициаторы «провозглашений», внешне все выглядело так, будто их реальная долгосрочная стратегическая цель – это замена в части регионов государственного украинского языка «региональным» русским языком по функциям, закрепленным законодательством Украины за государственным украинским языком.

Ведь в условиях правовой неосведомленности региональных политиков и местного населения эти «провозглашения» создали

неоправданную эйфорию и иллюзию возможности использования регионального языка как альтернативы языку государственному. Абсолютное большинство из тех, кто голосовал в этих областных советах за «региональный статус» русского языка, и в глаза не видели Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств (далее – Хартия), на которую они ссылались, а также Закона Украины о ее ратификации.

«Провозглашанты» абсолютно не отдавали себе отчета в том, что в объединенной Европе, на Хартию которой они ссылаются, определение статуса языков является прерогативой центральной власти, а не ситуативного большинства в местных органах самоуправления. Кроме того, если бы они видели и читали Хартию, то знали бы, что:

1. В соответствии с Хартией охрана и развитие региональных языков или языков меньшинств **не должны причинять вред официальным языкам (то есть государственному украинскому языку в случае Украины) и необходимости их изучать.**

2. В соответствии с Законом Украины о ратификации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств при применении положений Хартии меры, направленные на утверждение украинского языка как государственного, его развитие и функционирование во всех сферах общественной жизни на всей территории Украины, не считаются препятствующими или создающими угрозу сохранению или развитию языков, на которые, соответственно статье 2 этого Закона, распространяются положения Хартии. То есть в соответствии с этим Законом действующее **законодательство Украины об украинском языке как государственном и, соответственно, его применение не могут ограничиваться применением какого-либо регионального языка, в частности русского.**

3. Предоставление русскому языку статуса регионального в любом регионе означает не замену государственного украинского языка региональным русским, а *дополнительное, параллельное* употребление последнего *наряду* с государственным языком *по некоторым функциям* в строгом соответствии с действующим законодательством. Согласно реальному содержанию положений Хартии и с учетом реальных масштабов и форм использования русского языка на Востоке Украины **провозглашение русского языка региональным не прибавляет ему никаких дополнительных функций, каких бы он реально не имел в настоящее время** (кроме возможности публикации органами местного самоуправления своих официальных документов **также** и на региональном русском языке).

4. Также следует отметить, что **придание статуса региональ-**

ного русскому языку не может распространяться на какую-либо область целиком, так как:

– в соответствии с действующим Законом Украины о ратификации Хартии положения Хартии применяются по отношению к языкам национальных меньшинств Украины, а реализация их прав согласно действующего законодательства осуществляется в местах компактного проживания этих нацменьшинств;

– тем населенным пунктам и районам, которые не являются местами компактного проживания нацменьшинств и которые тем более используют государственный украинский язык, русский язык не может навязываться в качестве регионального.

Для ослепленных «успехами регионализации» подчеркну, что более половины, или около того, районов Днепропетровской, Запорожской и Херсонской областей в чистом виде являются этнически украинскими и украиноязычными. Принятие «решений» о провозглашении русского языка региональным для всей области **нарушает права этих украиноязычных районов**, и для них оно *означает новое навязывание русского языка и русификацию на новый манер – на региональном, областном уровне.*

Тем же, кто рассчитывает на незаконное провозглашение русского языка региональным там, где его якобы «большинство» считает «родным» (а не в местах компактного проживания русского нацменьшинства), мы должны четко дать понять, что такой вариант является априори неприемлемым. Также априори неприемлемым является вариант, при котором отдельные политические силы, не имея возможности сделать русский язык вторым государственным де-юре, захотят сделать его таковым де-факто с помощью законодательных манипуляций. Для нас это было бы фактическим одобрением результатов двухсотлетней политики русификации, политики умерщвления украинского языка как языка украинского народа. Он был бы плевок на могилы наших предков и на могилы тех, кто, отстаивая национальные права украинцев, погиб от рук имперских палачей или был лишен жизни в годину голодомора и репрессий.

Именно поэтому любые очередные законодательные решения по языковым проблемам в Украине могут быть приняты только после того, когда к подавляющему большинству граждан Украины будет предоставлена полная информация о том, как и почему в отношении украинского народа проводилась русификация и каковы ее последствия. В этом плане **в оценках периода официальной и полуофициальной русификации и ее последствий украинское общество должно пройти тот же путь, который оно прошло в оценках голодомора.**

Братский долг славянина

Всем гражданам Украины надо четко понять, что **если бы русский язык был действительно провозглашен вторым государственным, то это бы поставило крест на существовании украинского языка.** Ведь к моменту обретения Украиной независимости украинский язык в результате более двух сотен лет жестокой русификации оказался на той грани, за которой он перешел бы в разряд умирающих. *И именно его статус как единственного государственного языка позволил остановить этот фатальный процесс.* Чтобы удостовериться в справедливости такой оценки, давайте взглянем на то, что произошло с белорусским языком после того, как русскому языку в Белоруссии был предоставлен статус государственного.

К моменту провозглашения независимости Белоруссии белорусский язык так же, как и украинский, оказался на грани стремительного скатывания к смерти, и статус единственного государственного языка на какой-то миг дал ему шанс на выживание: в начале 90-х гг. начали открываться белорусскоязычные школы, они заполнялись детьми, белорусский язык входил в органы государственного управления, в СМИ и т. д. Но недальновидное популистское решение о предоставлении русскому языку статуса второго государственного полностью разрушило этот процесс и свело практически к нулю перспективы белорусского народа сохранить свой язык в будущем.

В разгар т. н. «белоруссизации», в 1993–1994 учебном году, 67,3% первоклассников в Белоруссии пришли в школы, чтобы учиться на «матчынай мове». Однако в 1995 г. на референдуме белорусский и русский языки были «уравнены» в правах. И уже в том же учебном году было закрыто 108 белорусскоязычных школ, а открыто 335 русскоязычных. Эта динамика продолжилась, и за восемь лет русских школ стало больше на 1081, а белорусских – меньше на 516. В 2002–2003 учебном году, по данным Таварыства беларускай мовы, на русском языке в Беларуси учились 73,6% школьников, а в Минске – 93,6% учеников. По последним данным сегодня в Минске на белорусском языке учатся чуть больше пяти (!) процентов детей. И это вместо почти 60% детей, которые учились по-белорусски десять лет назад.¹²⁷

Учебный год	2001–2002	2002–2003	2003–2004
Минск	7,3%	6,4%	5,1%

¹²⁷ Р. Мурашкина, Н. Белохвостик. Первый раз в белорусский класс? «Комсомольская правда», 31 авг. 2004 г.

Эта динамика оказалась смертельной для белорусского языка, ведь, по данным ЮНЕСКО, *язык находится на грани исчезновения, если на нем говорит меньше 30 процентов детей*. Положение белорусского языка катастрофическое, но никаких тревожных голо-сов по этому поводу из стана поборников «славянского братства» не слышно. А ведь умирает не какой-то там редкий язык малочисленного индейского племени в далекой Амазонии – умирает многомиллионный славянский язык, который в свое время был полноценным и широко распространенным.

Поэтому абсолютно очевидно, что

в нынешних условиях любой, кто в Украине добивается для русского языка статуса второго государственного, фактически добивается смерти украинского языка

Большинство украинцев, несмотря на несколько сотен лет изощренного имперского нейро-лингвистического программирования, оболванивания и зомбирования, все же сохранило способность к осознанию той опасности, которая нависла над украинским языком. Они отвергают лживые *по своей глубинной сути* лозунги о необходимости *сегодня* «равных прав» для украинского и русского языков в Украине. В нашем случае подобное «равноправие» было бы сродни тому, как если бы уравнивать в правах двух спортсменов, одного из которых (украинский язык) много лет держали в карцере на воде и хлебе и не выводили на прогулки, а другому (русскому языку) – в этот период обеспечивали прекрасное питание и организовывали регулярные тренировки на лучших спортивных площадках.

Поэтому, если русские – действительно братья-славяне для украинцев, то их братский долг – помочь украинцам возродить свой язык после столетий его запрета и изощренного уничтожения. Помочь прежде всего четким определением своего правового статуса и своих прав. Помочь также и конкретными делами, при том, что права самих русских при их желании будут обеспечены законодательными гарантиями, расписанными до мелочей.

Сформулировать «конечную формулу» языковой политики

Этнические русские, по последней переписи, составляют у нас 17% от численности всего населения. Русский язык родным назы-

вают почти все русские в Украине, и всего лишь 3,9% от их общего количества, по данным последней переписи, считают своим родным языком украинский. При этом русские проживают в нашей стране в основном в городах.

С т. з. соблюдения прав на получение информации, на образование и воспитание своих детей, на общение и использование русского языка в быту и на работе у русских в Украине практически нет никаких ограничений и существует полная свобода. В процентном отношении доля русскоязычных средств массовой информации Украины, доля русскоязычных, а также смешанных школ и детских садов намного превышает долю самих этнических русских в составе населения Украины. Русский язык доминирует в большинстве областных центров и городов, на Юге и Востоке страны, российские СМИ практически неограниченно распространяются в Украине.

Например, возьмем результаты опроса экспертов на тему: «Приходилось ли Вам сталкиваться с проявлениями дискриминации в Киеве по языковому признаку?» (в % ответов):

Варианты ответов	Дискриминация украиноязычных граждан русскоязычными	Дискриминация русскоязычных граждан украиноязычными
Да, достаточно часто	54,8	0,0
Да, но редко	38,1	11,9
Не приходилось	7,1	88,1

Таким образом, что касается «русскоязычных» граждан, то 88% ответов засвидетельствовали, что они никогда не сталкивались с дискриминацией носителей русского языка.¹²⁸

Отчего же тогда крики об ущемлении прав, об «украинизации»? А крики идут оттого, что, с одной стороны, *многие этнические русские уже привыкли к безграничному доминированию их языка в жизни своего региона, города, предприятия, учреждения*. И иногда просто появление украинского языка в тех сферах, в которых он во времена СССР и думать не смел появляться, вызывает у них недоумение и логически необъяснимый дискомфорт. Многие из них в принципе согласны, что украинский язык надо «возродить», но как они подсознательно себе представляют, это должно происходить так, чтобы они сами этого не ощущали, не видели и, желательно, не слышали.

Поэтому еще несколько лет назад простое появление рекламы и телепередач на украинском часть русских восприняла как «украи-

¹²⁸ Г. Залізняк. Мовна проблема в столиці за оцінками експертів. «Розбудова держави», № 1/6, с. 88. Цит. по В. Лизанчук. Не лукавити словом. Л., 2003. с. 156.

низацию», а уж тем более их раздражал рост числа (или появление) украиноязычных школ, переход к ведению документации, делопроизводства и т. д. Тогда у некоторых из моих русских знакомых мне доводилось видеть буквально физическую боль на лице, когда они в очередной раз узнавали, что, например, в таком-то месте в нашем городе появилась наружная реклама на украинском языке. А ведь у нас в городе украинцы составляют большинство, несмотря на то, что по «сложившейся традиции» горожане говорят в основном на русском.

Такова, к сожалению, реальная, но вполне естественная, с учетом многих столетий русификаторства, реакция части этнических русских на законное расширение сферы применения украинского языка, которое является исторически справедливым с учетом официальной русификации, осуществлявшейся в течение двухсот пятидесяти лет.

Ведь **возрождение украинского языка – это как раз и есть процесс расширения его применения в различных сферах жизни и общества в стране, где украинцы составляют 78% населения.** Имея свою долю на уровне 17% и практически не имея чистых «русских» регионов, этническим русским надо понять и принять, что не видеть и не слышать украинского языка в течение практически всей своей жизни, как это бывало во времена СССР, им больше не придется. Нужно спокойно привыкнуть к тому, что украинский язык будет всегда где-то рядом – там, где ему приписано быть в соответствии с функциями государственного языка. Нужно спокойно привыкнуть к тому, что со временем свободное владение украинским государственным языком будет в Украине всеобщей реальностью, как владение государственным языком в любой другой стране Европы и мира. Как сказано в Святом Писании: «Кесарю – кесарево».

С другой стороны, практика советской общественной и государственной жизни приучила многие поколения граждан нашей страны к тому, что *преобразования у нас зачастую делаются тотально, бездумно и с многочисленными перегибами.* И многие русские предполагают, что в ходе «возрождения» украинского языка их просто начнут давить, украинизировать и *заставлять* говорить по-украински. Во время президентской предвыборной гонки 2004 г. подобные настроения в среде русских были не редкими (мне часто приходилось слышать от некоторых русских даже такие бредовые рассуждения, что, мол, русских будут выселять после победы Виктора Ющенко).

Поэтому украинское государство должно раз и навсегда дать этническим русским, как национальному меньшинству, самые твер-

дые гарантии относительно их прав на использование своего языка в образовании и воспитании детей, использовании его в общении. Эти гарантии должны быть «сверх-железными», чтобы русские всегда чувствовали, что им, их национально-культурной жизни ничего не угрожает.

Сегодняшнее законодательство, естественно, дает такие права, но декларативно. А оно, *законодательство, должно максимально подробно расписать процедуры* реализации нацменьшинствами, и прежде всего русскими, прав на использование своих языков в местах компактного проживания. И *основываться эти права и процедуры должны на учете доли нацменьшинств в составе населения Украины.* Скажем, если русские составляют 17% населения Украины, они в обязательном порядке должны иметь не меньший процент русскоязычных школ, детских садов, газет, журналов и т. д. Но самое главное –

**русский язык должен обязательно получить
региональный статус в местах компактного
проживания русских,**

где, в частности, проживает и львиная доля чисто русскоязычных украинцев – тех, что говорят на русском языке и признают его родным. Естественно, региональный статус также должны получить и языки других нацменьшинств в местах их компактного проживания (крымских татар, гагаузов, румын, венгров, поляков и т. д.).

Такой подход был бы справедлив, и в этом случае русскому языку как языку этнических русских в Украине ничего бы не угрожало. И именно это, а не придание русскому языку статуса второго государственного, способно действительно гарантировать им и другим национальностям неукоснительное соблюдение прав в области национально-культурной жизни. Сделать это в принципе не сложно, поскольку такой подход абсолютно вписывается в рамки уже действующего законодательства и нет необходимости принимать какие-либо новые законы – достаточно уточнить уже имеющиеся, детализировав их там, где это необходимо. Кроме того, *этот подход соответствует программам всех политических сил и в любом случае был бы шагом вперед в сфере языковой политики.*

Из этого вытекает, что в общем плане абсолютно необходимо **сформулировать «конечную формулу» языковой политики в Украине,** то есть в понятной для большинства граждан форме сформулировать конкретную цель языковой политики – то, к какому со-

стоянию дел (как к идеальному) стремятся государство и общество в сфере функционирования языков. Например, это может (и вообще-то должно) быть: «этнические украинцы разговаривают на украинском языке, этнические русские – на русском». Без такой формулы ни один гражданин не будет иметь уверенности, что его завтра не «украинизируют» или что-то там еще. Такая формула позволит снять природное опасение части этнических русских, которое частично является причиной неосознанного сопротивления возрождению украинского языка.

Подчеркну, что это «формула стремления к идеальному состоянию», а не принцип сортировки конкретных граждан по категориям (типа: «Ты русский? – Ну так, давай, говори только на русском». И наоборот). Ведь эта формула означает *принцип взаимодействия двух этнических систем* – украинской и русской – в Украине. Этнические русские граждане Украины, оставаясь важной государственно-политической составляющей нашей Родины, являются в то же время частью русской этнической системы. Это нормально, это естественно, и их права на сохранение своих этнических основ и, в частности, языка должны быть надежно защищены. Но русский язык в Украине должен находиться под защитой именно в рамках этнической системы русских граждан Украины (то есть именно таким образом, как требует наше законодательство).

И если русскому языку будет угрожать сужение использования в рамках самой русской этнической системы, украинское государство должно будет сделать абсолютно все и даже более для его всемерной и эффективной поддержки. Надо помнить, что этнические русские в Украине – это наши родственники, близкие, друзья, коллеги, знакомые – просто хорошие, добрые, отзывчивые и сердечные люди.

Тут, конечно, необходимо учитывать два момента, которые связаны с компактностью или плотностью проживания русских по конкретным регионам или населенным пунктам, как впрочем, и представителей любой другой национальности, включая и самих украинцев. Так, если, например, проживающих русских недостаточно, чтобы их дети могли ходить в отдельную школу или создать отдельный класс в школе, то им придется согласиться с тем, что необходимо будет учиться на украинском языке. При этом в «русских» населенных пунктах такие же принципы должны быть в отношении украинцев (они, в общем-то, так и действуют). А законодательство в свою очередь должно, наконец, *более четко определить, что такое «места компактного проживания» и как конкретно в них реализуются права нацменьшинств.*

Еще один момент – это сдвиги в массовом сознании этнических русских в Украине. Им надо научиться признавать себя национальным меньшинством. Это им сегодня достаточно трудно, но это необходимо прежде всего для них самих, чтобы они имели конкретный правовой статус и их права, соответственно, были как следует защищены.

Отдельного рассмотрения требуют ситуации, когда место компактного проживания русского нацменьшинства (город) может оказаться административным центром территории, где других таких мест компактного проживания больше нет. В таком случае нужен учет обоих факторов в сфере применения языков. И, безусловно, отдельный район может считаться местом компактного проживания нацменьшинства только при условии, если все его населенные пункты есть таковыми (а не когда нацменьшинство в районе составляет простое арифметическое большинство населения).

Русским также надо осознать, что их процентная доля в общем составе населения Украины в течение еще некоторого периода будет постепенно уменьшаться. Это уже происходит и некоторое время будет происходить за счет того, что дети из смешанных браков в большинстве своем делают выбор в пользу этнической принадлежности к украинской нации в тех регионах, которые не относятся к местам компактного проживания русских.

В целом в Украине есть хороший положительный опыт реализации прав нацменьшинств в местах их компактного проживания. Конкретно это относится к Закарпатья и Буковине. Используя их опыт, можно спокойно разрешить все т. н. «языковые проблемы», которые были искусственно заполитизированы в последние годы.

Что касается т.н. русскоязычных украинцев, то они (мы) должны самостоятельно решать, какой язык выбирать для пользования. *Русскоязычные украинцы имеют полное право разговаривать на любом языке* – на русском или на украинском – и сегодня в Украине этого права никто не отрицает. Но напомним, что согласно анализа статистической и социологической информации, две трети т.н. русскоязычных украинцев являются «русскоязычными» только потому, что они просто не имеют возможности говорить на своем родном языке в силу «давления» языковой среды, в которой они живут, учатся и работают и которая была сформирована во времена политики русификации в Российской империи и СССР.

Поэтому с целью возрождения украинского языка **надо выстроить такую систему языковой политики, когда, сохраняя индивидуальное право каждого конкретного человека на использование того или иного языка, украинский этнос (народ) в целом будет продви-**

гаться к динамическому возрождению украинского языка в ходе смены поколений.

В целом же, базовый принцип языковой политики любого демократического государства заключается в следующем:

Любой человек может свободно использовать любой язык в любой ситуации, если законодательством не предусмотрено использование в данной ситуации какого-либо иного языка, в частности – государственного

3. Возродим украинский язык!

Наша надежда

Итак, как мы убедились, утрата родного языка у значительной части украинцев, проживающих на территории современной Украины и переход их на русский язык явились следствием официальной политики русификации – методического и системного искоренения украинского языка как языка украинцев (украинского народа). Никакого добровольного перехода украинцев на использование языка соседнего народа не было. И хотя в последние десятилетия прямых запретов и репрессий в отношении языка наших дедов-прадедов официально практически не декларировалось, но в Украине была создана такая система функционирования языков, которая объективно принуждала нас отказываться от своего языка в пользу русского.

Утрата своего языка и отход от своей культуры – явление довольно известное в истории. Через него прошли многие народы, которым пришлось побывать под чужеземной властью или колониальным гнетом. В том, что произошло с нашим народом, мы не можем винить ни себя, ни своих родителей, ни наших дедов-прадедов. Нам, украинцам, даже сравнительно повезло в том, что, понеся ужаснейшие людские, культурно-материальные и духовные потери, наш народ, тем не менее, в своем большинстве сохранил украинский язык, а также надежду и перспективу на его полноценное возрождение для всех украинцев.

Наша надежда основывается прежде всего на том, что *мы в конце концов обрели свое собственное независимое государство*, куда

вошли почти все украинские этнические территории и в котором мы, украинцы, составляем этническое большинство и государствообразующий коренной этнос. Мы с каждым годом все больше перестаем оглядываться на другие страны в вопросах устройства нашей национальной жизни, мы изживаем в себе комплексы, заложенные в нас извращенной советской пропагандой, которая в период самой интенсивной русификации внушала нашему народу, что будто бы поднимать вопросы о сохранении своего языка, своей национальной самоидентификации есть «национализм», а «национализм» это есть плохо и «не по-братски» («по-братски» считалось уничтожать украинский язык).

Наша надежда основывается также на том, что *в нашей истории уже были успешные прецеденты возрождения украинского языка в сходных обстоятельствах*. Так было в Галичине, где к началу прошлого века небольшая часть украинского духовенства и украинского городского населения под давлением многовековой полонизации перешла на использование польского языка в повседневной жизни и даже в семьях. Тогда их принадлежность к украинскому народу во многом определялась религиозной принадлежностью к греко-католической церкви (поляки в отличие от украинцев-галичан были римо-католиками) так же, как в советское время в восточной Украине для многих такую принадлежность обеспечивала соответствующая запись в паспорте. В тот период утрата украинского языка в пользу польского у этой части украинцев Галичины проходила по тем же схемам, что и в советское время в крупных городах, в Восточной и Южной Украине. Но эти полонизированные украинцы силой своего духа, силой любви к Украине сумели вернуть себе родной язык – язык своих дедов и прадедов.

Очень похожей была и та ситуация, в которой оказался в конце XIX – начале XX века чешский народ – наши же братья-славяне. Сегодня трудно в это поверить, но Ф. Энгельс тогда строил такие прогнозы их судьбе: «Умирающая чешская национальность – умирающая, судя по всем известным из истории последних четырех столетий фактам, – в 1848 г. сделала последнее усилие вернуть себе бывшую жизнеспособность, и крах этой попытки должен, независимо от всех революционных размышлений, доказать, что Богемия может в дальнейшем существовать только как составная часть Германии, даже если бы часть ее жителей на протяжении нескольких столетий все еще продолжала говорить на ненемецком языке».

В то время группы студентов ходили по улицам Праги и с вызовом громко разговаривали по-чешски, чтобы продемонстрировать, что чешский язык еще живет. Немцы же и т. н. «немецкоязычные»

были уверены, что это голоса вопиющих в пустыне. Но чехи сумели зажечь национальной идеей свой народ и решили свою языковую проблему, а с ней и проблему своего бытия.¹²⁹ Сходный путь прошли финны после ликвидации господства Швеции и шведского языка, норвежцы – после освобождения от господства Дании и датского языка, а также венгры и латыши после дегерманизации своих городов. Евреи, воссоздавшие Израиль после Второй мировой войны и говорившие на языках тех стран, откуда они вернулись на землю своих предков, фактически возродили тогда для своего народа и свой исторический язык – иврит.

Нам снова говорят: ну, ладно, согласны – украинский язык кто-то там запрещал, кто-то там уничтожал, но зачем ее возрождать? пусть, мол, все остается так, как есть, как оно «исторически сложилось»... Мы же отвечаем: покуда жива наша историческая память, она всегда будет побуждать нас изменить те, что «исторически сложилось». Ибо «сложилось» оно не само собою, а путем грязного насилия и изощренной лжи со стороны конкретной «братской» метрополии.

Ми абсолютно не хуже чехов, словаков, финнов, норвежцев или евреев. Мы знаем массу примеров в украинской истории, когда *потомки бывшей украинской шляхты и казацкой старшины, уже в нескольких поколениях считавшие себя либо поляками, либо русскими, возвращались к своему народу, к его языку и часто становились в ряды национальных духовных лидеров*. Они были среди тех, кто, как это ни парадоксально, на всех этапах украинской истории – от войн Богдана Хмельницкого и до советских времен – во многом обеспечивал национальное возрождение украинского народа из этнического небытия, обеспечивал построение им своей государственности. **Подобного явления нет в истории ни одного народа мира! Это потрясающий историко-этнический феномен, характерный только для украинской нации.** Он генетически заложен в украинстве, и сегодня он также сыграет свою роль в возрождении нашего языка! Наш народ знал самые отвратительные примеры национального отступничества, но знал и самые выдающиеся, самые невероятные примеры возрождения украинского национального «я».

В ряду этих примеров – когорта сподвижников Богдана Хмельницкого. «Покозачена» шляхта из ранее полонизированных украинских шляхетских родов внесла в стихию освободительной революции высокообразованность, знакомство с Западом и его культурой, государственный опыт, полученный на высоких должностях в Речи Посполитой. В этот самый сложный период нашей истории Выговские,

Мрзовицкие, Нечаи, Кричевский, Богун, Немирич и другие сыграли свою выдающуюся роль в формировании дееспособного государственного организма Украины.

Во второй половине XIX века, когда отрицалось само существование украинского народа, особую роль в истории национального возрождения Украины сыграли т. н. «хлопоманы». Это была часть молодежи из полонизированных в свое время украинских шляхетских родов, которая пошла на сближение с новой украинской интеллигенцией. Во главе этого движения встал студент Киевского университета Владимир Антонович. Его взгляды разделяли и активно поддерживали Тадей Рыльский (отец будущего знаменитого поэта), Борис Познанский и другие. Они начали с увлечением изучать историю украинского народа, его фольклор и язык. Сподвижники Антоновича напрочь отвергли польские утверждения о том, что Правобережье – это часть Польши, что украинский народ – ответвление польского, а его язык – диалект польского языка. Поляки презрительно называли их «хлопоманами» и обвинили в измене польских интересов. В ответ Антонович опубликовал на страницах журнала статью «Моя исповедь» и призвал шляхтичей-поляков, живущих в Украине, вернуться к украинскому народу, от которого когда-то отреклись их предки. В дальнейшем Антонович сыграл выдающуюся роль как создатель украинской исторической школы, как учитель Михаила Грушевского и многих других историков, исследования и труды которых после поэзии Тараса Шевченко стали основой для формирования национального сознания и национального единства украинцев всех наших этнографических земель.

В начале XX века большую роль сыграли в возрождении украинского государства многие вернувшиеся к своему народу, после десятилетий и столетий русификации, военачальники и госслужащие УНР, гетман Павел Скоропадский.

Выдающееся место в когорте исторических деятелей Украины занял митрополит Андрей Шептицкий, происходивший из польского графского рода полонизированных украинцев. В конце XIX века, в тяжелейшее для нашего народа время, он вернулся к тесному и раздираемому противоречиями украинству, затем возглавил Украинскую греко-католическую церковь и объединил украинскую общественность Галичины для защиты украинских национальных интересов, за возрождение украинского государства – в борьбе с польским лагерем, который Андрей Шептицкий безоговорочно покинул, осознав свою принадлежность к украинскому народу, к его судьбе и к языку своих предков.

Да и в нашей сегодняшней жизни украинский язык не получил бы перспективу возрождения, если бы в период т.н. перестройки с

¹²⁹ В. Лизанчук. Не лукавити словом. Л., 2003. с. 215-216.

первых же дней национального подъема наши политики в Верховном Совете УССР не сделали сознательный выбор в пользу именно украинского языка.¹³⁰ Многие, уже основательно подзабыв его, многие, родившись и выросши в русскоязычной среде, они провозгласили украинский язык государственным, взяли курс на его возрождение и вынесли его на государственную трибуну, решительно отказавшись от языка «внутрипартийного и межнационального общения» и осознав свой долг перед историей своего народа, перед своими пращурами, перед звуковым строем родной земли. Это было практически невероятно для республики, деморализованной на протяжении двухсот лет жестокой системной русификацией, голодомором и системным уничтожением национальной элиты.

Возможно, этот феномен национальной, этнической регенерации заложен в нас с эпохи покорения наших предков аварами (обрами) в VI веке н. э. То было страшное время, когда авары буквально пахали на славянских племенах. Но прошла сотня-другая лет, и они сгинули, исчезли, а в нашем языке, в украинской народной памяти с тех времен и до сих пор осталась только поговорка, которой уже почти полторы тысячи лет: «Зникли, наче обри!». Так «зникли» потом с нашей этнической территории не только обры-авары, но и остатки многих других т. н. «покорителей». И мы каждый раз избавлялись от них, сохраняя свой этнос, возрождая свой язык и высоту национального духа.

Субъективные и объективные факторы

Говоря сегодня о возрождении украинского языка, мы в первую очередь должны осознавать, что в этом великом, благородном, но трудном деле действуют факторы двух разных порядков. Это *субъективные факторы*, связанные с нашим человеческим желанием возродить родной язык, принять участие в этом процессе или по крайней мере не препятствовать ему, а также с пониманием нынешней украинской элитой сути языковых процессов в современной Украине, способностью элиты выработать и эффективно реализовать правильный и системный подход к возрождению украинского языка. Это и *объективные факторы*, которые подразумевают создание объективных условий, необходимых для того, чтобы процессы возрождения языка шли во всех или, во всяком случае, во многих сферах.

¹³⁰ Чего, к глубокому сожалению, не произошло в нашей соседней Белоруссии, хотя процент белорусов в составе населения страны там был и остается намного выше.

В нашей реальной жизни объективный фактор – это прежде всего:

- достаточное количество украинских школ и детсадов;
- преподавание на украинском языке в вузах;
- использование его в госслужбе, госорганах и госучреждениях;
- украиноязычная реклама, вывески, экспликация;
- украиноязычное телевидение и печать.

Украиноязычная реклама, вывески, экспликация и телевидение не только обеспечивают постоянный контакт наших граждан с украинским языком, но и создают *сигнальную систему*, которая постоянно сигнализирует украинцам, что их Родина – страна украинского языка.

Наличие объективных условий возрождения украинского языка обеспечивается законодательством Украины, но качество их «исполнения» зависит во многом от того, насколько хорошо действует субъективный фактор.

Тот процесс, который у нас в Украине до сих пор шел под названием «возрождение украинского языка», в основном представлял собой как раз создание объективных условий для его возрождения. Так, после провозглашения независимости у нас была создана необходимая законодательная база, которая закрепила украинский язык в качестве государственного – языка центральных каналов телевидения, рекламы, государственной службы, органов власти, высших учебных заведений. Это обеспечило переход к его использованию в этих сферах, но ровно настолько, насколько количественно и качественно мог сработать субъективный фактор. А он сработал слабее всего в крупных городах, а также на Юге и на Востоке нашей страны.

До настоящего времени создание объективных условий зачастую представляло собой механическое «отзеркаливание» процесса русификации в обратную сторону, т. е. *механическую дерусификацию*, правда, при отсутствии прямого административного давления. Сама по себе эта механическая дерусификация была естественным способом действий в сложившихся исторических условиях, но к настоящему времени она *исчерпала себя и без активизации субъективного фактора дальнейших серьезных успехов не принесет*.

Дело в том, что изменились демографические условия, при которых механическая дерусификация, как почти сто лет тому назад механическая дегерманизация Чехословакии, Венгрии, Латвии, могла бы принести успех. Тогда успех для такого рода подхода обеспечивался активным естественным приростом коренного населения, которое из сельской местности перетекало в города и дина-

мично меняло языковую ситуацию в обстановке, когда ранее действовавшие колониальные языковые барьеры и ограничения были сняты, а заметного естественного или миграционного прироста у бывшего господствующего немецкого населения не было.

Еще один серьезный фактор – глобализация сфер массовой информации и массовой культуры, которые еще в XX веке относительно прочно удерживались в рамках национально-языковых границ. Сегодня национальные барьеры в этих сферах размыты и не выполняют защитных функций в отношении возрождающихся языков.

Таким образом, в условиях глобализации и при отсутствии естественного прироста населения **перспектива развития языковой ситуации в Украине зависит сегодня в первую очередь от действия субъективного фактора – от нас, русскоязычных украинцев.** Потому что возрождение нашего языка может идти в основном только путем перехода русскоязычных украинцев на украинский язык *в ходе смены поколений.*

Субъективный фактор для нас, русскоязычных украинцев, в первую очередь зависит от знания правдивой истории русификации Украины, от понимания и неприятия ее последствий, от изживания комплекса боязни мнимого «национализма», комплекса «второсортности» украинского языка, который русификаторы воспитывали в нас веками, а также от желания вернуть себе (или, по меньшей мере, своим детям или внукам) язык наших дедов-прадедов и восстановить поправное национальное достоинство нашего народа.

Чтобы *активизировать субъективный фактор*, мы должны не просто изжить в себе эти гнусные, навешанные изошренной колониальной ложью комплексы и выдать из себя раба чужой культуры и чужого языка. Но нам *надо сделать это с умом, зная, как работает субъективный фактор и как добиться своей цели.*

Вывести украинский язык на улицы своих городов

Нам очень важно понимать, что мы, русскоязычные украинцы, имеем полное право говорить на любом языке. Никто этого нашего права не отрицает, и я не предлагаю заставлять кого-то говорить на украинском. Но **мы можем и должны выстроить такую систему языковой политики, когда, сохраняя свои индивидуальные права на использование того или иного языка, мы в целом будем двигаться к динамичному возрождению украинского языка.**

Но нам также нужно знать, что *сегодня в русскоязычной среде современных крупных городов, а также Юга и Востока Украины резкого перехода на украинский язык с русского быть не может.*

Язык функционирует по своим законам, и при нынешних демографических условиях нельзя «сломать» в одночасье языковую ситуацию, которая складывалась десятилетиями, а то и столетиями.

Для языковых процессов в Украине очень важно учитывать два момента: использование украинского языка дома (в семье) и использование его в общественных местах и общественной жизни.

Как правило, когда кто-либо из нас, русскоязычных украинцев, попробует представить себе, что означает возрождение украинского языка лично для него, для его знакомых и близких, то он, или она, в основном представляет себе, что мы прежде всего должны перейти на его использование именно в личной жизни – на постоянное говорение на нем в своей семье, со своими друзьями и знакомыми. Такую перспективу любой среднестатистический человек сразу же *подсознательно* оценивает как невозможную. И такая оценка будет правильной, потому что рядовой русскоязычный украинец не может простым усилием воли просто заставить себя постоянно разговаривать на украинском языке в ситуации, когда окружающая среда «требует» русского языка да еще и при постоянном общении со знакомыми ему людьми, с которыми он годами разговаривал на русском. Для обычного человека *было бы неправильным и безуспешным делом пытаться заставить себя говорить дома на украинском языке вопреки сложившейся психологической практике.*

И в этом заключается основное противоречие – между нашими подсознательными оценками и нашими возможностями: даже если мы одобряем идею возрождения украинского языка, то для себя лично мы подсознательно считаем это затруднительным, даже если мы пытаемся на нем говорить, то это является затруднительным в условиях лингво-психологической практики, сложившейся в нашем окружении. Поэтому для большинства русскоязычных украинцев начинать надо не с прямого и резкого перехода на украинский язык в личной жизни и в семье, а с использования его в общественных местах и в общественной жизни.

Ведь если задуматься, то и русификация украинцев в индивидуальном разрезе шла именно по этой схеме. Сначала наши родители или деды были вынуждены переходить на русский язык в общественных местах, в общественной жизни, сохраняя тем не менее украинский язык для семьи и личной жизни. Этим закладывалась (или поддерживалась) основа для дальнейшего перехода их детей и потомков на русский язык уже в своих собственных семьях. Наша задача, таким образом, запустить эту «машину» наоборот.

Мы долго, многие, может быть, всю жизнь, будем говорить на русском языке дома, в своей семье, со своими близкими и знакомы-

ми. Потому что это сила привычки и сложившихся психологических обстоятельств. Но **абсолютно в наших силах вывести украинский язык на улицы своих городов, в общественные места, в общественную жизнь.** Для этого не надо никаких гигантских усилий. *Нам необходимо и достаточно начать хоть каким-либо образом использовать украинский язык в публичных местах.* Иногда даже простое употребление украинских выражений и пословиц в русскоязычной среде разрывает психологическую цепь, которой со времен русификации скована часть наших соотечественников.

Нам просто необходимо и достаточно каждый вечер, заходя в магазин, в банк, в метро, в органы власти, обращаться к продавцам или должностным лицам на нашем родном украинском языке. Если на украинском языке заговорят улицы и общественные места Киева, то заговорят и улицы, и общественные места остальных городов, а через десятка два лет на украинском в ходе смены поколений начнут говорить и молодые семьи.

Именно так может и должно продолжаться возрождение нашего родного, утерянного нами языка – от улицы, общественных мест, общественной жизни в семье в ходе смены поколений. **Это самая простая и эффективная логика объективного языкового процесса, через которую невозможно перепрыгнуть и которую невозможно обойти.** И наша главная задача – это просто назвать украинский язык родным, несмотря на то, что в семье и в жизни мы пока говорим на русском. Это наш долг перед трагической историей нашего народа, перед трагической историей его изощренного физического и духовного истребления, неотъемлемой частью которого было отлучение нас от звукового строя нашей земли, от языка наших дедов и прадедов. **Это сегодня для нас главное – мы должны назвать украинский язык родным, вывести его на улицы, в общественные места, и все у нас получится.**

Если бы те украинцы, которые сегодня живут в Днепропетровске, Запорожье, Херсоне, Николаеве, Харькове и считают украинский язык родным или положительно относятся к идее его возрождения, заговорили бы на украинском языке в общественных местах, в магазинах и в транспорте, то будьте уверены, языковая ситуация в этих городах изменилась бы заметно.

Давайте помнить, что еще шестьдесят лет назад Львов преимущественно говорил по-польски, а теперь он говорит по-украински. И Киев должен, наконец, снова заговорить по-украински. Главное – должно появиться осознанное желание и первые положительные толчки. *Нужна лишь воля украинской политической элиты, ответственные лица и система хорошо продуманных мер.*

Список конкретных задач

Даже самая правильная констатация сложившегося положения и самое правильное указание направления движения не помогут решить проблему, если не определить перечень конкретных задач, последовательность их решения и тех, кто должен организовать их выполнение.

Нам мало просто стать и быть сознательными украинцами, мало назвать украинский язык родным. **Необходимо правильно определить, что конкретно и как надо сегодня сделать для возрождения украинского языка.**

Если изложить кратко, то система конкретных мер по возрождению украинского языка должна обеспечить:

- четкую демонстрацию государственно-политической воли, нацеленной на возрождение украинского языка, как языка украинского народа (этнуса), и назначение официальных лиц, непосредственно ответственных за эту задачу;

- утверждение стойкой сигнальной системы, подтверждающей приоритетный статус украинского в Украине (кроме Крыма) – телевиденье, радио, реклама, вывески экспликация;

- соответствующие положительные изменения в массовом сознании украинцев;

- формирование *полноценного базового ареала* украинского языка;

- концентрацию усилий на столице Украины – Киеве;

- *свободное владение* всеми украинцами украинским языком;

- постоянный *активный контакт* русскоязычных украинцев с украинским языком;

- изменение лингво-психологической ситуации, сложившейся в период интенсивной русификации в крупных городах, а также на Юге и на Востоке Украины.

Украинский язык как язык украинского народа должен неформально (а может быть, и официально) получить статус репрессированного языка и иметь его до тех пор, пока на нем не будет постоянно разговаривать подавляющее большинство украинцев в Украине. Именно украинцев, а не граждан Украины, которые принадлежат к национальным меньшинствам. Основываясь на этом статусе, государство и заинтересованные общественные организации должны *разработать новые системные подходы в политике возрождения украинского языка*, которые бы учитывали характер и тенденции развития современной языковой ситуации в Украине и дали возможность не просто констатировать текущее положение дел, а дать позитивный импульс его изменению.

Наши освітяне, писатели, творческая інтеллігенція – це те, хто в кінці восьмидесятих – на початку дев'яностих першими стали на захист української мови. Вони продемонстрували величезний ентузіазм і стійкість у справі її відродження в своїх сферах, які в усі часи мали пріоритетне значення для національного життя будь-якого народу. І до цього моменту саме вони в основному і займалися цим священним і благородним справою. Честь їм і слава! Але тепер до справи відродження мови наша національно свідомі еліта повинна також системно підключити досвідчених і толкових соціо- і психолінгвістів, соціологів, працівників сфери громадського думки. І ще *потрібні конкретні люди в будь-якому конкретному відомстві, в обласних і районних держадміністраціях, які будуть відповідати за цю справу перед українським народом.*

Щоб у нас, російськомовних українців, з'явилось усвідомлене бажання повернутися до мови своїх дідів і прадідов, щоб ми могли назвати українську мову рідною і бути впевнені в тому, що ми досягнемо своєї мети, ми всі повинні отримати певні ефективні позитивні толчки. А цього можна досягти тільки з допомогою *хорошо продуманої, тривалої і багатоступінчастої інформаційної кампанії.* Вона повинна викоренити в масовому свідомості українців будь-яку думку про «второсортність» української мови. Вона повинна запалити українське суспільство ідеєю відродження рідної мови, без якої ми завжди залишимося етнічною масою, використовуваною сусідніми народами для своєї «підпитки» во всіх відносинах, в тому числі в економічному і політичному.

В сучасних умовах відродження української мови – це передусім проблема ставлення наших громадян до цього процесу і проблема зміни стереотипів мовного поведіння

По тому нам потрібна така кампанія, яка створить во всьому суспільстві егрегор, націлений на відродження української мови. Ця мета повинна бути частиною нашої національної ідеї, бо без духовної складової будь-який похід за «загальнолюдськими» (або «загальноєвропейськими») матеріальними цінностями, введений в ранг національної ідеї, закінчиться плачевно для нашого народу і держави. Народ, позбавлений духовних орієнтирів, з часом перестає бути народом. Давайте пам'ятати, що будь-який, хто замість ідеї відродження нашої мови і національного гідності під-

совує нам ідею «братського корита з смачною ботвиньєю», жадає передусім зайняти у цього корита місце «спостерігача» з бейсбольною битой (і з усіма витікаючими звідси наслідками).

Профінансувати цю інформаційну кампанію повинно українське державство з залученням всіх найкращих «крутих» спеціалістів в цій і суміжних областях, які розроблять і реалізують необхідну систему заходів. Головне – розробники повинні правильно врахувати особливості аудиторії, з якою вони передусім будуть працювати, – російськомовних українців.

Початок і проведення кампанії повинно бути взаємопов'язано з системним проведенням заходів на інших напрямках, які повинні *в межах діючого законодавства неуклонно підштовпувати нас до більш активного використання української мови.* В частині, це стосується наступних напрямків:

Школа. Україномовні школи в великих містах, на Юге і на Сході України, повинні в якості основної своєї задачі **гарантувати вільне володіння українською літературною мовою і термінологією своїми випускниками**, значуща частина яких є в побуті російськомовними (мова в даному випадку не йде про школи в україномовних населених пунктах).

Вільне володіння літературною мовою і термінологією – заклад безпроблемного переходу на неї в тих випадках, коли це буде вимагатися, заклад безпроблемного використання української мови в подальшій житті. Бо одна з основних проблем нинішнього покоління російськомовних українців як раз складається в тому, що вони не володіють українською мовою в вільній ступені, т. є. фактично не можуть на ній вільно говорити.

Підкреслюю також, що для нас, російськомовних українців, *забезпечити ефективне і вільне володіння українською літературною мовою і термінологією може тільки навчання в україномовній школі.* Воно також робить наших дітей і онуків більш вразливими і лояльними по відношенню до української книги, україномовному телебаченню і культурі (естраді і т. п.). Це я бачу з власного досвіду, так як моя власна дитина ходила саме в українську школу.

По тому *ми повинні віддавати дітей і онуків в українські школи*, і це наш другий крок на шляху до відродження української мови після того, як в якості першого кроку ми назовемо її рідною. Ми повинні підтримувати наших дітей і онуків в процесі їх навчання в українських школах, допомагати, поощрювати і надихати.

Перед державою і міністерством освіти повинна стояти задача ефективного підбору кадрів для відділів і управлінь народної освіти, для україномовних шкіл в ряду

крупных городов, на Юге и на Востоке Украины. Сегодня много учителей в них попросту не владеют украинским языком (как правило, это приехавшие когда-то из России люди) или владеют им плохо, не свободно (как было уже написано, это одна из основных проблем нынешнего поколения русскоязычных украинцев). Учителя обязательно должны общаться с детьми и между собой при детях на украинском языке, и это должно стать жестким требованием школьной администрации.

Школьные библиотеки должны не только быть полностью обеспечены украиноязычными учебниками, но и литературой на украинском языке для чтения по программе.

Методическая работа по национальному воспитанию в школе требует более эффективной привязки ее к современной жизни («осучаснения»). Нужно учитывать, что нынешнее поколение – это поколение «видео», основная часть которого стремится к кратким, но зрелищным формам восприятия информации, идей и эмоций. К сожалению, формы национального воспитания в наших школах (конкурсы самодеятельности, концерты, тематические вечера и т. п.) отстают от специфических потребностей нынешнего поколения. Зачастую они затянuty по времени, не зрелищны и соответствуют «канонам» 30–40-летней давности.

«Осучаснения» требует и форма подачи учебников. К сожалению, даже учебный материал по Тарасу Шевченко изложен в нынешних учебниках по шаблонам давности в несколько десятилетий. Сегодня наши дети и внуки живут в иной информационной и эмоциональной среде, и то изложение материала по Великому Кобзарю и по другим темам, с которыми им приходится сталкиваться по программе, не дает им возможности осознать величие роли Тараса Шевченко в истории нашего народа, сделать его фигуру притягательной и авторитетной для нынешнего поколения русскоязычных украинцев.

Детские сады. Они должны стать первой ступенькой в деле обеспечения свободного владения украинским литературным языком нашими детьми и внуками. Проблемы украиноязычных детсадов в ряде крупных городов, на Юге и на Востоке Украины те же, что и в тамошних украинских школах. Многие воспитатели не владеют украинским языком вообще (в основном, приехавшие из России) или не владеют им свободно. Они также обязательно должны общаться с детьми и между собой при детях на украинском языке.

Вузы и средне-технические заведения. Необходимо сделать более жесткими требования к преподавательскому составу относительно ведения лекций и занятий на украинском языке. Вузы должны «требовать» *свободного и активного владения* украинским литературным языком и соответствующей терминологией от посту-

пающих. Это должно мотивировать будущих абитуриентов к овладению украинским языком в свободной и активной степени.

При необходимости для желающих из преподавательского состава надо организовать психологическую помощь, которая позволит методом несложных психолингвистических упражнений сравнительно быстро активизировать говорение на украинском языке (при наличии большого пассивного словарного запаса) и даже изменить отношение к использованию украинского языка в положительную сторону, если человек осознает, что ему это необходимо.

В семье. *Мы, русскоязычные украинцы, должны однозначно воспитывать у наших детей и внуков отношение к украинскому языку как к родному.* Должны воспитывать своих детей в украинском национальном духе (в противном случае им будет привит дух других народов) – рассказывать правдивую историю нашего народа, историю русификации и отношений с соседними народами, чтобы наши дети и внуки знали, почему не все украинцы разговаривают на родном украинском языке, и чтобы они в дальнейшем стремились вернуть себе язык своих дедов-прадедов.

Нам надо обязательно подписаться хотя бы на одну украинскую газету или журнал, покупать книги на украинском языке (например, сказки для детей или внуков), периодически покупать им в подарок диски или кассеты *популярных* украинских исполнителей.

Прекрасное дело – петь на ночь детям или внукам не обязательно украинские колыбельные, но хотя бы просто лирические украинские народные песни, читать украиноязычные сказки и детские книги.

Если Ваш ребенок учится в украинской школе, то надо стараться говорить с ним на украинском языке тогда, когда Вы помогаете ему решить какие-то проблемы с уроками, с которыми дети обычно обращаются к родителям.

Обязательно начните менять и измените свою собственную индивидуальную сигнальную систему: поставьте на украиноязычный режим ваш мобильный телефон, введите на украинском языке наименования папок и программ в компьютере, покупайте календари на украинском языке, заполняйте на украинском языке бланки, пишите заявления и т.д. Через некоторое время эти меры дадут свои результаты.

Государственные органы. Армия. В соответствии с законодательством во всех регионах Украины (как исключение – Крым), и прежде всего в столице, необходимо сделать более жесткими требования к государственным служащим относительно владения украинским языком и использования его на службе. Госслужба, как и вузы, должны «требовать» от принимаемых на работу *свободного владения* украинским литературным языком и соответствующей

терминологией, и особенно – на руководящие должности. Это должно мотивировать кандидатов на работу к овладению украинским языком в свободной степени.

Ведение в госорганах документации, любого персонального учета, переписки, заполнение бланков и журналов должно вестись только на украинском языке. Подача заявлений в местах, где нет *компактного* проживания других национальностей, должна осуществляться строго на украинском языке.

Все виды регистрации физических и юридических лиц, учета и отчетность перед государственными органами должны вестись строго на украинском языке (а не только на украиноязычных бланках). Это имеет особую важность как для поддержания знаковой системы, так и для расширения повседневного контакта с украинским языком, утвержденного законодательством.

В реализации указанных мер правительство должно *обеспечить постепенность и поочередность в отношении разных регионов*. Особую твердость в их реализации необходимо уже сейчас проявить в тех регионах, где украинцы составляют подавляющее большинство и где практически нет мест компактного проживания других национальностей.

Реклама. Как уже было написано, украиноязычная реклама, вывески, экспликация и телевидение не только обеспечивают постоянный визуальный контакт наших граждан с украинским языком, но и *создают сигнальную, знаковую систему, которая постоянно сигнализирует украинцам, что их Родина – страна украинского языка*. Это один из очень важных факторов влияния на отношение людей к расширению использования украинского языка.

Сегодня на Юге и Востоке сложилась негативная ситуация с соблюдением рекламного законодательства в плане использования государственного языка в наружной рекламе. Фактически эта часть сигнальной системы, призванной поддерживать возрождение украинского языка, здесь либо отсутствует, либо представлена слабо, что дезориентирует подсознание населения Юга и Востока и препятствует правильным оценкам с его стороны. Надо помнить, что без полноценного утверждения украиноязычной наружной рекламы на Юге и Востоке (как сигнальной системы) любые другие меры по возрождению здесь украинского языка будут абсолютно объективно тормозиться и ослабляться. Поэтому в соответствии с законодательством во всех регионах Украины (как исключение – Крым и места компактного проживания нацменьшинств) необходимо сделать более жесткими требования к изготовлению рекламной продукции только на украинском языке. Вывески магазинов, учреждений и предприятий должны быть отнесены к рекламе.

Но эти требования не должны приводить к перегибу – преждевременной замене уже изготовленной рекламы и вывесок на русском языке, что может вызвать протесты предпринимателей ввиду необходимости дополнительных трат. Просто при очередной замене рекламы она должна изготавливаться на украинском. Более жесткие требования в этом отношении должны выдвигаться как к заказчику рекламы, так и к изготовителю. Рекламные агентства должны предупреждать заказчика рекламы о нормах законодательства в отношении использования украинского языка, то же самое должны делать органы государственной власти при выдаче разрешения на установление рекламы.

В реализации указанных мер правительство должно обеспечить постепенность и поочередность в отношении разных регионов. *Особую твердость в их реализации необходимо уже сейчас проявить в тех регионах, где нет мест компактного проживания других национальностей*.

Телевидение и радио. В соответствии с законодательством сделать более жесткими требования к центральным каналам в отношении вещания на украинском языке. В перспективе необходимо выдвинуть требования и к полному дублированию российских фильмов. Стоит рассмотреть вопрос о создании государственного центра перевода (и дублирования) кино-, видео, аудио- и печатной продукции.

Местные ТРК должны обеспечить украиноязычное вещание в объеме не менее процента украинцев в составе жителей региона, района (населенного пункта). Некоторые областные ТРК заявляют о своей готовности перейти на украинский язык, но аргументируют пока невозможность этого тем, что предвидят снижение дохода от рекламы. Если же эти требования будут выдвинуты и реализованы повсеместно, то т. н. проблем с потерей рынка рекламы ни для кого не будет, а возможно, следует на этот период предусмотреть какие-то компенсационные мероприятия.

Печатная пресса. В 70-80-е гг. в условиях гипермиграции русификаторам путем административных ограничений и запретов удалось переломить ситуацию с украинским книгоизданием и прессой в свою пользу. Это произошло на значительной, если не большей, части Украины. Таким образом, меры по административной борьбе с украинской книгой и прессой, которые были инициированы кремлевской кликой в период голодомора, дали закономерный эффект в застойный период – значительная часть украинцев и миллионы новопереселенцев из других республик использовали в своей жизни в основном русскоязычную печатную продукцию и относились к украиноязычной, как к «непрестижной». Так сформировался стой-

кий спрос на русскоязычную печать и книгу как более «удобную» для пользования. Его следствием явился фактический упадок украинской печати в 1990-х годах, когда административные запреты были ликвидированы, но взамен произошла резкая коммерциализация книгоиздания и СМИ.

Отмечу, что Украина обладает сравнительно огромным рынком украиноязычного читателя для СМИ. Необходимо обязательно освободить от НДС украиноязычную часть тиража тех изданий, которые выходят на двух языках, а также простимулировать другими методами и достичь взаимопонимания с издателями по вопросу издания наиболее массовых печатных СМИ не только на русском, но и обязательно на украинском (например, «Факты», «Сегодня», «Лиза», «Единственная», детские журналы и газеты и т. д.). Обеспечить рекламу и информацию об украинском варианте популярных газет и журналов, особенно детских.

Кроме того, выдвинуть более жесткие требования по размещению рекламы именно на украинском языке в региональных и местных печатных СМИ в соответствии в законодательством.

Книгоиздательство. Украина также обладает сравнительно огромным рынком украиноязычного читателя книжной литературы. Как следствие предыдущих двух сотен лет системной русификации, ограничений и миграционных предпочтений, а также непоследовательности, несистемности современной государственной политики в сфере национальной печати он и сегодня находится под давлением русскоязычной книги.

Поэтому государственная политика должна, как и для печатной прессы, методами различного стимулирования обеспечивать издание на украинском языке части тиражей ныне русскоязычных книг, в том числе и для российских изданий.

Серьезным и реальным заданием для государства и печати является обеспечение школьных библиотек украиноязычной литературой для чтения по программе.

Культура и массовая культура. Культура или государственность – что важнее? Наши некоторые русскоязычные интеллигенты иногда выдвигают порочный тезис о том, что, мол, они предпочли бы видеть свой народ с более «сильной» культурой, но без формальной независимости, чем иметь независимость и не иметь «сильной» культуры. Для такого рода теоретиков ответ может быть только один: мы уже прошли этот этап развития в XVII–XVIII веках, и он закончился тем, что, не имея государственности, мы едва не потеряли и свой язык, и остатки культуры, и свою национальную самоидентификацию. Такие игры с нашими «добрыми соседями» не проходят, и это надо твердо усвоить.

В то же время, когда сегодня мы говорим о поддержке украиноязычной (или национальной) культуры, то обычно мы как бы подразумеваем под ней некий узкий круг деятелей, которые с чего-то вдруг должны моментально и навсегда овладеть сознанием и вниманием населения Украины и на равных конкурировать с ведущими мировыми культурами. Этот утопический стереотип мешает нам понять, что сегодняшний мир – мир массовой культуры и массовой информации. И сегодня в Украине массовая культура (прежде всего – кино и эстрада) – это, как правило, массовая культура из США и России, причем в последнее время даже в большей степени – из России.

Российская (советская) русскоязычная *массовая* культура двести пятьдесят лет формировалась в несравненно более благоприятных финансовых, административных и политических условиях. Она усиленно формировала своего потребителя в Украине (мы уже знаем, какими методами – вплоть до административного запрета украиноязычной культуры). Попробовать в одночасье освободиться от ее влияния и моментально заменить почти всю российскую продукцию массовой культуры в Украине на украиноязычную нашего собственного производства – сегодня нереально. Но реально – отнестись более трезво к российским песням и фильмам в нашей жизни и по-своему использовать их для продвижения интересов возрождения украинского языка.

В частности, в том, что касается российских фильмов и познавательных телепередач, то в обозримой перспективе необходимо будет выдвинуть жесткие требования по их полному *звуковому* дублированию на украинский язык для показа по нашим телеканалам и даже частично по российским, вещающим специально для Украины (аналогично украиноязычным рекламным блокам на подобных каналах). Таким образом, российский кинематограф сам будет помогать возрождать украинский язык. А с т.з. его возрождения *главное пока – любая украиноязычная кино- и видеопродукция, которая притягивает к себе зрителя.* Естественно, здесь надо предвидеть возмущенные вопли со стороны украинофобов – «наследников» советской гипермиграции, которые сегодня занимают достаточно много влиятельных постов.

Не буду далеко ходить за примерами того, что реальная, на мой взгляд, украинофобия пока еще существует в нашей жизни, и чтобы не быть голословным, возьму пример из сферы рекламы. И попрошу уважаемых читателей вспомнить то, как года три-четыре назад у нас пытались ввести законодательную норму: названия иностранных торговых марок (брендов) в рекламе должны даваться с переводом на украинский язык. По этому случаю, на мой взгляд,

украинофобское рекламное лобби подняло дикий вой, что, мол-де, названия марок (брендов) переводиться не должны, ибо это противоречит какой-то там сложившейся практике и тут, мол, папахивает «националистическими» перегибами. Законодатели под давлением этих крикунов и их представителей в парламенте отменили свое решение. При этом отметим, что с точки зрения противоречия какой-то там сложившейся практике эти, на мой взгляд, украинофобы были формально правы, но с точки зрения интересов своих клиентов – нет. Написание украинского перевода названий иностранных торговых марок (брендов) давало два дополнительных преимущества заказчику рекламы: в ходе контакта с подобной рекламой потенциальный потребитель еще раз прочитывал название марки (бренда) и, кроме того, прочитывал его правильно, ведь названия пишутся на самых разных языках, т. е. с разными правилами чтения. Но все-таки, *на мой взгляд, украинофобское рекламное лобби в данном случае безоговорочно пожертвовало интересами своих заказчиков, лишь бы утолить свою ненависть к украинскому языку.*

Еще более красноречивыми в этом плане были интриги некоторых субъектов нашего кинопроката, о которых в начале 2007 г. поведал в «Українській правді» бдительный Иван Помидоров¹³¹. Он отметил, что в процессе формирования легального рынка кинопроката в Украине иностранные фильмы, по инерции постсоветских времен, дублировались на русском. Дистрибьюторы пользовались лазейкой закона о кинематографии, которая требовала дублировать фильмы на «государственном языке или на языке одного из национальных меньшинств». Вопрос дублирования на украинском языке регулярно поднимался общественностью и отдельными дистрибьюторами и также регулярно спускался на тормозах. Почему-то считалось, что это экономически невыгодно.

В январе 2006 г. Кабмин издал постановление (по фамилии тогдашнего вице-премьера по гуманитарным вопросам его называют «постановлением Кириленко»), которое устанавливало квоту обязательного дублирования фильмов для проката, демонстрации и домашнего видео на украинском языке. С 1 сентября 2006 г. дистрибьюторы должны были дублировать не менее 20 процентов продукции, с 1 января 2007-го – 50, а с 1 июля 2007-го – не менее 70 процентов.

Однако некоторые дистрибьюторы, которые были недовольны квотированием, начали оказывать сопротивление. Они и их лоббисты доказывали, что переводить – экономически невыгодно: мол, основные сборы дают города Востока – Харьков, Днепропетровск и

¹³¹ Иван Помідоров. Як ви можете допомогти українському кінематографу. «Українська правда», 29 січ. 2007 р.

Донецк, которые ни в коем случае не пойдут на кино, дублированное на украинском. Это лобби оспорило «постановление Кириленко» в суде, и, когда дело дошло до Апелляционного суда, тот отменил постановление. Таким образом, в ноябре 2006 г. у кинозрителей сложилось впечатление, что все потеряно. Украинский язык из кинотеатров был снова выгнан.

Но группа неравнодушных украинцев, которую назвали «гражданской инициативой содействия развитию украинского кинематографа», собрала объективную информацию по этому вопросу и выяснила, что те, на мой взгляд, украинофобы, которые рассказывали о невыгодности украинского дублирования из-за того, что якобы восток страны дает большую часть сборов, нагло обманывали общественность. Выяснилось, что наибольшую часть кассовых сборов – 50–60% – дает Киев. Следующей идет Одесса (15–25%) и только потом – Днепропетровск (7–8%), Харьков (5–6%), Донецк и Львов – по 3–4%.

К тому же прокат первых качественно переведенных и дублированных лент («Тачки», «Пираты Карибского моря») показал, что украиноязычные ленты собирают больше, чем русскоязычные, даже на востоке страны. Потом ситуация была еще более показательной – украинская версия (55 процентов от общего количества фильмокопий) романтической комедии «Отпуск по обмену» собрала 1,6 млн грн., а русская (45 процентов от общего количества фильмокопий) – 553,8 тис. грн. Украинское дублирование мультфильма «Рога та копыта» принесло 1,03 млн грн. а русское – 308,8 тысяч грн. То есть дела оказались намного лучше для украиноязычного дублирования, чем старалась убедить другая сторона.

И если противники украинского дублирования говорили неправду о причинах, которые заставляют отказываться от украинского дублирования – у них были другие основания. Активисты «Кіно-Перекладу» выяснили, что противники украинского дублирования вообще не переводят фильмы – они просто завозят готовые фильмокопии из России. Дублирование каждой стоит 30-50 тыс. долларов. Ежегодно из-за такой практики украинская киноиндустрия теряет минимум 2 млн долларов, которые остаются в России.

Но суд, который отменил «постановление Кириленко», подложил хорошую свинью противникам украинского дублирования. Постановление было отменено, поскольку, по мнению суда, дополнительных нормативно-правовых актов не надо – закон «О кинематографии» и Конституция и без того определяют, что дублирование и демонстрация фильмов должна осуществляться украинском.

22 декабря 2006 г. в Минкульте был подписан Меморандум о взаимодействии в деле дублирования иностранных фильмов между

правительством, дистрибьюторами и демонстраторами. Дистрибьюторы обязались до конца года довести долю дублированных на украинском фильмов до 50 процентов (детского кино – до 100), а кинотеатры обещали все это показывать. Собственники прав на домашнее видео тоже пообещали записывать звуковые дорожки с украинским дублированием на 100 процентов своей продукции. Минкульт обязался содействовать созданию в Украине собственных студий для финальной стадии дублирования – микса. Пока технологической базы Dolby Digital нет (хотя все возможности имеются), и микс осуществляется в Праге, Варшаве или Санкт-Петербурге.

Основной негатив – в меморандуме не была определена квота на максимальное количество фильмокопий одного фильма, которая не подлежит обязательному дублированию. Это дало возможность компаниям-посредникам по-прежнему не дублировать фильмы в Украине, а массово завозить их из России.

Законную точку в этой истории поставил Конституционный суд Украины, который 24 декабря 2007 года принял решение об официальном толковании положений ст. 14 Закона Украины «О кинематографии». В соответствии с решением КС все иностранные фильмы перед распространением в Украине обязательно должны быть дублированы или озвучены или субтитрованы на государственном языке. Центральная исполнительная власть должна поддерживать этот процесс помощью в организации на национальном уровне качественного перевода и технически безупречного дублирования кинопродукции как для кинотеатров, так и для телеканалов. Чтобы в дальнейшем украинophobia не могли ставить под сомнение необходимость украинского дублирования, ссылаясь на чисто технические недостатки этого дела и чтобы в представлении наших граждан понятие «украинское дублирование» ассоциировалось лишь с качеством подачи кинопродукции и комфортом ее восприятия.

К этой истории могу лишь добавить, что нам необходимо также создавать украиноязычные версии каналов по типу русскоязычных версий «Холлмарка», «Евроньюз», «Дискавери», «Мира животных» и т.п. Это уже сейчас можно было бы применить к ним же и, например, к НТВ плюс «Наше кино», «Детский мир» и т.п. Расходы на дублирование – за государством с возможностями коммерческого подхода и самокупаемости.

С эстрадой дело обстоит несколько сложнее. Дублировать песни невозможно, да и не нужно. Но если, не дай Бог, кто-то попытается остановить «українську хвилю», иницированную Мыколою Томенко в бытность его вице-премьером, то мы должны быть готовы ввести минимальный фиксированный процент или долю (например, условно одна пятая) украиноязычных песен или клипов в музы-

кальных программах ТРК и на музыкальных ТВ каналах. Подобная практика существует во многих странах мира. И нам это также может понадобиться с учетом враждебности некоторых кругов по отношению к украинской и украиноязычной культуре (эстраде, песне), являющейся следствием той самой двухсотлетней политики русификации и колониальной мегамиграции, которая должна была смести наш народ с лица земли.

А что касается именно украинской национальной массовой культуры, то она должна пониматься не как «шароварщина» и «этнографические поделки», а как продукция, которая, в условиях украиноязычного дублирования всех иностранных фильмов и сериалов, могла бы конкурировать с американскими и российскими аналогами, занимая свою часть рынка в самой Украине и даже за рубежом.

Массовая украиноязычная культура в период возрождения украинского языка должна получить поддержку государства, поскольку она является самым весомым рычагом этого самого возрождения. Но поддержка со стороны державы не должна носить приживальческий характер, а должна служить стимулом, предоставляться на конкурсной основе и учитывать условия рынка.

Говоря о массовой культуре, вспомним из пункта «Школа»: обучение наших детей и внуков в украинских школах сделает их более восприимчивыми и лояльными по отношению к украиноязычному телевидению, кино, эстраде и т. п. То есть процесс подъема украиноязычной массовой культуры тесно взаимосвязан с национальным воспитанием, которое во многом зависит от нас самих.

Интернет. Сегодня уже принято считать, что интернет-сайты – это средства массовой информации. Соответственно необходимо продумать, как экологично решить вопросы использования украинского языка на этих сайтах. Однозначно, что сайты государственных органов, учреждений и предприятий в их информационной части должны быть украиноязычными или должны открываться с украиноязычной страницы.

Язык интернет-рекламы должен регулироваться соответственно действующему законодательству, т. е. быть украинским.

Вынужденно русскоязычные. Эта категория украинцев требует к себе особенного внимания, потому что является огромным резервом в деле возрождения украинского языка. К ней относятся те люди, которые родились в украиноязычных семьях (как правило, в селах), но, сменив место жительства или социальную среду, попали под диктат ранее сложившейся лингво-психологической ситуации, в которой им приходится разговаривать на русском языке. Эти люди составляют две трети от всех русскоязычных украинцев,

о которых любят разглагольствовать защитники бывшего «средства межнационального общения».

Стереотипы языкового поведения в крупных городах, на Юге и Востоке страны под час создают абсолютно абсурдные ситуации, когда в коллективе из десяти человек восемь считают украинский язык родным, но разговаривают с коллегами и между собой на русском ввиду практики, сложившейся со времен советской гипермиграции. В магазине, где продавцы общаются между собой на украинском, а покупатели разговаривают на нем дома, между собой они при оформлении покупки, как роботы, переходят на русский. Я наблюдаю такие картины достаточно часто.

Нужны свои особые методы, чтобы разорвать эту порочную цепь, поддержать и вернуть украинский язык для данной категории украинцев, которые составляют почти половину от всех т. н. «русскоязычных граждан» вообще. С этой категорией нужно работать отдельно, и прежде всего, надо вывести украинский язык на улицы наших городов, в общественные места и изменить сигнальную систему, чтобы украинцы, переезжающие в города из сел, смогли комфортно использовать родной язык.

Демонстрация государственно-политической воли. Для продолжения дальнейшего продвижения на пути возрождения украинского языка наше общество должно увидеть и ощутить, что высшая государственная власть однозначно нацелена на это. Поэтому абсолютно необходимо принять законодательные акты, согласно которым в Верховной Раде единственным рабочим языком (языком не только документов, но и депутатских выступлений) будет государственный украинский язык, а народным депутатом Украины в дальнейшем сможет стать только человек, свободно владеющий украинским языком, руководители и работники центральных органов власти должны не только владеть, но и постоянно использовать украинский язык при исполнении служебных обязанностей и в публичных делах и мероприятиях.

Для независимого контроля за выполнением этих норм граждане Украины или общественно-политические организации должны получить право подавать в суд на освобождение от должностей тех лиц, которые будут нарушать эти нормы или не будут соответствовать их требованиям. Суд должен автоматически освобождать таких лиц от занимаемых должностей.

В соответствии с духом Конституции мы обязаны ставить вопрос о том, что знание государственного украинского языка, свободное владение им являются священным долгом каждого гражданина Украины.

Украина уже более 15 лет является независимым государством. И сколько еще лет должно пройти, чтобы те наши граждане, которые хотят работать во власти, выучили наконец государственный язык? Мы единственная страна в мире, где некоторые представители власти до сих пор позволяют себе *бравировать* незнанием государственного языка или демонстративно им пренебрегать в публичных делах.

Учет региональных различий и формирование полноценного базового ареала украинского языка. Необходимо, проявляя исключительно высокую жесткость во всех предусмотренных законом ситуациях и сферах жизни, утвердить в столице, в центральных, северных и западных областях Украины (и особенно в их областных центрах) систему безоговорочного и полноценного функционирования украинского языка как государственного.

В западных областях языки национальных меньшинств уже имеют хорошо налаженную схему защиты и поддержки в местах их компактного проживания, в центральных областях места компактного проживания нацменьшинств отсутствуют. Поэтому на базе вышеуказанных регионов мы должны, проявляя обоснованно жесткие требования, сформировать *базовый ареал полноценного и полнокровного функционирования украинского языка*, который будет базовым ареалом его дальнейшего возрождения во всей стране, при безоговорочном сохранении статуса единого государственного языка и поддержке языков нацменьшинств в местах их компактного проживания.

Крым, как специфическая автономная административная единица, где подавляющее большинство населенных пунктов являются местами компактного проживания русских или крымских татар, имеет полное право на свой собственный порядок использования русского и крымскотатарского языков на полуострове. Но при этом в Крыму должны быть также полностью обеспечены изучение государственного украинского языка (как того требует Хартия) и его использование для нужд местных украинцев и во всех случаях, предусмотренных общим законодательством.

Антисуржик. Борьба с суржиком (употреблением смеси украинского и русского языков) необходима, но она должна осуществляться с умом и с учетом региональных особенностей. В частности, эта борьба должна быть бескомпромиссной и хорошо продуманной прежде всего в пределах областей базового ареала полноценного и полнокровного функционирования украинского языка. Именно здесь надо в первую очередь жестко ставить вопрос о литературных нормах.

На Юге и Востоке ее развертывание должно осуществляться после создания *всех* объективных условий для возрождения украинского языка. Здесь преждевременная постановка акцента на борьбе с суржиком, на пропаганде «нетерпимости» к нему способна испугать тех, кто сегодня суржиком пользуется. Ибо, аналогично ранее изложенному, обычный украинец не может только лишь усилием собственной воли заставить себя перейти на литературный украинский язык в ситуации, когда окружающая среда «требует» суржика или русского языка, а жизнь требует от него направлять усилия воли на поиск хлеба насущного. Нужно не только правильно ставить необходимые акценты, но и предварительно готовить соответствующие изменения в самой среде.

Дорогие друзья!

Если резюмировать, то оптимальный вариант решения языковой проблемы в Украине сводится к следующему:

– Любой гражданин Украины имеет полное право на использование любого языка в любой сфере своей жизни, **если законодательством в данной сфере не предусмотрено использование другого языка** (в частности, государственного).

– Возрождение украинского языка в Украине должно осуществляться как возрождение языка конкретного украинского этноса, при котором русскоязычные украинцы будут сохранять свое индивидуальное право на использование того или иного языка, но украинский этнос в целом будет продвигаться к динамичному возрождению украинского. В Украине должна быть принята система конкретных мер, которые должны *в рамках действующего законодательства* неустанно побуждать (но не принуждать) русскоязычных украинцев к более активному использованию украинского языка. **Это внутреннее дело украинцев, украинского народа (этноса), украинской этнической системы и никто не имеет права вмешиваться в это дело извне.**

– Защита русского языка в Украине должна осуществляться как защита прав конкретного национального меньшинства (этнических

русских – граждан Украины) на использование русского языка для общения, получения образования, воспитания своих детей, при этом им, как национальному меньшинству, должны быть предоставлены самые твердые, детализированные, «сверхжелезные» законодательные гарантии относительно их прав на использование своего языка в образовании и воспитании детей, в общении. Основываться эти права и процедуры должны на учете доли нацменьшинств (в данном случае русских) в составе населения Украины в целом и по местам компактного проживания.

– Все разговоры об абстрактной «защите русского языка» (как впрочем, и об абстрактном возрождении украинского) должны рассматриваться как недобросовестные политические спекуляции.

– Граждане Украины должны получить исчерпывающую информацию о том, как и почему в отношении украинского народа проводилась русификация и каковы ее последствия. В оценках периода официальной и полуофициальной русификации и ее последствий украинское общество должно пройти тот же путь, который оно прошло в оценках голодомора.

Такой подход позволяет без всяких противоречий, гармонично соединить воедино как возрождение украинского, так и защиту русского языка.

Поэтому я хочу обратиться к тем, кто сегодня формирует и определяет языковую и информационную политику нашего государства, с призывом выработать *новый твердый, системный и всесторонне обоснованный подход* к продолжению курса на возрождение украинского языка, который должен осуществляться на основе профессионального анализа сложившейся на сегодня ситуации.

Я также хочу обратиться ко всем читателям со словами о том, что мы, украинцы, независимо от того, «русскоязычные» мы или «украиноязычные», мы можем назвать украинскими словами «вишукана та шляхетна» только наш родной язык – нашу українську мову.

Эти слова, сколько бы мы ни пытались, мы не сможем применить ни к одному из других языков, которые известны нам на этой планете. Ведь каждый народ сам выбирает нужные слова-характеристики для своего языка.

Так давайте же сделаем все, чтобы наши дети, наши внуки и правнуки вернулись, наконец, к «вишуканій та шляхетній мові» наших дедов и прадедов. И тогда, если перефразировать слова нашего Национального Гимна, **українська мова стане поміж народами!**

3. R-фактор

В данном случае R-фактор – это не резус-фактор, а фактор России. А он для поднятых в данной книге проблем имеет достаточно важное значение.

Анализируя ту позицию, которую российский официоз занимает сегодня по языковой проблеме в Украине, можно констатировать, что в отношении Украины *современная Россия придерживается анахроничных советских трактовок в оценках межнациональных проблем*, существовавших в СССР, а также в оценке самой советской национальной политики. В частности:

- по-прежнему замалчивается факт национального гнета и политики русификации, *официально* проводившейся в отношении украинцев в Российской империи и полуофициально проводившейся в СССР под видом курса на «сближение и слияние наций»;

- не признается, что нынешнее *непропорционально широкое распространение русского языка в Украине* является следствием интенсивной имперской и советской русификации, гонений и запретов украинского языка как языка украинского народа;

- не признается факт принудительной русификации украинцев в местах компактного проживания на территории России в сталинское время;

- искусственный голодомор в Украине и на Кубани не признается как акт геноцида в отношении украинского народа.

Как следствие, Россия проводит в отношении Украины официальную политику абстрактной защиты русского языка как такового, а не защиты прав именно русского национального меньшинства на его свободное использование. Российская внешнеполитическая доктрина *официально* рассматривает распространение русского языка как рычаг влияния России на другие страны (что в Украине является также и рычагом расширения сферы русской этнической системы за счет сужения сферы украинской этнической системы).

Такая позиция подрывает взаимное доверие русского и украинского народов и наносит реальный вред славянскому единству. Она является следствием устаревших неправомерных амбиций на сохранение контроля над сопредельными территориями и влияния на них методами, практиковавшимися еще в колониальную эпоху.

Кроме того, такая позиция вредит защите и обеспечению прав русского национального меньшинства в Украине на свободное использование русского языка, так как превращает этнических русских в Украине в заложников транснациональных амбиций российских политиков (вместо того, чтобы обеспечить их социальный

и этнический комфорт). Украина располагает достаточной правовой базой для защиты прав национальных меньшинств, этому российским политикам и Кремлю надо концентрировать свои усилия именно на этом, а не на абстрактной защите русского языка, для которой Россия иногда использует даже дипломатические средства (чего, кстати, не делает ни одно другое государство мира).

Если российский политиком действительно заинтересован в разрешении всех проблем в отношениях с Украиной и украинским народом, в сохранении и поддержании славянского единства, в действенной защите прав этнических русских в Украине, то России, как официальной правонаследнице СССР, необходимо было бы сделать следующие шаги:

- выразить сожаление в связи гонениями и запрещениями, которым подвергался украинский язык как язык украинского народа в Российской империи, в связи с политикой русификации украинцев, проводившейся в СССР, принудительной русификацией украинцев в местах компактного проживания на территории России в сталинское время, и признать искусственный голодомор на Украине и Кубани актом геноцида в отношении украинского народа;

- выразить сожаление в связи с утратой частью украинского народа (этноса) украинского языка (как основного средства общения) вследствие политики русификации украинцев, официально проводившейся в Российской империи и полуофициально проводившейся в СССР под видом курса на «сближение и слияние наций»;

- отказаться от практики абстрактной защиты русского языка в Украине, призвать русскоязычных украинцев к активному участию в процессах возрождения украинского языка, а этнических русских в Украине – к уважительному отношению к украинскому языку и украинской культуре;

- официально провозгласить принципом своей внешней политики защиту русского языка как языка русского национального меньшинства в Украине (то есть в рамках русской этнической системы) и призвать украинский политиком конкретизировать нормы действующего украинского законодательства и расписать соответствующие процедуры по защите прав нацменьшинств, и прежде всего русского, на использование ими своих языков.

Именно такая позиция будет наибольшим образом способствовать налаживанию доверия и взаимопонимания между украинским и русскими народами, между славянами вообще, и будет свидетельствовать о действительном отказе России от устаревших колониальных амбиций. Именно такую позицию Россия должна занять в отношении русского языка в Украине, *если русские действительно считают украинский народ братским народом.*

Напомню, что в таких шагах не было бы ничего экстраординарного или постыдного для России, как члена мирового сообщества и славянского государства. Ведь смогла же нынешняя Польша официально отказаться от всех этно-языковых трансграничных амбиций в отношении Украины и официально принести извинения за операцию «Висла» по принудительной депортации украинского населения из мест исторического компактного проживания вглубь Польши.

Ведь смогла же Украина выразить сожаления Польше в связи с гибелью польского населения на Волыни в 40-х гг., несмотря на то, что это произошло в ходе межнациональных столкновений, в которые втянулись местные польские и украинские вооруженные формирования, а Украина, как государство, не имела отношения к тем событиям. Но выражение сожаления позволило повысить уровень украинско-польского взаимного доверия. Отмечу, что, конечно же, это было нелегко сделать – «стать на горло собственной песне» – но мир не перевернулся от этого, как могло показаться многим вначале, и «Дунай не остановился в своем течении», и «небо не упало на землю». Но дышать после этого стало легче.

Был, впрочем, подобный прецедент и в России, когда Борис Ельцин принес полякам извинения за расстрел пленных польских офицеров под Катынью. И это был своеобразный акт гражданского мужества для тогдашнего российского президента и для всего народа России.

Россия, Украина и Польша – три самые крупные славянские страны. Установление взаимного доверия в этом славянском треугольнике, которое бы базировалось на открытости этно-языковой политики, на отказе от устаревших амбиций по сохранению контроля над соседями, на принесении необходимых извинений (или сожалений) и на взаимном прощении прошлых обид, во многом бы могло поспособствовать укреплению неформального славянского единства и было бы хорошим примером для южной ветви славянских народов, которые еще совсем недавно самыми варварскими методами убивали друг друга.

Надо отказаться от примитивного видения славянина исключительно как человека, разговаривающего на русском языке, относящегося к Московскому патриархату и испытывающего неизменный пиетет к российскому государству. В силу своей истории мы, славяне – народы разные: и по языкам, и по вероисповеданию, и по антропоморфным типам. Давайте же признавать это и уважать друг в друге нашу несхожесть. И именно только из этого взаимного уважения к нашему многообразию может родиться наше утраченное единство.

Отношения украинского и русского этносов обладают одной особенностью – наши этносы взаимно имеют на территории государства другого этноса места компактного проживания своего этноса как национального меньшинства. Поэтому Украина, украинский народ вправе *требовать* от России и русского народа адекватного (зеркального) отношения к украинскому меньшинству в местах его компактного проживания на российской территории. Выполнение этих требований как раз будет той лакмусовой бумагой, которая покажет истинное отношение России к Украине и к украинскому народу. Пока же, по моей оценке, оно показывает подходы в стиле двойных стандартов, замыливания проблем и постыдного увливания от адекватного, зеркального выполнения «братского» долга.

4. Народ-феникс

Украинский язык был дан нашим предкам и нашему народу Богом! Отобран же он был у части нас, украинцев, посредством коварного насилия, обмана и лжи – т.е. посредством всего того, через что проявляют себя темные силы нашей Вселенной. Поэтому возрождение украинского языка для украинцев – это дело святое и благородное, это борьба с мраком за торжество справедливости и правды на прекрасном маленьком кусочке Земного шара, который называется Украина.

То, что наш украинский народ выжил как этнос, существует и, наконец, обрел свое независимое государство, – действительно уникальный феномен. Это воистину какое-то чудо, что лишенный формальной элиты, разорванный по территориям нескольких государств *народ, само существование и язык которого напрочь отрицались соседями*, сумел сохраниться, сохранить свой язык, утвердить себя и соединиться в свою собственную державу.

Это поразительно, потому что подобного чуда не произошло ни с одним другим народом ни в европейской, ни в азиатской истории. Ушли в небытие прусы, ливы, полабы, многие балтийские и финно-угорские народности европейской части России, практически утратили свои языки шотландцы, ирландцы, бретонцы и многие другие этносы. Но мы и наш язык выжили.

Нам столетиями доказывали со всех сторон, что мы ответвление или часть «общерусского» народа, польского народа, румын или мадьяр. Нам запрещали говорить на нашем родном языке, не давали на нем открывать школы и учиться, нас преследовали, сажали в тюрьмы, истязали, убивали оружием и голодом только за само право называть себя Украинцами. Нам упорно со всех сторон до-

казывали, что нас нет, но мы выжили, утвердили свою этническую сущность и соединились в одну державу.

Как народ мы выжили благодаря четырем основным факторам. Первый – этническая и этнографическая общность тех славянских племен, которые условно можно назвать «украинскими». Наши далекие прадеды, происходившие из этих племен, в основном называли себя «русинами» (в отличие от самоназвания «русские», которое изначально означало не этническую принадлежность к народу Руси – русинам, а личную принадлежность феодальному правителю, князю из Руси). Именно этническая, этнографическая и языковая общность стала базой нашего объединения (украинской соборности) независимо от того, на какой период времени и в составе какого государства оказалась та или иная часть нашей этнической территории.

Второй фактор – опыт государственного строительства времен Хмельниччины и Гетманщины, который, несмотря на все попытки русификаторов, навсегда отчетливо зафиксировал нашу «окремішність» от наших восточных «братьев».

Третий фактор, благодаря которому мы выжили, – это, как ни странно, та самая территориальная и религиозная «разобщенность» нашего этноса. Ведь так получалось, что когда наши гонители доводили до апогея свои преследования в восточной части Украины, украинское движение реанимировалось и разгоралось в им неподвластной западной части. И наоборот.

Наконец, четвертый фактор – это какая-то невероятная способность нашего народа к возрождению своего национального «я». Об этом уже было написано в предыдущих главах, где рассказывалось о том, как много раз на протяжении украинской истории потомки украинцев, *уже в нескольких поколениях считавшие себя либо поляками, либо русскими*, возвращались к украинскому народу, к его языку и даже становились в ряды национальных духовных лидеров. Они обеспечивали национальное возрождение украинского народа, его выход из этнического небытия и обеспечивали построение им своей государственности.

Повторю, что **подобного явления нет в истории ни одного народа мира! Это потрясающий историко-этнический феномен, характерный только для украинской нации. Мы, украинцы (по-старому, «русины») – народ-феникс.**

В борьбе за свою самобытность мы, украинцы, понесли жесточайшие многомиллионные человеческие потери. Этими потерями наши гонители хотели навсегда подавить в нас волю к сопротивлению, к борьбе за право говорить на своем языке и стремиться к

созданию своей собственной державы. Мы понесли и жестокую духовную потерю – часть нас, украинского народа, под немыслимым изощренным давлением русификаторов временно утратила язык своих дедов и прадедов как средство основного общения.

Но, несмотря ни на что, мы возродим свой язык, потому что у нас есть своя держава, у нас есть великие примеры и в нашу грудь бьет «пепел» миллионов славян, которые погибли только за то, что называли себя Украинцами и говорили на Украинском языке!

Это и есть наш великий долг перед памятью наших предков!

Это и есть наш великий долг перед будущим наших детей и внуков!

Уважаемые читатели!

Эта книга вышла на украинском и русском языках. Тираж состоялся благодаря материальной поддержке Уважаемого Спонсора, который пожелал не оглашать своего имени. Автор и заказчик тиража искренне благодарны ему за возможность реализации этого некоммерческого проекта.

Безусловно, книга быстро разошлась среди тех, кто наиболее остро проявляет интерес к поднятой в ней теме. Однако огромная масса наших сограждан по-прежнему остается лишенной возможности получить объективную информацию по т. н. «языковой проблеме в Украине». И если Вы, прочитав эту книгу, считаете, что с изложенной в ней информацией и взглядами должно ознакомиться как можно большее количество наших граждан, то Вы можете оказать содействие ее дальнейшему выпуску.

В частности, для этого автор разрешает свободную печать, переиздание, тиражирование и распространение этой книги за средства частных лиц и организаций в случае, если при этом не будут преследоваться коммерческие цели (последующая продажа печатной продукции). В таких случаях автор готов дать соответствующее разрешение, предоставить электронные тексты книги на украинском и русском языках при условии сообщения ему количества экземпляров каждого нового тиража для статистики и учета. С этой целью, а также для коммерческого издания обращаться к автору:

kostiantin_svirjetski@yahoo.com.

Константин Свиржецкий

Общественно-политическое издание

Константин Свиржецкий

Языки в Украине:

возродить украинский – защитить русский

Художественный редактор
Технический редактор
Корректор

И. В. Князев
Л. А. Лазутина
Н. В. Чечeko

Формат 60x84/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Школьная. Печать офсетная.

Усл. п. л. 7,90.

Издательство «Дикое Поле»

Украина, 69063, г. Запорожье, ул. Чекистов, 31-А.

Тел.: (061) 213-75-95; 213-75-05.

Изд. лиц. ЗЗ № 004 от 23.08.2001 г.

Охраняется Законом Украины

«Об авторском праве и смежных правах»

Правовое сопровождение

Юридическая фирма «Щедрин и партнеры»

69035, м. Запорожье, ул. Победы, 56 «а»

тел. (0612) 12-17-84, тел./факс (0612) 12-17-86

E-mail: schedrin_lf@reis.zp.ua

Свиржецкий К.

С 24 Языки в Украине: возродить украинский – защитить русский. –
Запорожье: Дикое Поле, 2008. – 136 с.

ISBN 978-966-2994-25-4

ББК 81.21(4Укр)

УДК 81`272(477)